

А. ХАДАРЦЕВ

**ИЗ ПРОШЛОГО –
В НЕЯСНОСТЬ**

Том I

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

А. ХАДАРЦЕВ

ИЗ ПРОШЛОГО – В НЕЯСНОСТЬ

*Издание 2-е,
исправленное и дополненное*

Том I

Стихи разных лет

Тула – Белгород, 2011

Александр Хадарцев – член Союза писателей России, с первой публикацией стихов выступил в альманахе «Ока» в 1990 году.

В 1992 году издает сборники стихов «Что нарисую я на полотне...» и «Любви не найден интеграл», в 1993 – «Углы России забелил туман», в 1995 г. – «Не торопись остановить часы», в 1996 г. – «Из Тульских засек голос мой», в 1997 г. – «Виртуальные надежды», в 1999 г. – «Витражей акварельные пятна», в 2002 г. – «У памяти преграды нет», «Извечных истин водопад», в 2003 г. – «Спичка жизни», в 2005 г. – «Крепка любовь в любое время года», в 2006 г. – «Из прошлого – в неясность» в 3-х томах, в 2007 – «Аромат прошлого», «Избранное», в 2008 г. – «Беспокойной жизни закоулки», в 2009 – «Дикая мощь Кавказа – вечноседой магнит».

В 2001 г. – публикуются подборки стихов в альманахе «Прикосновение», прозы – в альманахе «Прикосновение» в 2002 г. Его стихи и проза печатаются в сборниках и журналах: «Ветер времени на поле Куликовом» – в 2005 г., «Наука с музами дружит» – в 2005 г., «Приокские зори» – в 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 гг., «Свет любви» – в 2006 г., «Гриф... и Странник...», «Пресс?! Под хрупкою?! Мечтой?!» – в 2007 г. Отдельные произведения напечатаны в газетах «Медицинская газета», «Тульские известия», «Тула вечерняя», «Тульская правда», «Жизнь Правобережья», «Пенсионер и общество», переведены на болгарский язык в газете «Медицина» (София) и др.

А. Хадарцев – доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Петровской академии наук и искусств, Международной академии творчества и др.

Хадарцев А. Из прошлого – в неясность. Т. I (изд. исправ. и допол.). – Белгород: ЗАО «Белгородская областная типография», 2011. – 548 с.

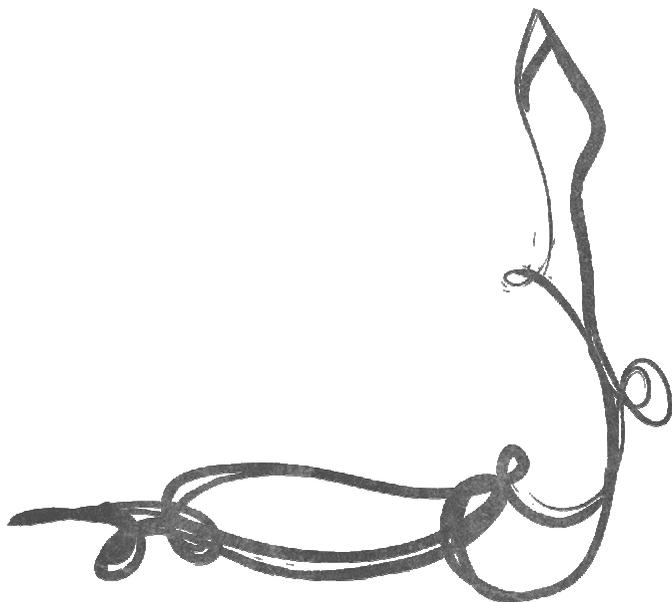
ISBN

© А. Хадарцев, 2011

© ЗАО «Белгородская областная типография», 2011

***ШЕСТИДЕСЯТЫЕ,
СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ
XX ВЕКА***

ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

Маковки церквей заброшенных
проржавели до стропил,
лик святого искореженный
укоризненно застыл.

Видит он глазами тусклыми
тот же город, тот же пруд,
и, как прежде, люди русские
в стельку пьяные идут.

Неба серое полотнище,
над крестами – воронье,
на сто верст – одни болотища,
да прокисшее жнивье.

Зябкость холода осеннего,
мокрость луж, дождя поток,
злого ветра песнопения –
вот какой он – Волочек.

РУСЬ ОСЕННЯЯ

Листья желтые. Ветки мокрые.
Все – обыденно. Все осеннее:
в грязной жиже лягушки дохлые,
Русь – старинная, Русь – Есенина.

Называем столетья по-разному:
век наш атомный, век космический,
но названье векам – дело частное,
только Истина – историческое.

То же небо измазано тучами,
и все так же вороны каркают.
Люди – стали немножечко лучше,
а дожди – знай: то льют, то капают.

По стогам, по лесным полянам
хлещет ветер водой холодной,
по колхозникам, по крестьянам,
и по сытым, и по голодным...

По столетьям, по тысячелетьям,
по коричневым, желтым, белым...
Старикам, и юнцам, и детям
дождик осени моет тело.

Мир очищенный, Русь умытая
каждой осенью обновляется...
Стынет грязь в колее разбитой,
да от ветра изба шатается.

СНЫ ДРУГИЕ

Я засыпаю поздней ночью,
усталость сбросив на постель,
не написав последней строчки,
не увидав яснее цель.

Проваливаюсь в сон глубокий,
где все – сбывается всегда,
и ты – мечтой моей далекой
приходишь медленно туда.

Неслышно открываешь двери,
движенья плавны, голос тих,
вся в белом. Верю и не верю...
Но что за боль в глазах твоих?

«Быть может, что-нибудь случилось?
Ответь скорей, ну не молчи!»
С твоих волос фата свалилась
на пламя желтое свечи.

В мгновение – вспышка ослепила –
и все исчезло... тишина...
На черных небесах застыла
мертвящей резкостью луна.

Стучало сердце торопливо,
в ушах – пульсирующий звон.
И я – беззвучно, как с обрыва,
врываюсь в следующий сон.

ЦЫГАНКИ НА ПЛЯЖЕ

Глаза – удивленными сливами.
Цыганки на пляже – хозяйками:
цветастыми и красивыми,
нахальными в меру и яркими.

Пурпурные губы – подкрашены,
подведены веки умело.
Нейлоны сверкают бесстрашно
под юбкой, подоткнутой смело.

«Есть жвачка, помада хорошая...»
А – «Дай погадаю!» – не модно.
Гаданье – цыганское прошлое
для бизнеса – непригодно.

Гаданье – почти исключается:
что толку гадать, что на сердце,
когда процветает отчаянно
источник доходов – коммерция.

– «Эй, цыганка-сербиянка,
если можешь – погадай!»
– «Ай, да ну, да ну данай,
дра да ну данай».

ДОЖДИ В НОВОМ АФОНЕ

Я не знаю, чем мы небо разобидели:
вновь за окнами осенние дожди.
Море что ли эту воду разом выдало...
иль сумело просто в небо перейти.

Нет границы, все размыто, обезличено:
небо, море, монастырская земля,
Сочи, Рица, отдыхающие личности,
меж которых затерялись ты и я.

За окошком – ни березки, ни осинки.
Все магнолии да пальмы, да самшит...
Небо с морем разделив на половинки,
с нами скука по-абхазски говорит.

ДОРОГА С РИЦЫ

Машина мчалась, как на ралли.
Водитель с ней – кентавром слит.
А на сиденьях – мы страдали:
кто был укачан, кто упит...

Через Упшарские ворота,
каньон зеленодревних скал,
от поворота к повороту –
автокентавр стрелою мчал.

Лихая песня по-абхазски
сопровождала нас в пути...
Дорога с Рицы, словно в сказке,
мне помогла себя найти.

«ДУШЕВНОЕ» ИНТЕРВЬЮ

Не в дразгах мещанского быта,
где ночью и днем – «Караул!»,
а морем веселым омытый
один человек утонул.

Пока его дружно «качали»,
дыханье пытаюсь вернуть,
душа, прихватив «Цинандали»,
в далекий отправилась путь.

Со мною столкнувшись сначала,
глядевшим в зрачки из-под век,
попутно она рассказала,
как жил этот экс-человек:

Что ел он и пил – без опаски,
любил, иногда невпопад,
с друзьями делился по-братски,
был счастьем товарищей рад...

Что слыл он не зря хлебосолом,
трудиться до пота – любил,
был добрым, радушным, веселым,
как нянька за внуком ходил...

Но так как душа торопилась,
чтоб во-время в очередь встать,
со мною она – распростилась,
места обещающая занять.

ПОЛЮБИТЬ ИЛИ ПОБИТЬ?

Мы стесняемся естественных порывов:
тех, что в детстве невозможно укротить.
Непосредственно, как речка у обрыва,
зазвучало нежно-звонко: «Полюбить?»

Кучерявый чародей из Еревана
мир наполнил серебром альтернатив:
чет иль нечет? Или поздно, или рано?
Суть различна, но один у них мотив.

«Полюбить или побить?» Вопрос достойный
трепетания шекспировских страстей.
Прекращается эпоха пустословья,
постулируется: слово для людей.

Избегаем мы открытости вопросов,
мудрословьем подменяя пустоту,
а ребенок, самый искренний философ,
объясняет эту истину – коту.

Плещут волны у высокого обрыва,
укрывая непосредственность вглуби.
Жизнь, смертельная моя альтернатива,
ты не бей меня, а лучше – полюби!

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПИТАНИЯ

Я сегодня – мальчишка Японии,
я – Давидик из нежной Армении.
Тайным смыслом там мудрость наполнена:
разрешается – без разрешения!

Разрешается сколько мыслится,
сколько знаетса – разрешается,
сколько чувствуется и видится –
ничего им не запрещается.

Но неправда, что все – дозволено.
Вседозволенность – от незрелости.
Бой посуды хрустально-звонный –
проявление зелени в спелости.

И не знают они виноватости,
не знакомы им сполохи ярости.
Это – в будущем, где не до святости,
а сегодня – купаются в радости.

И Давидики вдруг понимают,
что свобода и не ... и для видимости.
Прозревают и вырастают
до «осознанной необходимости».

ВДАЛЕКЕ

Мы учили с тобой наизусть,
что живем в этой жизни – раз,
но запряталась льдинкой грусть
в непроглядных глубинах глаз.

Нас бросала судьба-метель,
как снежинки на землю, вниз,
но была у нас в жизни – цель.
И была сама она – жизнь!

Я спокойно смотрю из окна
в первозданную неба синь.
Что мне небо? Ведь ты – одна,
потому, что здесь я – один.

Если ты вдалеке не одна,
я и этого не боюсь...
Сердцу больно.. Молчит луна...
Но звенит холодинка – грусть.

* * *

Друзья приходят,
как за ночью день:
неотвратимо и необходимо.
За нами ходят
преданней, чем тень:
неуловимо с нами, а не мимо...

Они навек вырастают в бытие
корнями мыслей – крепкими корнями,
корнями чувств – прекрасными корнями,
расплавив в «нашем» древнее «мое».

Г. И Ю.

В вашем доме уютном, разомлевшем от сна,
у зимы бесприютна – притаилась весна.
Мы приходим с друзьями в этот лад и покой –
бесприютные сами, с беспокойной душой.

На зеленые грядки, где клубника цвела,
снега белые прядки вам зима намела.
Как снежинки витают – пролетают года,
две сестрички мечтают, что пройдут холода.

Два цветочка друг к другу прислонились с тоской:
две сестры, две подруги с неделимой судьбой.
В этом домике старом под молчанье Упы
дышит снежно гитара: «Лето, вновь наступи...»

Очарованный вальсом, отступает мороз.
То, что было – осталось, что хотелось – сбылось...
Девятнадцатым веком вам в мечтах не прожить:
мы шагаем по вехам: тут – творить, там – любить.

Тишина – не затишье, тишина – не покой,
тишиной – озаришься и поспоришь с судьбой.
Только вдруг несогласье внес безмолвный рояль:
Свечи... книги... и вальсы... и старинная шаль...

БЛОКАДА

Когда через сердце разряды
не могут прорваться никак,
названием точным: блокада –
вскрывается стопперный знак.

Блокада изменчивых ножек,
блокада привычных путей,
разряды несутся под кожей
в таинственной спешке ночей.

Блокада обычных понятий,
привычек, приличий, стыда,
признаний, вражды, неприятий –
окольно плетет провода.

Окольное душеснабженье
приводит на самое дно.
И имя ему от рожденья:
блокада – навеки дано.

А! АБХАЗИЯ!

Лето. Отпуск. Абхазия. Новый Афон.
И слова по-абхазски, как тонкий намек:
телефон называется «ателефон»,
а ларек именуется «алариок».

Восхищенное «А!» приложимо всегда:
А! Шашлык! А! Пещера! А! Вино! А! Вода!
А! Туристка в бикини! А! Загар! А! Волна!
А! Природа! А! Пальмы! А! Она! Ай! Жена...

Кипарисово-пальмовый, мандариновый фон,
далеко не монашеский Новый Афон.

МУЗЫ

Муза Евтерпа нежнейшим пером
в воздухе что-то писала,
свиток держа под рукой
(от стихов и поэм утомленной).
Я сочинять приспособился с нею вдвоем,
чтоб она не узнала,
как вдохновляет порой
образ другой, вдохновленный.

Ножка одной Терпсихоры младой
Пушкина как-то пленила,
шахматный выиграв блиц
(в позиционной борьбе).
Зная характеры сих примадонн,
их обхожу я уныло,
чтоб не тревожить девиц
неким авансом судьбе.

Талия смехом нещадным грозит,
правду низводит до тлена
хохотом рвущихся лиц,
(слезы – что твой водопад!)...
Тихо слезинка висит,
скорбно молчит Мельпомена,
тщетно пытаясь продлить
истины искренний взгляд.

Муза Евтерпа усталым пером
где-то чего-то писала,
а Терпсихора и ночью и днем
чем-то кого-то пленяла.
Талия смехом ехидным разит
жертв комедийного плена,
только одна безысходно молчит:
муза судьбы – Мельпомена.

ЗОЛОТО

Дьявольски дорого золото золота,
но драгоценней – молчания золото,
золото мысли в мерцании шепота,
золото свадьбы, приправленной топотом,
золото тостов в блестящей премудрости,
золото локонов, льнущих к округлостям,
платина возраста в кудрях седеющих,
губы – в улыбках рубиново-рдеющих,
нежные руки, пусть жизнью исколоты, –
много дороже, чем золото золота.

Нет! Не завидуйте, не обольщайтесь,
если увидите «символы счастья»:
«Руки-то в золоте, зубы-то в золоте,
уши-то в золоте, шеи-то в золоте!»

Вы не завидуйте золотом стиснутым!
Будьте в погоне за золотом истинным,
мчитесь Клондайками снежно-морозными,
будьте мужчинами, в действиях грозными,
бабами будьте надежными, скальными,
дамами сердца с глазами печальными,
с твердыми мышцами, с ясными мыслями!
Нашими будьте! С судьбой независимой
ни от сокровищ и ни от превратностей,
с сердцем, заполненным общностью радости.

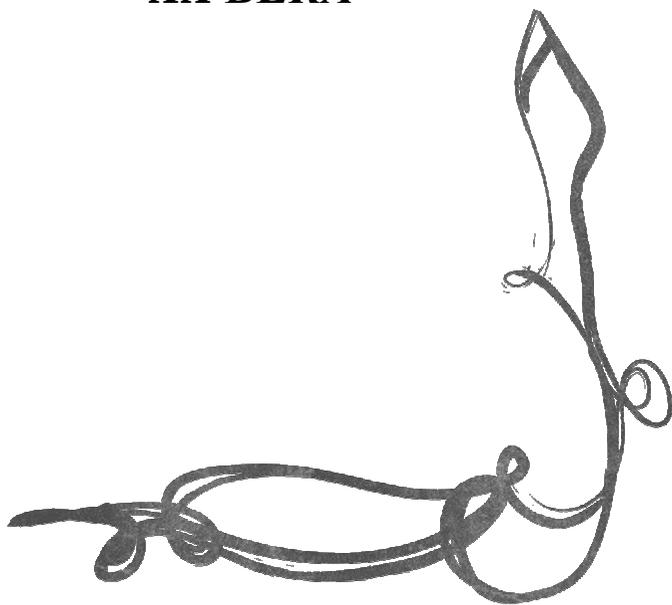
Дьявольски дорого золото золота.
Неоценимы лишь: нежности золото,
золото осени дымно-костровой,
золото дружбы, на подвиг готовой.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

ГОДЫ

XX ВЕКА

ИГРА

Играют мальчики в мужчин,
пропахших водкой и любовью,
бензином, силой и здоровьем,
с блестящей резкостью седин.

Играют мальчики в мужчин,
не зная боли сотен флиртов,
которых не измерить в литрах,
но можно – глубиной морщин.

Нет миллиртутных колоннад:
на смену им – гектопаскали...
Вот и с любви одежду сняли,
поддав мечтам коленкой в зад.

Играют в мальчиков мужчины:
те самые, ковбойно-четкие,
которым резать в драках глотки
так надоело без причины.

В такой игре они влюбляются
в девчонок с верными глазами,
несут цветы в подарок маме,
сквозь слезный лед не прорубаются...

И к телефону долгожданному
несутся, прекратив дыхание,
не верят в правду расставания,
а лишь в свиданье, ночью данное.

Играют мальчики в мужчин,
играют в мальчиков мужчины,
на то у них – одни причины,
но и конец, увы, один!

ПОСЛЕ БАНИ

Этот профиль холодный и строгий,
как застывший корабль на орбите,
вывел нас на начало дороги
в осознание бед Нефертити.
Где не встретишь теперь Нефертити?
На экранах, на стенах, на стеклах,
на брелоках, руками истертых
в современном разменянном быте.
Призрак прошлого мечется шало
в бликах люминесцентных сияний...
Ты, царица, по-бабьи устала
удивляться сюрпризам свиданий.
Без регалий, без тайн и без званий
ты сама по себе – не забыта:
вечный профиль по меди пробитый
над дверями в непрофильной бане.
Отвернулась от зноя парилки,
где от веников спины краснеют.
Не красней! И побольше ухмылки!
Не жалеи, ведь тебя не жалеют!
Нефертити, давайте попроще:
вылезайте из медных доспехов,
сполосните державные мощи,
отдохните без смеха и спеха!
Эвкалиптом плеснем на камень,
задохнемся от температуры:
две достойные бани скульптуры,
барельефы на досках смиренья.
И шагнула она, будто в детство...
Что за ножка! Нежна и стройна.
Я помог ей разуться, раздеться...
Но меня... разбудила жена.

ПЫЛЬ СТАРАЯ, ПЫЛЬ НОВАЯ...

Поднимается пыль на дороге из прошлого,
закрывая знакомые детства черты,
где легко и светло, где так много хорошего:
ожидание чуда, любовь и мечты.

Поднимается пыль, хоть иду настороженно:
слева – скалы замшелые, справа – обрыв.
Серой пылью засыпана, как полынь придорожная,
книга жизни теперешней, где страницы – навзрыв.

Где тот юный запал, что взрывает спокойствие
без осколков сомнения, наверняка?
Беспокойство души – это старое свойство
стало новым по сути, недоступным пока...

Поднимается пыль на тропинке в грядущее:
и не видно – куда? И не ясно – зачем?
Все спасение в ветре, усиленно дующем,
навевающим ясность больших перемен.

Разметается пыль, ветром жизни гонимая,
звать на помощь не стоит безнравственный штиль.
В жизни истина есть просто неоценимая:
поднимается ветер – будет новая пыль.

ЧИТАЯ МАРКА АВРЕЛИЯ

Был император – мудрец, наверное,
коль восхвалений поток поправ,
сказал, что слава – недостоверна.
И этим словом стал вечно прав.

Дурная слава? Героям слава?
Великим слава, которых нет?
Какая слава имеет право
себя опробовать на огне?

Ведь славословье и словославие
не различаются людской толпой.
Словами надо сказать: «За здравие!», –
а получается: «За упокой!»

Недостоверны: ни трубы медные,
ни пьедесталы, ни шум газет,
ни теле-радио «Ура!» победные,
не достоверен и ты, поэт!

Судье-истории нужна уверенность!
Пусть все проверено, все точно так,
но в жизни вотумом недоверия
встал вопросительный твердый знак.

А все ли сделано? И так ли делалось?
Писалось, думалось, да и жилось?
Аплодисменты вдруг стали стенами
между сомненьями вкривь и вкось.

ОКОПНЫМ ПОРУЧИКАМ ПРОШЛОГО

Крещеных внахлест портупелями,
во всем обделенных войной,
не груди их нежностью грели,
а сверхлихорадочный бой...

Мы вас понимаем, товарищи,
поручики сгинувших лет.
Прогнившие знаки ристалища:
кокарда, погон, пистолет...

Лихие поручики прошлого!
Вам жизни война не дала,
взбивая в кровавое крошево
пушково-ребячьи тела.

Гранатный плевок цеппелинов,
блевотину пушечных дул –
крестово-осинной дубиной
российский поручик смахнул.

Вот жалко, что вам поручали
не те, и не то, и не так,
что вечные ваши причалы
в березовых верных корнях.

МОЙ ВЫСТРЕЛ!

Встаньте, Александр Сергеич Пушкин!
Не жену, а имя – увели...
Под эстрадный рокот погремушек
шансонье хрипит про Натали.

Модный шлягер избивает ритмом
барабанных перепонок гладь.
Больно, если по живому – бритвой,
но большее, если вспоминать...

Лед паркета скользит в повороте,
этот вальс – как поклон до земли...
Вы ко мне непременно придете,
Натали, На-та-ли, На-та-ли...

Разлетаются крыльями стены,
удержаться они не смогли.
Вы – придете ко мне непременно,
не удержитесь вы, Натали!

Волны вальса то шепчут, то стонут,
то уносят в иные края,
где мечтает доверчиво-сонно
о любви недотрога моя.

Осень в Болдино... белые ночи...
медный всадник... Исакий... мосты...
Ненаглядные дивные очи –
этот «гений» твоей красоты.

Вдруг – сомкнулось из стен опахало,
образ милый в тумане исчез,
оскорбленье в висках застучало:
это – джаз, как презренный Дантес...

Спите, Александр Сергеевич Пушкин,
Вы дуэлью доказать смогли,
что нельзя держать врага на мушке.
Выстрел – мой! За Вас! За Натали!

ПОЕЗД НАДЕЖДЫ

Кто-то сходит с ума от нелегких забот,
загружающих сердце, как танкер, слезами.
Только с рельсов судьбы никогда не сойдет
поезд вечной мечты, переполненный нами.

Бесконечный тоннель наших будничных дел
поглощает состав, до отказа набитый
всем, что сделать хотели, да вот не успел
причастить нас Господь... и забросил забытых.

Попытаемся снова себя перемочь,
расплескав по перронам остывшие души.
Поезд жалкой надежды отправится прочь
и движенье его никому не нарушить.

Кто-то сходит с ума. Это – так тяжело.
Мы жалеем других, не жалея усилий.
В этом – наше добро, наше вечное зло,
наша сила и мощь, но и наше бессилье.

МИРАЖ

Будто не было меня, будто не было...
пустота в твоих глазах – ярко-небоявая.
Просто было все не так, не по правилам:
я – ошибся, ты – меня не поправила.

Не сказала верных слов попонятливей,
опечаленность свою в сердце спрятала,
веселилась во хмелю вседозволенно,
равноправием своим обездолена...

Без тебя – осенний мрак, запустение,
боль моя не просто так – во спасение!
Не вражда твоя нужна – понимание,
ведь бессмысленней всего бред молчания.

Столько хочется сказать, да не можется,
а обида, как беда, только множится.
Беспричинно, может быть, недоверие?
Ну а ты сама себе, ты – поверила?

Значит, не было меня. Просто – не было.
На закате был мираж грустно-небоявой.

ПЕЧАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ

Мне с некоторых пор доверила печаль
своих тоскливых нот негромкое дыханье.
Уже в который раз неслышное «прощай...»
я с запахом духов, твоих духов, вдыхаю.

Один тревожный взгляд, неосторожный смех,
случайный разговор с давнишними друзьями,
мой безразличный тон, твой ветреный успех –
спокойное – «прощай!», погашенное пламя...

Ты улетаешь вдаль, где снежная пурга
стреляет по щекам такой холодной пудрой:
за прошлые грехи, за друга, за врага,
за то, чтоб, наконец, стать по-иному мудрой...

И вот уж не метель, а бездыханный штиль
сменяет бурный пыл взаимоотношений.
Мой бесшабашный стих, твой безупречный стиль, –
в них места больше нет для мыслей и сомнений...

Мне с некоторых пор доверила печаль
спокойствие своих полутональных песен,
но не приемлю я безвольного «прощай...»
Когда весь мир теплом твоим чудесен!

ПОЛЕТЕЛА ДЕВУШКА

Полетела девушка воистину,
по природе, а не вопреки.
Теплая земля всплыла листьями,
притяженья не подав руки...

Поднялась девчонка над обыденным
в сопереживании людей,
в сосуществовании с увиденным,
в недооформлении идей.

Полетела просто, по желанию,
жизнь, как хлеб насущный, разделив
с тем, кто был на грани понимания,
но ушел... чуть-чуть не доступив.

Отступил к идее сумасшествия,
не поверил в собственное «я»,
невообразимость путешествия
не вписалась в рамки бытия.

Не поверил в счастье понимания.
Не поверил! Или не хотел?...
Ей нужна любовь, не сострадание –
слабодушных призрачный удел.

Зарыдала лебедью подраненной,
и – сложила крылья... из надежд,
рухнув на пустырь кроваво-каменный,
как укор для любящих невежд...

Ночь всплеснула звездными пульсарам
ясных глаз из будущих веков,
освещая предрассудки старые,
избавляя правду от оков.

Старых истин правда безупречная
в будущем да возродится вновь!
Ты не умираешь, человечная,
вечная, разбитая... любовь!

АВТОПОРТРЕТЫ ПИКАССО

Всепроникающий зрачок,
увиденным черненный грубо,
зеркальный руша потолок –
выпикассовывался кубом.
В четырехмерность бытия,
в сознания рассоединенье –
необычайности струя
пробилась сквозь инакомненье.
Раскрепощением частей,
дезинтеграцией идеи –
жонглирующий чародей
взрывал привычные аллеи,
где лик беспечности блуждал
меж париков и кринолинов,
и где никто еще не знал
про бомбовость пироксилина,
про изуродованность душ,
отравленных горчичным газом,
про ослепляющую сушь
распадов ядерной заразы...
Всепонимающий зрачок
запикассовывал мгновенья
в однонаправленный поток;
от разложения – в зарожденье!

СТРАНСТВУЮЩИЕ ГИМНАСТЫ

Гимнасты странствуют по вечной странности,
по удивленности, по размышлению,
по невозможности взаимной ясности,
по отреченности, по вдохновению...

Сплетаясь мышцами, взрываясь нервами,
в неповторимости каскадов века:
начнут – последними, а станут – первыми
на сцене, меченной венком успеха.

Кого-то ждущая, о ком-то помнящий,
но оба – грустные, как ветра стон...
Нахлынут зрителей шальные сонмища –
и прекращается минутный сон...

* * *

Витражи акварельными пятнами
в переплетах граничащих рам –
полахнули, чтоб шел напопятную,
возвратившись в покинутый храм,
в светность чувств с карандашной тоской,
в голубое и серое – всплесками,
где нарочно придуманный мной
хлещет дождь водяными завесами,
нависает над ясностью слов,
просоленных туманом отчаянья,
где никто не читает стихов,
ощущая собой содержание.

САУНА

Горький запах сосновый,
жар сухой, как песок.
Сделал старое – новым
финской бани полнок.

Треск горячего тела,
час открытия пор,
утомленье – слетело,
дан болезням отпор.

Исполосанный веником,
раздухмяненный жаром,
несгораемым Фениксом
я парю над пожаром.

Так мне здорово дышится
обнаженной натурой...
Только воздух колышется
раскаленный и хмурый.

Жаль, что быстро кончается
торжество очищения.
Нет, недаром считается
банный день – днем рождения.

ШТОРМ

Шторм на море, шторм на суше, шторм внутри...
Надвигается волна: девятый вал.
Разлетелись в никуда нетопыри,
час расплаты неминуемой настал.

Вот нахлынула соленая вода:
то ли с моря, то ли с неба, то ль от слез...
Сердце бросило в пучину невода,
но волшебной рыбки невод не принес.

Гнутся буки и ломаются дубы,
плотным воздухом не может дышать.
От напора, от удара, от судьбы –
не успеть ни улететь, ни убежать.

Ветер может все вершины обломать,
но меня ему нельзя остановить:
буду падать, от усилия стонать,
но назло стихии, точно, буду жить!

Этим воздухом утопанным дышать,
глохнуть от недостижимости высот,
все проблемы нерешенные – решать!
Только так и никогда наоборот!

Шторм на суше, шторм на море, шторм внутри...
Отодвинулась волна: девятый вал.
Он теперь совсем не страшен, посмотри!
Или просто это я сильнее стал...

ВЕНОК ОСЕННИХ НЕ СОНЕТОВ

Шуршащим звоном листьев желтых
сентябрь дымился, холодел,
потом из лона туч тяжелых
печальным иноком глядел.

Твои глаза засентябрились
осенней свежестью зари,
но вновь набухли, навалились
лохматой влагой октябри.

И вот уже дымком камина
пахнуло из прошедших лет:
трещат дрова ... краснеет глина...
ржавеет старый пистолет.

*Стареют мысли, вянет тело,
мечта навзрыд заиндевела.*

* * *

Во сне, бывает, снится бьель,
а наяву, как сон с похмелья,
мелькает жизнь, в которой был
и горя стон, и звон веселья.
Прорвавшись сквозь густую пыль,
влетаю в дождь, как в новоселье,
где нет тебя. И гаснет пыл
от освежающего зелья.

*Чуть-чуть свеча затрепетала
неясным сполохом забот,
сверкнули чувства вполне, какала,
рванулась тень моя вперед,
но фея ночи прошептала,
что непременно... Не придет.*

* * *

Струя воды за воротник
змеей холодной проскользнула,
тепло соленое слизнула,
надежды стебель вновь поник.
Вдруг образ трепетный возник
среди осеннего разгула,
как будто бабочка вспорхнула
на чуть притушенный ночник.

*Блеснув вуалью черных крыл,
она – застыла, я – застыл,
и пламя копотью стонало.
Мелькали чьи-то образа,
сгорали в пламени глаза,
да сердце щелкало устало.*

* * *

*Стареют мысли, вянет тело,
мечта навзрыд заиндевила.
Чуть-чуть свеча затрепетала
неясным сполохом забот,
сверкнули чувства вполнакала,
рванулась тень моя вперед,
но фея ночи прошептала,
что непременно... Не придет.
Блеснув вуалью черных крыл,
она – застыла, я – застыл,
и пламя копотью стонало.
Мелькали чьи-то образа,
сгорали в пламени глаза,
да сердце щелкало устало.*

ВСТРЕЧНЫЙ

Навстречу рвутся два состава,
ревущий грохот бок о бок,
оглушит сверху, слева, справа,
вдруг накатившийся гудок.

Нахлынут окна всплеском желтым
в мельканье переплетов рам,
сверкнет в пространстве распростертом
купейный блеск, вагонный гам.

Промчится мимо этот встречный,
оставив ночь и тишину,
в которой притаилась вечность,
подобная больному сну.

Нам не найти пути реальной,
чем параллельные пути:
навстречу ринемся прощально,
чтобы друг друга не найти...

ГРОЗА

Не напрасно
туча серая солнце на время прикрыла.
Острастка:
жару желтому влажные кудри на рыло
набрасывала...

Застучали,
завертелись в студеном порывах дождинки,
разорвали
полог неба бесстрастного грома дубинки
вначале...

Над лесами
опрокинулись слезные чаши обильным потоком,
под глазами
у старушки Земли забелилась беда ненароком
полюсами...

Ты стояла
в муках холода обледенелым до боли укором.
Закричало
безучастное небо, твоим восхищенное вздором.
Ты – молчала...

«...КОНЧЕН БАЛ, ПОГАСЛИ СВЕЧИ...»

Ну вот и все, окончен бал беспутный.
Пустынный зал, затоптанный паркет,
поникли свечи, догорая трудно,
копильным чадом застилая свет.

Сижу в холодном кресле у камина,
мешаю пепел старой кочергой.
Там жара нет, и угли тихо стыннут,
не полыхая радостью былой.

Забытых снов мерещатся обрывки:
то осень дымная, а то – пожар костра,
гитары стон цыганисто-надрывный
под вечный звон трудяги топора...

Пора покончить с лебединым счастьем,
напрасно нас связует ласки нить.
Хочу в тревожно-дальнее умчаться,
чтоб из шелома истину испить.

Тогда, быть может, на пороге зала,
тебя увидев в меховом манто,
услышав зов: «Давай начнем сначала...»,
тебе отвечу твердо: «Ни за что!»

КРИК

Мне вновь приходится кричать от боли,
терзать тельняшку на куски зубами,
и, вопреки молве, играть словами,
и жизнь свою, как старый мяч, футболить.

Бежать по лезвию судьбы бесстрастно,
сгущать сознание бытием нелегким,
и приходиться к тебе таким несчастным,
не долгожданным, а чужим, далеким...

Смотреть в глаза, где разноцветье бликов,
где клоун – я. Моя любовь – арена!
И ты, без конституций суверенна,
жонглируешь немим восторгом криков...

* * *

Меня ударили под дых, или под вздох,
я ртом хватаю воздух в декалитрах,
но не допонимаю, чтоб я сдох,
зачем мешают краски на палитрах!
Лиловую – с вечерней, а алую – с зарей,
зеленую – с хохочущей лужайкой...
Так и меня смешают с родной сырой землей,
Ну, а тебя – с морской счастливой чайкой.

ИЗ ПРОШЛОГО

Когда-то этой хвойной тропкой
шел медленно «ильинский лев».
Девыцы расступались робко,
от восхищенья онемев.

Чуть полноватый, с бороною,
похож на земского врача,
он мягко наступал на хвою,
улыбкой девушек леча...

В Ильинке – даже сосны знали,
как ходит «лев» и с кем живет,
с надеждой дачницы вздыхали:
«Вдруг электричка не придет?»

Но электричка подходила
по расписанью, точно в срок,
надежду женщин увозила
под оглушительный гудок...

Ильинский «лев» считался вечным:
легенды дачной корифей,
а ехал он, как жил – беспечно –
навстречу старости своей.

ЛАЗЕРНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ ЖИЗНИ

Ты в красном спектре монохроматичности
знакомого до блика излучения,
той самой современной нелогичности,
предвидящей лечение влечения.

Луч солнечный, как интегратор спектра,
выбеливает черные провалы
в неосвещенной нашей жизни-ретро,
где сверхэтажность и – полуподвалы...

Стремление духа с телоощущением
не совпадают в пляске синусоид.
Интерферируют противопоставления
и затухает чувств гиперболоид.

Так где же ты, порядок когерентности?
Нет меры хаосу случайных наших дел,
в которых луч – до вечности... до бледности,
а поворот – конечность... и предел.

НЕ ДО...

Читаем то, что не написано
в глазах, сражающихся взглядами.
Но понапрасну смотрим пристально:
мы друг для друга не разгаданы.

Нельзя без дара понимания,
противореча смыслу логики,
себя заученно обманывать,
ища защиту в мифологии.

Купаться в мыслях необыденных,
а утопать – в обыкновении,
нырнув за призраком увиденным,
хлебнуть волну опустошения.

Струну рвануть несоразмерностью
нерезонансного звучания,
к любви с надеждою и верностью
без веры истинной причаливать.

Недолюбив – не доотчаемся
в своем взаимопонимании
а, значит, и не допечалимся
при обязательном прощании.

ОСЕНЬ

Ветер жалобно взывает,
отдаляя все былое,
возвращая то, что будет,
или все наоборот...
Закрывая – открывает
наше прошлое с тоскою:
не согреет, не остудит,
не осудит наперед...
Стелет ветер покрывало
из надежд и обещаний,
а потом его срывает,
правду жизни оголив...
Обесцвеченным кристаллом
безысходности прощаний
расплетая – не сплетает
мой мотив и твой мотив.
Ветер охает и стонет,
мокрой тряпкой барабанит
по стеклу, как по границе
между истиной и мной...
Капля в капле молча тонет,
разрушая смысла грани,
туч уходят вереницы
в скрип дверей, в собачий вой...

РУБАЙИ

Вечность – в краткости мысли нам дарит Хайям,
квинтэссенцию жизни доверив стихам,
но проверить его ты не сможешь, конечно,
если суть бытия не прочувствуешь сам.

* * *

Удивляться случайности в мире – не смей!
Вспышку страсти под старость гасить – пожалей!
Ты не встретишь невинности, равной пороку,
кроме глаз удивленных любимой моей!

* * *

Если встретится милой седой чародей,
не суди торопливо натуру людей!
Крепость старых напитков испробовать жаждут
все красавицы мира, чтоб жить веселей.

* * *

Пусть про бедность не вспомнит красotka моя!
Над безденежьем можно смеяться, как я,
если счастье тройное даровано жизнью,
три подарка: здоровье, любовь и друзья!

ВЕСНА

Весна сквозь снега налетела,
шалльным ручейком закипела,
и ветром, развихренным солнцем,
измяла усталое тело.

Зима говорит: «До свиданья!»
Скрипят по золе ее сани,
а следом поземка несется,
белесым пушком зависая...

Вот так и любовь налетает,
сметает, хватает, играет, –
словами, делами, сердцами,
в которых костры разжигает.

И зимние мысли прощально
звонят в этой сказке печальной,
в которой мы, кажется, сами
себя не прощать обещаем...

СЫНЫ УЕЗЖАЮТ

Уезжают, от родителей сыны – уезжают,
Добавляют, им к разлуке седины – добавляют.
Провожают, сыновей, как на войну, – провожают,
Приласкают, руку прислонив к окну, – приласкают.
Засверкают, слезы матери в глазах – засверкают,
Проступают, волны дрожи на устах – проступают,
Помечтают, о свиданье через год – помечтают,
И не знают, кто до встречи доживет – и не знают...

ДА ИЛИ НЕТ?

Мечта расстреляна на взлете:
все попаданья точно в цель.
Белесым саваном – постель,
которую вы уберете,
забыв про чувств своих метель.

На набережной, нас хранившей,
теперь неведанный покой,
до безысходности чужой,
водой холодной окативший
рассудок воспаленный мой.

Глаза заплачут о свободе,
где белый воцарится свет.
Шафранной гарью канут вслед
слова пустые об уходе
туда, где даже света нет.

Надежду помыслов наруша,
любовь нежданная пройдет,
а может, камнем упадет
на наши трепетные души,
и прекратится их полет.

Локатор разума напрасно
во тьме вышаривает «Нет!»
«Да!» Это мой и ваш ответ
до безрассудного прекрасный,
как поцелуя нежный след.

ОСЕНЬ

Снова осень, как правда жестокая,
обдувает, свистит, шелестит,
да березка, к обидам не стойкая,
нежной кожей призывно блестит.

И, по-прежнему, глупо влюбленные,
мы с березкой при взлете зари –
расстаемся, на жизнь обозленные,
разменяв не свои сентябри.

Из остывших бутылок шампанского
белой пены не хлынет метель,
не раскрутится пляска цыганская,
не застелится снегом постель...

Только осень в насмешливой жалости
мокрой плетью хлестнет по щеке,
да обидным упреком усталости
гроздь рябины застынет в руке.

ПОРА? ПОРА!

А у берега враз – грязь,
желто-серая жуть – муть,
волн причудливых связь – вязь.
Беспокойная наша суть.

Вдалеке глубина дна,
недоступная нам там:
чистота, новизна сна
под грохочущих волн гам.

Здесь у берега – грязь, муть.
Вдоль обычности – муть, грязь.
Устремляется мразь в путь,
неприступна в пути мразь.

Спорит с бурей вода. Беда!
Буревестником стих – затих,
мутной лавой года – вода –
заливают страницы книг.

Только в памяти синь – вода,
в белом шуме вода – синь.
Все нечистое – сгинь навсегда!
Наконец, навсегда сгинь!

Ты у берега стой в вой,
там, где дряни с утра – гора!
Затеваюсь мной – бой.
Шашки к бою! Пора? Пора!

ЛЕТНЯЯ ЛИХОРАДКА

Жара струится потом
из ошалевших пор
назло пустым субботам,
придуманым заботам,
бессмысленным охотам
и мне – наперекор.
Где взять прохладной влаги
ласкающей струи,
азарт весенней тяги,
зовущий шелк бумаги,
дырявый плащ бродяги,
удачи за троих?

Рывки температуры
снаружи и внутри.
Зубов клавиатуры
не вымолят микстуры,
болезней партитуры,
надежды сухари.
Луженый диск светила
струит нещадный свет.
Судьба меня простила:
что было – позабыла,
а ты опять вспыхнула,
ты не простила, нет.

И вдруг, как откровенье,
повеял ветерок:
рассеял все сомненья,
тела наполнил ленью,
прикрыл ожоги тенью
на неизвестный срок.

КОРРИДА

Докрасна раскаляется «Пласа де торос»
в ожидании древних кровавых утех,
где к арене проходят двойным коридором
две судьбы сквозь дрожащие вопли и смех.

Вот он: бык с обозначенным правильно весом,
а напротив – любимец трибун и побед.
Разрешают убийство король и кортесы,
позабыв христианской морали завет.

Миллионы песет в этой схватке – награда,
риск оправдан, и правила против быка.
Он – телец для заклания, не для парада.
Ясно всем в этот миг, что развязка близка.

За малиной плащей – эскадрон пикадоров,
защищенных соломенной прочной броней.
Упоение пик, изоощренных в повторях.
Рев трибун переходит в оглушительный вой.

Раздразнили вконец. Насовсем разъярили.
Густокрасной гуашью кровь течет по бокам,
и хрустяще впивается сталь бандериллий
в оскорбленное тело и душу быка.

Все готово к последней, решающей схватке.
Вон – мулета мелькает кровавым пятном.
Нестерпимая боль обжигает лопатки,
вместо сердца истошно стучит метроном.

Вот он – случай! Другого такого не будет.
Взмах рогов – и вертлявый убийца летит
на арену... с растерзанной спесью и грудью...
Только «Пласа де торос» почему-то молчит.

Значит, люди привыкли к убийству и смерти,
а к расплате, заслуженной праведно, – нет.
В миллионах песет невозможно измерить
цену конченных жизней и мнимых побед.

Значит, правильно бык понял выкрики «Торо!»,
значит, верно расплата настигла дельца.
Есть надежда, что некогда, может быть, скоро
мы дождемся кровавых ристалищ конца.

РУССКИЕ В МАДРИДЕ

От зноя пыль в тени осела,
потрескался домов гранит,
на улицах жара висела:
дремал расплавленный Мадрид.

Но сушь – прохладой обернулась.
Услышав северный напев –
Мадриду глубоко вздохнулось
и он проснулся, посвежев.

ОБНАЖЕННАЯ МАХА

«Обнаженная Маха» –
 порожденная чувством картина,
освятил ее Гойя
 в предчувствии дикого страха.
Воссоздалось из праха,
 из тлена, из мысли глубинной
это тело нагое,
 это ты, обнаженная Маха.

Ты, конечно, следишь
 за людьми, за веками, за эрой,
затаилось движенье
 в изгибах скучающих ног,
сладострастную тишь
 излучаешь глазами безмерно,
лепестки возражений
 побукетно сложив на порог.

Провожаяешь меня
 не словами, не мыслью, а телом,
будто хочешь сказать:
 «Вот еще один гранд покорен!»
В полыханье огня
 память прошлого не отгорела,
и не будем считать
 всех тобой соблазненных имен!

Ты навеки жива
 в этом солнечно-пасмурном зале,
где двойник твой в одежде
 призывно, но пусто глядит,
где стихают слова
 перед вечной иконой печали,
подарившей надежду
 любить и смеяться навзрыд.

«Обнаженная Маха» –
 предвестник кошмарных видений,
словно сладостный сон
 перед самым последним прыжком.
Эпидемия страха
 рождает эпоху сомнений.
Рубикон перейден
 и «Капричос» останутся в нем.

* * *

Назло врачебным предсказаниям,
большой науке вопреки,
все исцеляется касаньем
волшебной-любящей руки.
Тут не колдует «биополе»,
бессильны таинства его...
Любовь врачует нас, и боле –
не надо в жизни ничего!

КАРЛИКИ В МУЗЕЕ

Хранит бессмертие музей «Эль Прадо»,
в его глубины идут за правдой...

Сюжетов вечных чисто писание,
ничто не значат холстов названия.
Там конспирация, где инквизиция.
Где вера рушится – там оппозиция.
Полотен яростность – по нарастающей,
в семейных сборищах – залог ристалища.
На королевских холеных лицах
под слоем красок – клеймо тупицы.
Инфанты мысли, инфанты тела,
инфанты жизни, инфанты дела.
Инфантилизму в угоду веку
был неподвластен хитрец Эль-Греко,
еще Веласкес, Франсиско Гойя...
На их картины мы смотрим стоя.
Они достойны команды: «Смирно!»,
они о вечном вещают миру.
Вот – галерея уродцев телом:
во лбах убогость окостенела.
Кретинно-малых изображенья,
как отраженья мечты паденья.

Прости, Веласкес, не понимаю,
где красота тут, с какого края?
Вот – чуть левее, с открытым взглядом
такой же карлик с другими рядом,
но почему-то не безобразен!
Умней других он. И тем – опасен!
Так вот в чем дело! Я догадался,
зачем с глупцами мудрец остался.

Разведчик кисти в придворной смуте
один решился на поиск сути.
И – опустился... (для всех – поднялся),
шутлом притронным вовсю старался:
крутил кульбиты, хрипел и дрался.
Но – не продался! И – не сравнялся!
Не ошибусь я в своей догадке:
играл Веласкес со смертью в прятки.
Но и филиппам, и изабеллам
все – безразлично, их не задело.
Сквозь дым столетий молчат уродцы,
чтоб мы учились с дурьем бороться.
Ведь в нашей жизни глупцы – что надо!
Они, как прежде, гуляют рядом.
Они красивы по-налбандянски,
по-лактионовски, не по-испански.
Кто омундиренный, кто иссусаленный,
обглазунованный и отоваренный.
Сверхузколобые, хоть лбы – великие,
высокорослые и многоликие,
в газетах славятся, слывут известными:
без правды – правыми, без чести – честными.

Несчетным множеством сплошных разгадок
не зря нам видится музей «Эль Прадо».

СВЕЧА СТОЯЛА...

*«Свеча горела...»
Б. Пастернак*

Свеча стояла на столе, свеча стояла,
а что горела, разомлев, так то – сначала...

И вовсе было все не так на самом деле,
и снег не мчался второпях в окно влестись,
тогда и ты была не та, не на пределе,
не полыхала боль в глазах крылами птицы.

На побледневшую луну с тобой смотрели,
созвездий внутреннюю связь найти пытались.
В седую осень, как в весну, вдвоем влетели,
двойной судьбы чертили вязь – и не расстались.

Свеча стояла просто так, а не горела.
В костре потухшем береста бездымно тлела...

Мы не смирились с этим злом – одна отрада,
вздували гаснущий пожар, светлели лица,
была за эту жизнь без сна и мне награда:
тебя к губам своим прижать, тобой напиться.

В заснежья белые меха вдвоем валиться,
чтоб отпечататься внахлест: зима да осень,
зажечь свечу в конце греха не торопиться,
и разглядеть, как в бездну слез покой уносит...

Свеча высвечивала нас крестом прицела:
Свеча стояла у окна, свеча ... горела...

НЕ СЛОЖИЛОСЬ...

Раскаленное лето остывать не желает,
закаленное ветром в ожиданье дождей.
Осененная светом острота ножевая
златолиственной веры защищает людей.

Распечалена осень этим поздним началом,
опаленного лета ей никак не забыть...
Пожелтевшие косы у березок ночами
будут мокрые ветры до утра сторожить.

Не сложилось у лета, до конца не сказалось.
Даже осени блеклой хоть чуть-чуть повезло,
потому что поэтам в это время писалось
на манжетах, на стеклах и, конечно, назло...

ЛИЛОВЫЙ ПЕРИОД

Лиловый период лиловых забот
в лиловой судьбе наизнанку
из снов голубых непременно придет
бордовой любовью цыганки.

Сиена гаданий с лазурью мечты
залепится охрой реалий,
в которой проглянет краплак пустоты,
предчувствуя век сатурналий.

Лиловая сказка лиловых невзгод
распалась с оранжевым звоном,
лишь ультрамариновый неба капот
захлопнулся над обреченным.

* * *

Как будто буром зуб больной задели остро...
От неожиданности – вздох и резь в глазах.
Все потому, что был с тобой граф Калиостро:
не так он жил, не так подох, не то писал...

Он тоже думал о тебе, художник вольный,
одушевлял мазок судьбы своим теплом...
Теперь лишь память о былом взбивает волны,
скрывая темень ворожбы ночным крылом.

БЛОК

«Жолтых» окон над мглой городской
обезличенный рок.
От бренчащих монист и нарядов шуршащих
пронзающий ток.
Хлад могильный в портьерном удушье,
«Аи» освежающий сок.
Вечный бой, скифский щит,
у судьбы отвоеванный клок.
Сквозь туман белых лет
революции красный росток.
Черный профиль, пылающий свет,
«Утоленной печали» урок.
По тоскующей скрипке
напрасно рыдает смычок.
Тайну встреч, расставаний беду
озаряет, алея, Восток.
Может это чужак? Может, просто – поэт?
А, скорее, пророк!
Томик вечных стихов –
непомерный любви лоскуток.
Блок!

АВТОРОДЕО

Иноходь двухколесная,
в сотни коней мотор,
тропка дождем изблестана:
на два колеса, каскадер!

До хруста в зубах пружинится
упругая жесткость рессор –
спидометра стрелка не сдвинется:
газуй на меня, каскадер!

Скользящая гладкость движения
обманчивый дарит простор.
Исчезни, педаль торможения,
на два колеса, каскадер!

Сегодня не все получается,
даешь за повтором – повтор.
Пусть сталь на боках разрывается,
но сердцу нельзя, каскадер!

Вираз раскрутил центрифугой,
нога на педали в упор,
не Баха фигурные фуги
ворчит про себя каскадер.

Коню спотыканье прощается,
четыре ноги не в укор.
В родео – оно запрещается:
машине нельзя, каскадер!

Трибуна от рева взрывается,
включается верный стартер.
Твой жизненный трюк продолжается.
На два колеса, каскадер!

ОДИН ВДОХ

Один, совсем последний вдох! И – баста!
Где Авиценна, Боткин, Гиппократ?
Идет с косою насмешливо клыкаста
старуха-смерть на траурный парад.

Хоть нечем жить, но надо непременно
грудную клетку освежить хоть раз.
Пишу рецепт загадочный «про мэнэ»,
что значит «для меня» – не в добрый час.

Шмелиный рой жужжит. Какой тут выдох?
А без него такой тоскливый вдох.
Свистящий кашель дискантом подвывел
мой среднелетний пасмурный итог.

Мечтают люди о больших свершеньях,
вскрывающих в неведомое путь,
а я мечтаю в душных сновиденьях
хоть раз, но основательно вдохнуть.

А ДРУЗЬЯ ВСЕ УХОДЯТ

А друзья все уходят:
кто с сердцем, кто с печенью,
в боль намаявшись...
Мне вот, вроде
жизнью не леченному –
рано каяться.

Пусть кровь бедовая
хмелем бешеным
сердце вышколит!
Судьба бордовая,
утренне-свежая, –
белой вспышкой.

И, как сверхновая
в пучине Галактики
сеет странности,
так ты, фартовая,
сбросишь халатик –
и нет туманности...

Я рад стараться,
чтоб жить и с сердцем,
и даже с печенью...
Только вы, братцы,
не хлопайте дверцей,
будьте вечными!

ПОРНУХА

Реформы, перестройки – не эротика.
Теперь все голо: от телес до духа.
Кровавым вспыхом крашеного ротика
нас завлекает черная порнуха.

Апрельским днем, ночами в зелень майскими,
в газетах – бред, по радио – шизуха,
указами бесчисленно китайскими
грядет все та же мерзкая порнуха.

Самих себя, ну сколько ни обкрадывать?
Кранты настали и перу, и пуху.
Нам ж...у показали крупнокадрово,
за это деньги взяв, как за порнуху.

Судьба винтом на койке жизни вертится,
одним она – скелет, другим – толстуха.
Надежда есть, но все-таки не верится,
что правда есть, а не одна порнуха.

МОСКОВСКИЕ ПОЛКОВНИКИ

Помятые полковники –
папахи бестолковые...
Томлением в автобусах,
сучанием в метро,
в погоне за лампасами –
вы стали мутноглазыми:
голов пустые глобусы,
слов холостой патрон.
Забыто молодечество,
в делах сквозит младенчество:
кефирное, свекольное,
хоть в золоте погон.
Что взять от этой выслуги,
когда все мысли высохли?
Уводит в колокольное
медальный тихий звон.
Где генералы юные
и возрастом и думами,
в стратегии летучие,
вершители побед?
Ушли в давно забытое,
как в истину избитую,
что раньше – были лучшие.
Таких сегодня – нет.

ЧТО-ТО В МИРЕ НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Где-то листья закровавились,
где-то просто – изжелтелись.
Это – осень, это – правильно,
если птицы разлетелись.

Льют дожди ночами долгими...
Холодеющими зорьками
мы друг к другу стали строгими,
ну, а мысли наши – горькими.

Видно, зеленью из прошлого
любоваться нам не велено.
Даже травность мелкорослая
не для нас с тобой постелена.

Пробираюсь я задворками
в просмоленность дыма осени,
где окно прикрыто створками,
где зеленость нежной озими.

Постучу в стекло звенящее,
и окно вовсю раскроется.
Значит, было – настоящее,
что во мне не успокоится.

Значит, мы с тобой – желанные,
на одно вдвоем нацелены:
видим листья, в медь чеканные,
а смеемся прежней зелени.

Нет, не зря они кровавились.
Нет, не зря они желтелись.
Крылья осени – расправились,
птицы счастья – разлетелись.

ОШИБКА

Мне казалось, будто стерх живет на крыше:
белый аист... Оказалось, он – журавль.
Так хотелось очутиться чуть повыше,
но гудками звал к себе не тот корабль.
Стерх гнезда себе не вьет, живет в болотах
между тундрой, лесотундрой и землей,
но с мечтой мне расставаться неохота,
и ошибка не она, а жребий мой:
вечно путать, вечно думать, утешаться
тем, что, может быть, не все известно всем.
Зоологию учить придется, братцы!
Вот тогда я вам со стерхом надоем.
Поселю его на парусник, на мачту,
нацеплю ему кокарду, трубку – в нос,
в трюмы критиков своих навек упрячу,
и уйду в пучину вод, как... альбатрос.

ДУМЫ ДЕВОЧКИ

В разбитом окне – девочка скучная,
ветер осеннюю грязь холодит и месит...
«Лучше бы он не сказал мне, лучше бы...
не ожидать сентября, плохой это месяц...»

Журавль опустил плечи узкие, плачет.
«Может быть, полетишь за ним да отстанешь?
Из себя ведь не выскочишь наудачу,
слез от боли не выплачешь, перестанешь...»

В окруженье сияния девочка – новая,
ветер гонит песок раскаленный, пылит и пылает.
Пропылив, он шепнул: «До свидания». Снова я
цвета осеннего клена. Живу. Мечтаю.

НА ГИБЕЛЬ «НАХИМОВА»

Проспали эпоху, а жаль,
когда фейерверк из нагана,
иль просто булатная сталь
вступались за честь капитана.
Когда уходил мареман
(не с мостика, а из света),
то лишь об одном горевал,
что вот не дождался рассвета.
А нынче – привыкли рядить,
судиться, до стряпчих охочи.
И после «Нахимова» – жить,
чернобыльской кланяясь ночи.
Судьба неизбежно грядет
каким-либо вывертом странным,
но мужество – труса найдет
прицелом презренья наганным.

* * *

Сегодня утро сонное слезится в пол-росы,
всплакнув полушутя, полусерьезно.
Лиловой лентой взмоется от взлетной полосы
любовь моя неверная сквозь слезы.

А завтра небо вечное раскроет пустоту,
готовую вобрать в себя живое:
твои глаза с хитринкой и лиловую мечту,
заросшую по грудь разрыв-травною.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящаются в рыцари слова
все несчастные, все влюбленные,
все, кто ищет чего-то такого,
и бездарные, и одаренные,
не смешные, вопсылы грустные,
безобразные и красивые,
рукодеи и неискусные,
кучерявые и плешивые!
Я вас всех посвящаю в рыцари
неизящной своей словесности,
о которую можно разбиться,
как о землю, свалившись с лестницы.
Но свалившийся – да поднимется!
Обессилевший – укрепчает!
Осененный любимым именем
непонятное – пусть понимает!
Только было бы это желание:
захлебнуться в волне упоения.
Я уверен, придет понимание.
Принимайте мое посвящение!

БЕРДЯНСКИЙ ВАЛЬС

Птицы кучкуются дружными стаями,
чувствуя осени вздох.
Скоро и мы, как они, улетаем,
переступая порог.

Припев: Бриз, бриз, бриз –
 ветер прохладный и нежный.
 Вниз, вниз, вниз,
 в глубь и навстречу надежде.
 В ночь, в ночь, в ночь
 парус над яхтой несется.
 Прочь, прочь, прочь –
 зло за кормой остается.

Пенное кружево берега песчаного
взбито сердитой волной,
осень на море совсем не печальная
плещет мажорной струной.

Припев.

Чайки галдят над лиманом заброшенным,
ветром шуршат камыши.
Что же мы смотрим вокруг настороженно
и не поем от души.

Припев.

НАЧАЛО КОНЦА

Мы танки отправляем в заграницы,
везем оттуда женские трусы,
им отдаем плавучие больницы
в обмен на чай и палку колбасы.

На доллары купив медикаменты –
их перепродаем в родной стране.
Кому-то достаются комплименты,
а нам три буквы мелом на стене.

Качаем нефть, везем дрова и уголь,
чтоб закупить колготки или грим.
Себя загоним в крайний пятый угол,
но сами – ничего не создадим!

Мы в вечном ожидании ЧЕГО-ТО
бастуем, митингуем или спим.
А ЭТО все – пусть производит кто-то,
на том всегда стояли и стоим!

СТАРЫЕ ВОКЗАЛЫ

Вокзалы старые: резные потолки,
засилье мрамора и бронзовых подвесов,
гранитный пол, окурки и плевки,
лимонный запах, хмель разгульных песен,
опухшие пропойцы, торгаши,
галдеж цыган, отпускники, солдаты,
мороженое, кофе, беляши,
в штормовках бородатые ребята.

Вокзалы – наши микрогорода.
Сложны, своеобразны их законы.
Но безотчетно тянет нас сюда:
в транзитные прокисшие вагоны.

РОЖДЕНИЕ ЧУДОВИЩ

Распутины витийствуют на свете
бродячей тайной будничных чудес,
экстрасенсорно излучая ветер,
колышащий предубеждений лес.

Страна дрожит от внутренней тревоги.
Кто ей поможет? Что ее спасет?
И возникают самозванцы-боги,
вещаая в мир: «Пришел и наш черед!»

Правителям угодны чародеи,
вершащие владычество беды,
зрачки которых исподлобья рдеют
и жаждут крови, как верблюды воды.

Спасенье человечеству даруя,
его лишают праведных рубцов.
Теперь их нет. Навек осталась сбруя,
да рассосались «мышцы гордецов».

На коже, заклинаньями отмытой,
кровавые следы еще видней.
Уж пусть рубцы от памяти избитой,
чем раны от невежества на ней.

Бессчетный сонм святых, кликуш, гадалок...
На них не скоро будет дефицит.
«Сон разума» в своем итоге жалок,
бездумный мир в агонии хрипит.

О ГИТАРЕ ШАЛЯПИНА, ПОДАРЕННОЙ ИМ МОЕМУ ДЕДУ

На чердаке, где пудра пыли
мышиним крыла покрывалом
старье, которое хранили
с картинами в углу навалом,
гитарная струна торчала
скелетной костью из могилы,
концом забытого начала,
надеждой неизбывной силы.
В пыли гитара, как гитара:
семь струн, колки, да сухость тела,
хрип многолетнего катара,
с которым истина старела.
Лихая надпись вкось и криво
у рта гитарного провала
своим, не нынешним курсивом,
о прошлом явственно шептала.

* * *

*Петербуржским хлестким стылым ветром
билась ночь в стекло автомобилей.
Котелки набухшим черным фетром
головы сжимали без усилий.
Да гитара мощью в сто печалей
на сиденье кожаном застыла...
Дама, вздрогнув мокрыми плечами,
вас глазами жестко просквозила...
Вы неслись от прошлого в неясность,
революций кровь тогда лишь снилась,
а пока хмелила волей – гласность,
от которой Русь не открестилась.*

*Поворот – и впереди «Астория»
в золоте «Аи» и аксельбантов...
Каждому из вас своя история
видалась в сплетении талантов.
За рулем – абрек, Кавказом вспоенный,
из седла в сиденье перебравшийся,
собственным богатством успокоенный,
но к величью так и не добравшийся.
Рядом с ним – российское величие,
лучший голос всех времен и стран –
восседал, в хмелю презрев приличия,
в жизни и на сцене – великан.
Люстрокольным басом: «Из-за острова...»
да «... на стрежень» отсылал челны.
Ощущенье счастья было острое,
В нем глупец и гений – все равны.
«Жора, друг, держи мою гитару. На!...
Дай на ней черкну всего три слова...
это – от певца, а не от барина...
говорю я что-то бестолково...
ты подбрось домой, и дело – в шляпе...»
Вскрипнул карандаш. Держись, гитара!
«Дорогому Жоре. Ф.Шаляпин» –
и струна расплавилась от жара.
Плюс способен в минус превратиться,
как и минус в плюс – чертой одной.
И не уравниваться, а сравниться
могут эти судьбы меж собой.
Ни певца, ни деда больше нет.
Бас утих под галльским легким небом,
а шофер в аду оставил след,
провинившись пред насущным хлебом.*

* * *

По чердаку, где пыли пудра
и паутина черным войлоком
с Историей сплелись премудро,
гитару протащили волоком,
швырнули вниз фанерной нежностью
на прочий хлам... к уничтожению.
Смеялись над облезлой внешностью,
не подлежащей воскрешению.
Но надпись прочно отпечатана
на плащанице нашей памяти...
Как джин в бутылку запечатана
история – ушедшим памятник!

А. БАЯНОВОЙ

У костров яснополянских
с тишиной вступает в спор
перебор гитар цыганских,
будто с прошлым разговор.
Яркий «Яр» – судьба цыгана,
песнь цыганки хороша.
Нет, не зря на дне кармана
не осталось ни гроша.

Эх, Яр! Эх, цыган!
О-хо-хо, цыганочка!
Наливай полней стакан
под названьем: чарочка!

Это в прошлом. Это было:
взор волшебный из-под век.
Ты меня приворожила.
Я с цыганами – навек!
Можно в «Яр», а в табор – лучше,
где свободу лишь цenia,
от меня ты в дар получишь
быстролетного коня.

Эх, Яр! Эх, цыган!
О-хо-хо, цыганочка!
Если я сегодня пьян –
виновата чарочка.

Ни «ромэнов», ни романов...
ветра посвист, дым костра.
Буду с вам я, ромалы,
петь до самого утра!
Громче бубен! Жарче пляска!
Песне таборной – простор!
Очень жаль, что эта сказка
не свершилась до сих пор.

Эх, Яр! Эх, цыган!
О-хо-хо, цыганочка!
Не реален наш роман.
Остается – чарочка!

ЧТО ЭТО?

Это – чувство любви и голода,
колом сколотым в нас стоящее.
Это – в звездную чернь исколото
наше прошлое-настоящее.

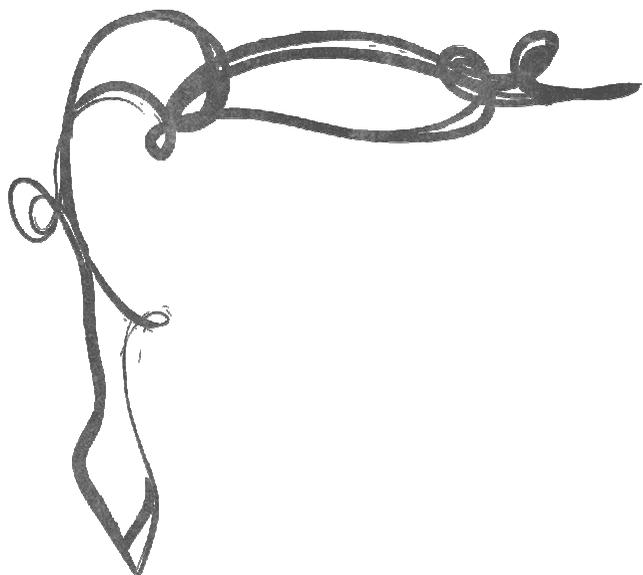
Это – мерзлые дни рождения,
будто Карбышев, в лед одетые,
да весенние наваждения
«терпсихорные» и «деттные».

Огуречно-зеленоглазая
наша молодость безвозвратная –
все по траверсам скалолазает,
уплывает тигро-евфратами.

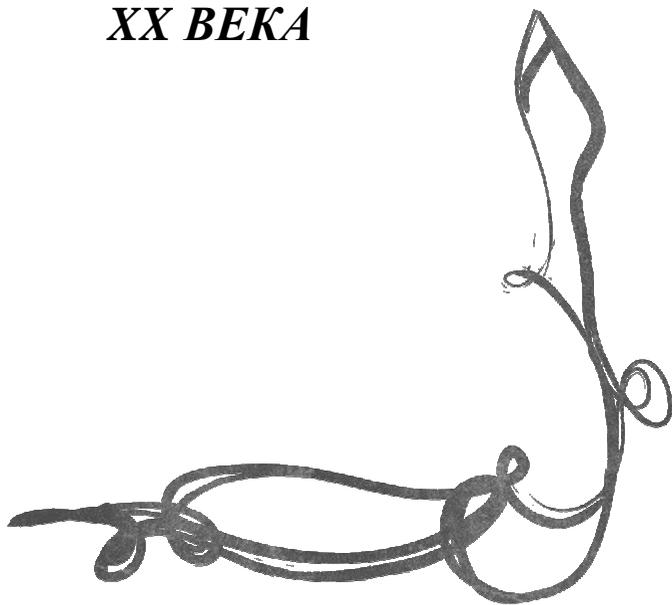
Но – сорвется в туннеле-чертово:
заземленье – предел летающих.
Преисподняя ало-черная
ждет клиентов снегурко-тающих.

Остается лишь испарение
паро-газово-серо-жуткое...
И в аду продолжают прения
по докладу, где правда – шуткою.

Это – чувство вселенского холода
над котлами с кипящей серой,
как единство Мастера с Воландом
и безверия с истинной Верой.

***ДЕВЯНОСТЫЕ
ГОДЫ
XX ВЕКА***

* * *

Арбузом пахла осень ранняя
сквозь память дымную костров,
когда тебя холодным пламенем
студило солнце вечных снов.

И слов горячечных не надобно
из губ, иссушенных мольбой:
любви загадка не разгадана,
она – во мне, она – с тобой.

Напраслину уносит в прошлое
поток бессмысленных обид,
смывая прочь все то хорошее,
что исчезает, но болит.

Пожухла осень в желтом кружеве
уставших лет, бесплодных дней...
В стране любви – свое оружие,
но небо чистое над ней.

* * *

Дымятся листья на огородах,
копченым ветром тревожа нас.
Сгорает лето в костре природы,
который, вспыхнув, опять погас.

Синеет легкий дымок печали
на желтолистье осенних нот.
Корабль разлуки ко мне причален
и даже в бурю не отойдет.

Страдает лето, на осень злится,
предвосхищая дождливый ад,
не позволяя костру залиться,
когда, как угли, слова горят.

КОКТЕЙЛЬ СОБЫТИЙ

Разволокнулась жизнь на нити
непредсказуемых событий,
мудросплетающих судьбу.
Взбиваются коктейли мнений,
взаимоскрученность сомнений
перерастает в ворожбу.

Что впереди – никто не знает,
но каждый отхлебнуть желает
из кубка завтрашних идей.
А нужно танцевать от печки,
от выстрела на Черной речке –
сквозь буйство наших площадей.

ЖЕНСКИЙ РОМАНС

Я одна. Устала очень-очень,
слезным жаром бредя по ночам.
Дни мои становятся короче,
холодом стекая по плечам.
Вдруг чего-то важного не стало.
Верности? Надежности? Любви?
Вот опять слеза к глазам пристала...
Боль моя, смотри, не заживи!
Я одна на этом жутком свете,
где пустыня, зябкость, ветра вой...
Только сохраняют руки эти
поцелуй ... тот самый первый твой.
Дыма нет. Осталось только пламя
наших навсегда счастливых дней.
Верю в то, что было между нами,
этой были не бывать верней.
Только губ твоих взрывная сила
помнится. Да белые цветы...
Я тебя так бережно любила,
Ну, зачем меня обидел ты?
Потому теперь мне одиноко
в бессердечье повседневных дел...
Верю, понимаю, что жестоко
поступить мой милый не хотел.
Получилось так. До слез обидно,
что понять друг друга не смогли...
Пусто как! И впереди не видно
ни клочка уверенной земли.
Я одна. Устала. Стоны ... вздохи...
непоняты долгожданных строк...
Так хочу покоя без тревоги
пусть на час, хоть на недолгий срок.

Мысли вновь толкутся ветром в ступе.
Где же ты? В какую мчишься даль?
Видно, не дождусь, пока наступит
тихая, спокойная печаль.

МИРАЖИ

Мы почему-то верим миражам,
хоть знаем их пустую ирреальность.
Что нас влечет в непонятную дальность,
как голубей к безумным виражам?

До дрожи обожженные фигуры
растают в знойно-белой тишине
под звуки вдохновенной партитуры,
осуществленной на одной струне.

Пускай в июне необычно стынет
зеленый бархат средней полосы –
здесь все равно слепящая пустыня
струит песком шуршащие часы.

Вот потому и тают миражами
стремлений жарких ледяные сны:
фантомы закрепятся витражами,
а жар объятий – свежестью сосны.

КАЗАЧЬЕ

Когда в веках казачье племя,
покинув бранные поля,
чуть-чуть освобождало стремя,
то дрожью наполнилась земля...
Казакованье начиналось:
тот долгий, беспробудный пир,
в котором мысль с вином мешалась
и Бахус – главный был кумир.

Тогда, свободы миг почуя,
казацкая кричала рать:
«Казаковали, казакуем,
и будем мы казаковать!»

Потом пришли иные годы,
но мысль казацкая смела,
предвидя торжество свободы,
в ней та же истина жила.
Сдвигая полные бокалы
над самобранностью столов –
вовсю трудились «аксакалы»,
сплетая тост из вечных слов.

Застойный стол – не наказуем.
В хмелю нам слышалось опять:
«Казаковали, казакуем,
и будем мы казаковать!»

Сейчас – пусты столов площадки,
в ходу талоны на питье,
казачьи сгнули лошадки,
оставив нам житье-бытье.
Нет поля бранного удачи,
один вопрос: что есть? что пить?
Но веселиться по-казачьи
нас никому не отучить.

Мы не от гласности ликуем,
а вспоминая чью-то мать,
казаковали, казакуем,
и будем мы казаковать!

«ТОТ САМЫЙ...»

Здесь каждый из нас суть «Тот самый Мюнхгаузен»,
который живьем – никому и не нужен.
Важна лишь легенда в надуманном хаосе
превратных понятий о «праведном муже».

Вы будете плакать слезами всеведенья
измотанной памяти дней противления,
где лето с зимой не встречаются в Сретенье,
а чувствами правят пустые сомнения...

Живая легенда страшна обвинением
текущих времен в голытьбе листопадов.
Мюнхгаузен прав. Он посеял сомнения
в застойной стабильности принятых взглядов.

Но всем неприятна сомнений решительность,
пузырностью в затхлости мыслей бурлящая.
В преддверье порядка – грядет разрушительность,
а ложность – предтеча всего настоящего...

«НАШ ПАРОВОЗ, ВПЕРЕД ЛЕТИ...»

Наш паровоз летит вперед,
но все по кругу, все по кругу...
Нам улыбаться бы друг другу,
а мы глядим друг другу в рот.

В руках – винтовка. Это – есть.
Стреляем в завтра, память руша,
а это хуже, чем не кушать,
не пить и книжку не прочесть.

Ждем остановку впереди.
Что там? Коммуны антитеза?
Ошибки нового ликбеза?
А, может быть, конец пути?...

За баррикадами из слов
не видно будущих реалий,
от ожиданья все устали,
любой из нас на все готов.

Но только так, чтоб вволю спать,
не утруднив себя заботой,
и, чтобы, мало поработав,
намного больше получать.

Нас в будущем никто не ждет:
там лишь известный бродит призрак
непонятого коммунизма,
но никуда не приведет.

Наш паровоз летит вперед,
да только – с кручи, только с кручи...
Так хочется, чтоб было лучше,
но все пока – наоборот.

И негде взять икону целую
для сопричастья поцелуя,
и некому сказать: «Я верую!», –
себя из прошлого ворую.

МОЛИТВА

*Сегодня «белые», а завтра «красные» –
Они бесцветные по-существу...
И. Северянин*

Вы были «левые» вчера,
а нынче – «правые»,
вы проскочили «на ура»
идейный брод,
взмутили общество борьбой
«за дело правое»,
и люди кинулись гурьбой
в переворот.
Теперь другой переворот:
десницей правящей,
кровавой поступью грядет
сквозь лязг брони.
И не понять, где господа,
а где товарищи...
«О, Господи! Спаси тогда
и сохрани!»
Ты охраня простое «Я»
от страха жгучего,
чтоб безнадежности струя
не била в грудь,
чтоб внуки наших пошлых дней
дождались лучшего,
а мы – останемся на дне...
и не вздохнуть.

От слова к делу на парсек
мы не приблизились,
все президентствует Генсек
Руси назло,
опять стагнация грядет,
от коей чистились,
сквозь гласность сделав разворот,
чтоб пронесло.
Уходят лучшие умы
от таинств грошевых,
звонит прелюдия зимы
уже всерьез.
Нам не удастся завершить
дела хорошие:
навечно оттепель души
сковал мороз.
Заиндевелый красный холст
ошибок времени –
в десятилетиях не прост,
как белый бред.
Бесцветность не освободит
народ от бремени,
коль будет на него пролит
кровавый свет.
«О, Господи! Прости всех тех,
кто ошибается,
тех, кто блуждает в темноте,
по ней кружит!
И даже тем, кто грешен в ночь,
тем, кто не кается,
прощенье дай, смоги помочь,
не откажи!»

НОЧНОЙ АЭРОПОРТ

Часы высвечивают звоны,
молчит ночной аэропорт...
И ожидать в нем нет резона
анапский запоздавший борт.

Взбивая небо облаками,
он не был угнан в дальний край,
а просто крыльями-руками
не смог попасть в российский «рай».

Диспетчер службы перевозок
не знала весь его маршрут,
бубня в динамик сонной прозой
про ноль часов и ноль минут.

Свет выключен. Темно и тихо.
Стучат часы... Кто ждет... Кто спит...
Полночный рейс в судьбу запихан,
хоть расписание – висит.

Аэропорт, уединенный
от пассажиров, от забот,
молчит своей громадой черной
и никого к себе не ждет.

ПОЧТИ ПО ЛАО-ЦЫ

Равны все люди по природе,
привычки лишь, да воспитанье
их отличают меж собой,
да мудрость высшая в народе
находит веру и признание,
да глупость крайняя восходит
на смену разуму порой.
Древнекитайское сужденье
сегодня даже новомодно,
поскольку истина – жива.
И мы от самого рожденья
без паспорта – международны,
вольны в словах – без разрешенья
в пределах меры естества.
Вот только мудрость изначально
находит далеко не многих:
и те обычно – не у дел.
Мудрец – воистину молчальник
в родной стране членистоногих,
где каждый член – уже начальник,
а мудрость – бедности удел.
Здесь глупость – фактор неизменный,
как полномочный представитель
от многомерности былья.
Уже растет младая смена,
знаком побед ей вдохновитель...
И снится смене перемена
давно не чистого белья.

СЛЕЗА ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Стекла витринного осколки –
его судьба, моя беда.
В подлунный мир взывают волки,
а мы вызываем в никуда...

Вершины гор не слышат стонов,
лавины слез им нипочем,
они бесстрастно и бессонно
сверкают солнечным лучом.

Напрасно ждут соединенья
любви уставшей две тоски,
когда прощанье и прощенье
до бесконечности ... близки.

Судьбы осколки заметаю
метлой сегодняшних забот,
кого-то жду, хоть твердо знаю,
что мой любимый не придет...

И все же, время, ты не сможешь
лучину памяти сломить.
Она горит, и я, похоже,
обречена его любить.

УТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

Если крысы бегут с корабля,
значит, точно, ему затонуть.
Никого не видать у руля:
первым смог капитан улизнуть,
дав команду: «Кто может – за борт!»
Без штанов, без еды, без идей,
люди плыли в неведомый порт,
по-морскому склоняя вождей.
Ветром крутится старый штурвал,
перерезаны тяги давно,
и корабль, подвластный штормам,
брюхом чувствует близкое дно.
Недостроенный новый фрегат
принимает на борт моряков...
Крысы беглые в трюме шуршат,
капитан к управленью – готов.
Поменяв и фуражку, и флаг,
вновь на мостик он рвется, вперед,
только чтобы сжимался в руках
управляющий парусом шкот.
Если крысы бегут с корабля,
не жалея ты его, не жалея.
За три доллара... то есть, рубля
не прорваться теперь в Мавзолей.
Не спросить у лежащего в нем:
«Ну, а кто же теперь виноват?
Почему мы так «резво» идем:
шаг вперед и два шага назад?»
Что прилавки, как мысли, пусты –
это все еще крохи беды.
Мы на будущем ставим кресты,
не попав «ни туды, ни сюды».
Да ведь он промолчит. Голова!
Что ответить? Ответы вокруг.
Все слова. Все опять слова.
Где винтовка, наш вечный друг?

И.К.С.

Совсем не просто уходить. Куда? Ничуть не важно.
И прошлым память беречь, увы, до боли страшно.
Ведь хлесткость мелочных обид насквозь пронзает током,
А слезный дождь то моросит, то бурным льет потоком.

Что день рожденья? Он не даст ни грамма облегченья,
привычек неподъемен пласт почти до отреченья.
Хвала с хулой – не близнецы, сосуществовая рядом,
с людьми работа – вечный цирк с его лукавым взглядом.

Но в круговерти кинолент былых событий, мнений –
объединяющий момент судьбы всех поколений.
Определяет нашу суть не чин, не пост, не званья,
а то, как освещает путь святой огонь призванья.

И никуда нам не уйти от мглы самосомненья!
И никогда нам не найти в себе успокоенья!

ВРЕМЯ

Вот так получилось, что время опять убежало,
крутнувшись амуром в кудряшках воздушной мечты.
Как будто бы милость просить мое сердце устало
у памяти хмурой, искавшей с похмелья цветы.
Взрывается час, разлетаются в клочья минуты,
стираются годы, ломается в прошлое дверь...
Врываются в нас, потому что сердца – не замкнуты,
в любую погоду осколки извечных потерь.

НЕ ПИШИ

Напиши про то, как ты устала
в южно-кипарисовой глуши,
про фруктово-кислый шум вокзала,
просто ни о чем, но напиши...

Напиши про свежесть ощущений,
новизной нахлынувших вдали,
про хмельную радость приключений
в недоступном уголке земли.

Напиши про ясную погоду,
несмотря на отшумевший шторм,
и про ослепительную моду
под луной купаться нагишом.

Быть или не быть тому, что было,
ты сама, счастливая, реши.
Главное, чтоб ты меня любила.
Но об этом, право, не пиши...

БЕСПРЕДЕЛ СТИХИИ СТРАШЕН

Где гранит волна гранила
в гладкокаменные нецкэ,
поливая горькой влагой
гальки праздничный набор, –
море бережно хранило
шум прибоя молодецкий,
крыло ночью черным флагом
будущих тайфунов хор.
Море с гулом надвигалось,
в берег яростно плевалось,
вновь шипела у побережья
в камне пенная слюна...
В белое безе сбивалась
моря давняя усталость,
и покоилась все реже
черноморская волна.
Смерч – стремглав ныряет в небо,
покидая это море.
В тихом море – призрак смерти
зарождается порой,
злому ветру на потребу
разливает слезы горя,
в беспросветной круговерти
воды дыбятся горой.
Вот сплетаются потоки,
с гор летящие в долину,
и, подхваченные ревом,
ввысь взлетают скарб и скот...
Нам судьба дает уроки:
бьет и в скулы, бьет и в спину,
учит всех лишенных крова
жить чуть-чуть наоборот.
Беспредел стихии страшен
неготовностью порочной:

возникает дрожь эмоций
и бессилие потерь...
Слышен смех старинных башен,
сотни лет стоящих прочно
там, где небо в скалы жметя,
открывая в вечность дверь.

ЗАСТОЙНЫЙ ПРУД

Чернилен пруд, забытый жизнью,
где ил и мертвая вода
сосуществуя, тихо киснут,
но не взбушуют никогда.

Дрожит кисель зеленой тины,
бледнеет бурой ряски след,
скрывая черные личины
помеченных молчаньем лет.

Вот так и мы в бессловье странном
у Власти были под рукой,
пока не сдуло ураганом
придуманый для нас покой.

КАК ПИШУТСЯ СТРОКИ

Нет, не пишутся строки «по случаю»,
пополняя словесный бедлам.
Доверяет судьбина тоскучая,
в основном, непечатным словам.

Этих слов монументная значимость,
как трехбуквенность залпа в забор,
место встречи стихам назначила,
расстреляв нежнословье в упор.

Я слова через кровь прокашливал
в пеннорозовой душноте,
но стихи выходили вчерашние,
нужнозвонные, но – не те...

Только, если прольются слезинами
наши чувства на белый батист,
горькой зеленью русско-осиновой
сохранится по осени лист.

Изжелтится дорога предзимняя:
в увядание медленный путь.
Да небесная твердь черно-синяя
приоткроет вселенскую жуть,

где костры наших мыслей, багровостью
опалив поднебесный подол,
с неизбывной российской суровостью
освятят поэтический стол.

Нет, не пишутся строки «по случаю»,
несмотря на случайностный груз,
и не сложится в песню певучую
чуждых рифм неудачный союз.

КАРТИНА НА ВОКЗАЛЕ В СОЧИ

Налево – женский туалет,
направо – нищенский буфет,
в котором даже хлеба нет,
лишь мух – навалом.
А между ними – (три на пять)
Ильич старается вещать
и комсомольцев застращать
буржуйским салом,
нелегкой жизнью при царе,
а под картиной – грязь, амбре,
старуха роется в ведре,
ища объедки...
Что перестройке – год шестой
ты ей рассказывать постой:
твои слова, что звук пустой
в железной клетке.
Желтеет золотом багет:
иллюзий лучезарных след,
да впереди – неясный свет
лимоном в сетке.

ПОЖАЛЕЙ

Пожалей ты меня, пожалей,
хоть улыбкой, хоть вежливым взглядом!
На душе – ледяная прохлада,
будто в окна стучит юбилей.

Зажалей ты меня посильней,
чтобы трудно дышалось и пелось,
чтобы льдинка на сердце согрелась
в теплоте наших сказочных дней.

Не жалей ты меня никогда!
Я шучу, улыбаясь украдкой,
Неразгаданной буду загадкой,
как в полночь шальная звезда.

Лучше я пожалею тебя,
постучась под предлогом пустейшим,
обратясь с разговором милейшим...
Не желая... не ждя... не любя...

Словно маски медовой налет
наших встреч улетучатся вздохи,
не оставив на карте эпохи
отпечатков несыгранных нот...

НОЯБРЬ

Снега нет. Водяная метель
меж домами спиралит кружение,
и, нащупав желанную цель,
вдруг завьется в щербатую щель
мокрым холодом и раздраженьем.

Теплых слез согревающий миг
не прольется в осенние строки
на страницы нечитанных книг,
в одиночество мыслей пустых,
где взаимная боль и упреки.
Бросит тело в несносную дрожь
из-за листьев, покинувших ветки.
Наших чувств драгоценная брошь –
оказалась достоинством в грош,
как стекляшка в колечке субретки.

Снега нет. Но пылает камин
где-то там, в безвозвратно ушедшем.
Треск веселый сгоревших дубин,
углей стылых горячий кармин,
в прошлом веке, меня не нашедшем.

ПРАЗДНИК

Суется женщины на кухне –
это праздник наступает новый.
На столе пирог дрожжево пухнет,
спит салат разжеванно-готовый...

Женщины – в халатах из талонов,
в фартуках из неразменных сотен,
в тапках, сшитых из базарных стонов,
в жаре кухонь – наших преисподен.

Свежестью редиски, чернью сливы,
сушью сена зелени пахучей,
луковой кружавостью слезливой –
украшают кильковые кучи.

Резкостью духмянутся приправы,
сок мясной пробулькивает в печке,
слева – сыр, а колбаса – направо,
льется пиво – пеной, водка – речкой.

Суется женщины на праздник:
что ни кухня – то базар восточный.
Вспышки лиц веселых, грустных, разных...
Значит, нам пока живется прочно.

Нас не испугают перестройки,
страхи до двухтысячного года,
если на столах бутылки стойки,
да жива кормилица-природа.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Был я зван на пирог
и на рюмку коньячного дыма,
ароматом дурманящим властно зовущим меня.
Столько было дорог!
А вот эта приводит к любимой,
той, которую ждал и не видел в обычности дня.

Открывается дверь,
будто в домике чайном когда-то...
Ты стоишь, словно гейша, в своем золотом кимоно,
в ожиданье потерь,
неизбежных, как круглая дата,
но надежда и вера сияют в глазах все равно.

Я ступил на порог,
и меня охватила хмельная,
сладкозвонная радость свидания только с тобой,
но сказать я не смог,
что печаль, как любовь, неземная
охватила в тот миг поколебленный нами покой.

Впрочем, все суета,
надо проще смотреть на поступки,
всякий день как последний до каждой секунды беречь.
Впереди – темнота,
но надежды хрустальные кубки
мы поднимем за жизнь, от пальбы не дающую течь.

ПОСЛЕ БУРИ

Сидела старуха у берега моря... одна...
Барахтались волны, светила в полнеба луна,
смотрела старуха на лунной дорожке покой,
от бликов мерцающих света закрывшись рукой.
Ни дома, ни сада, ни горстки хорошей земли
ей смерч не оставил, все выплюнув где-то вдали.
Что ей до купонов, талонов и экстренных благ,
когда все, что было, внезапно развеялось в прах?
Что ей разьяснение кувейтской причины беды,
когда суждено просидеть у воды – без воды?
А времени мало осталось на свете прожить
и надо сегодня – на завтра чего-то решить...
Но море ласкало шуршанием теплой волны,
и, вместо решений, нахлынули ясные сны...
Привиделись внуки, живущие там, вдалеке...
Вдруг – сердце заньло, и камень зажался в руке...
Вот дочь – непоседа, возвращенная в южных краях,
метнулась туда, где валюта – за риск и за страх...
Но снова – толчок... замерцало в иссохших висках,
потом – остановка... Улыбка на бледных устах.

Лежала старуха на галечном пляже... одна,
где море притихло в предвиденье долгого сна,
да тучи завесили лунного света покой,
да слезы в глазах, словно капли от пены морской.

НЕ СМЕЙ!

Не смей меня тиранить что есть сил.
Ты знала все, и я тебя просил
стать спутницей в дороге без иллюзий,
когда над нами дождь не моросил.

Не смей меня в безделье упрекать.
Пока скрипит старинная кровать,
пока для нас весна играет блюзы,
не стоит новых дел себе искать.

Не смей за эту жизнь меня винить.
Кому не снится по-другому жить?
Вина в вине и в женщинах? Так что же?
Что толку, коль порвется эта нить?

Не смей не доверять моим словам,
пустившись по непонятым следам.
Их замести сумею я. И все же –
за миг свободы сотню лет отдам.

СОЧИ – ВЛАДИКАВКАЗ

Эльбрус сверкает белый
справа от летных трасс.
В небе – маршрут загорелый:
Сочи – Владикавказ.

Сочно гудит «Як-40»,
пьяный сосед храпит,
снег кружевным подзором
там на горах лежит.

Стройных вершин горенье
в белых боа облаков.
Здесь для стихов творенья
просто не хватает слов.

Где-то внизу резвился
нартский герой Батрадз,
кто-то, как я, влюбился,
в самый несносный раз.

Прошлое с настоящим
в будущий мир летят,
даже предгорий чащи
нас задержать хотят.

Вспышкой цветов альпийских
манит лугов платок.
Воздух – хмельней, чем виски.
Вдох – как судьбы глоток.

Дышим потусторонне
таинством древних гор.
К черту страницы хроник!
Выстрел – мечтой в упор!

Дикая мощь Кавказа –
вечноседой магнит.
Бросишься вниз – и сразу
воздухом горным сыт.

Хватит сидеть изнежась!
Звук за бортом угас,
чувствую кожей – свежесть.
Здравствуй, Владикавказ!

* * *

Две звезды: побольше и поменьше –
в сером небе, в сумеречной тине
друг от друга в сантиметре мысли
неподвижнодышаще повисли.
Две звезды: поменьше и побольше
утопают в пепельной трясине.

Непреодолимо расстояние:
друг до друга им не дотянуться.
Небо – серый кардинал разлуки
освятит несомкнутые руки...
Вечно рядом – значит, врозь навеки
и в созвездье звезды не сольются.

Две судьбы: мерцанием в тумане
точек, меж которыми прямая
линия – границей обреченья,
а кривая – символом влеченья...
Кольцами сплетаются парсеки,
только небо их не принимает.

СТРЕЛЬЦУ – ЖЕНЩИНЕ

Нет женских лет. Есть женская пора –
пора любви, надежды и печали,
пора тревог и счастья до утра.
И вновь борьба. А жизнь всегда в начале.

От горестей житейских неудач
уходим прочь, сменив слова и ноты.
Но не уйти в забытие, хоть плачь,
от жизнепоглощающей работы.

Работа – наша первая любовь
с рассвета до глубокого заката
магнитом дел притягивает вновь,
как поцелуй бессрочием когда-то.

Так хочется, отбросив беспредел
приказов, актов и распоряжений,
очнуться в мире, где иной удел,
достойный ненадуманных решений.

Где можно помечтать и день и ночь
прильнув щекой к тургеневскому лесу,
и, чтобы было приподнять невмочь
над прошлым и над будущим завесу.

Сегодня – это все-таки сейчас,
сию минуту, каждое мгновенье,
покуда свет надежды не угас
от недопониманья дуновенья.

Судьба Стрельцом приходит в декабре,
романтиком не знающим покоя,
плащом удачи вспыхнув на заре
и с нежностью перекрестив былое.

По гороскопу женщина-стрелец
заманчива, умна, неистощима,
шумна, жизнелюбива, наконец.
Короче – в счастье не проходит мимо!

Так дай ей Бог все то, что в этот миг
она желает получить сверх меры.
А на страницах новых, лучших книг
найдется место для любви и веры.

РЕШЕТО ЖИЗНИ

Ультрамарин расходуем на небо,
на облака – белильи пузыри,
сиену жженую – на горькость корки хлеба,
а кровь – на вспышку завтрашней зари.

Художники к глубинам Сальвадора,
чья суть вдали, который сам – Дали,
на расстоянье шелканья затвора
приблизиться, ей-Богу, не смогли!

Текут часы, и протекает время
сквозь живописной жизни решето.
И искор нет: в песок сструился кремень,
и мы стеклись в застойное ничто.

А хочется (О, Боже, дай удачи!)
увидеть остановленный распад,
где атомная Леда горько плачет,
часы – идут и весело стучат.

«ТРАМВАЙ – ПЯТЕРОЧКА...»

Куда-то в вечное взлетает лифт:
судьба-шпаргалочка – неясный шрифт.
Где остановится? Какой этаж?
Где дверь откроется? Который наш?

Безостановочный наверх полет:
в колодце лифтовом вся жизнь идет.
Подсказку нужную – не отыскать,
канат-страховочку – не удержать.

Кабина грохнется костями вниз:
мне – долгожданное, а вам – сюрприз.
Полет-болтаночка – конец начал,
минутным слабостям – навек причал.

Октябрь на улице – осенний взлет,
слезу-дождиночку в сердцах зовет.
Холодной желтостью прозрачно чист
звенит от сухости березы лист.

Да грязь колесная – застывший крем
чернит прошедшее, где нет проблем...
Мечта-улыбочка на маске зла
в белесой снежности с косой пришла.

ЧТО НАРИСУЮ Я НА ПОЛОТНЕ?

Что нарисую я на полотне?
Быть может, суть стихов моих печальных?
Быть может, грусть своих друзей опальных?
А может быть, гардину на окне?

Кому нужна на полотне душа?
Ведь плащаница покрывала Тело...
И все же снится, что Душа летела
не каясь, не прощаясь, не греша.

Плеснув краплагом из аорты в ночь –
зажгу звезду сверхнового значенья,
найду в бреду палитру вдохновенья,
где кисть удачи сможет мне помочь.

Тогда я нарисую на стене
сраженье глаз сквозь рук соединенье,
последний час и первое решенье –
явиться наяву, а не во сне.

Что нарисую я на полотне?
Быть может, след твоих прикосновений?
Угасший свет напрасных сновидений?
Иль крест, тобой поставленный на мне...

И.Г.Г.

Не гумилевским капитаном
стою на палубе судьбы,
и в океане пеннопьяном
не слышу судный зов трубы.

Манжет брабантских не приснится
золоторозовый фантом,
покуда парус будет виться
вкруг мачты штилевым винтом.

И не попутный вздует ветер
святую алость парусов,
когда зеленый луч засветит
и будет вечер бирюзов.

Своим дыханием наполнив
пространство, время, океан, –
мы всем неверящим напомним
соленый привкус дальних стран.

Ведь флибустьерская закваска
когда-нибудь должна взбродить...
Мечты бунтующая сказка
в нас вечно продолжает жить.

ПЛАЧ ВИКТОРА ПО УКРАДЕННОМУ КОМПЬЮТЕРУ

Полвека, полжизни работой промерено,
но мудрость житейская нами не познана:
в трущобах поступков идем неуверенно
по терниям мысли и колкости розовой.

Из комнаты, суперсекретностью дышащей,
где лампы тревоги при вздохе – взгорали,
с начинкой, измеренной многими тыщами,
как будто нарочно, компьютер украли.

Шерлок УВДешный пробитым транзистором
пытался подстроиться к волнам дедукции,
но мощь резонанса шампано-игристого
мешала пробиться сквозь толщу Инструкции.

Найти подлеца не удастся, наверное.
Случайная пакость – всегда единичная,
но вот не случайно придется уверовать
в подлейшую общность истоков циничного.

Воруют не мысли в программных реалиях,
не сутью прельщаются местные бендеры.
К чему им идеи сверхценно-астральные,
коль желтость монет начинает побренькивать?

Попроше стащить микросхем бутербродие,
которому нынче цена – оглашенная.
В волну дефицита ушло благородие,
а совесть уже, словно ток, переменная.

Но мы остаемся ребячливо-правыми
в привязке своей к идеалам немодного,
но близкого духом извечного права:
прожить в естестве тяготенья природного.

Труднейшим маршрутом, удачей проветренным,
где бьется о камни река водопенная,
плывем и «ишачим». Друзьями – проверены.
Опасны – врагам, но никак не степенные.

И не в степенях, не в регалиях истина,
а в вечном своем недовольстве проделанным,
в насыщенном дне календарного листика,
полвека вопящего о заповедии.

Пусть к жизни не будет бессмысленной ревности.
Прокисшую маску усталости – скинь!
Пусть будет любовь и друзья в повседневности,
здоровье во веки веков! И... Аминь!

Т Ы И Я

Дождливо-желтым октябрем темнеет
в озяблости багряно-мокрой лист,
каминно-дымный день закатом тлеет,
накатывая ночь из-за кулис.

Вот тьме – осенне-поздняя улыбка
нужна как день, но только ... не видна.
Да! Я твоя последняя ошибка,
а ты – моя бессчетная вина.

АВГУСТ

Осенеет. Ржавит залень
предсентябрьский суховой.
Опадают иглы елей
в еле шепчущий ручей.

Накануне увяданья
возле сохнувших запруд
погружается в молчанье
светлой ряски старый пруд.

Брызжет синью васильковой
постаревшая трава...
В рыжий август ждем такого,
чтоб кружилась голова.

В это время разночтений
всех дебатов горячей
осеняет ночи темень
благовест твоих речей.

ДЖИОКОНДЫ

Потрясающе, в пот бросающе,
до озноба зубодробильного...
Ты живешь, как глядишь, вызывающе,
выключая других без рубильника.

А вокруг – лишь объекты познания.
Значит, целями средства диктуются,
значит, нет для тебя наказания,
коль в бессмыслицу мысли рифмуются.

На стене Джиоконды улыбятся:
то ль тусуются, то ли маются...
Живописцы старательно глыбятся,
но на этой улыбке сломаются.

Непонятная суть джиокондова
растревожила кисть Леонардо,
а сегодня графят рыжим контуром
подмалевки безвестного барда.

На гармошке симфонию грохая,
кто-то хочет притронуться к гению,
забывая, что музыка крохами,
но своими, достойна прочтения.

Ты приходишь опять Моной Лизою:
неразгаданной и неправильной.
Для немногих – богата сюрпризами,
но при этом – светла и праведна.

Эх, мужчины! Молочная братия,
на одной Джиоконде помешанная.
Нам навряд ли нужна демократия.
Ну, а ей? Да пошла она к лешему!

ОЖИДАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Когда у женщины свиданье –
черты лица ее резки,
томятся влагой ожиданья
солончатые соски.

Изгиб пантеристо-кошачий
над бедрами – жару струит,
и четко профиль обозначен,
когда в окно она глядит.

Но вот исчерпаны мгновенья,
а за дверями – никого...
Исчезло тела вдохновенье,
погасло творчество его...

И только злая дрожь утраты
под кожей теребит печаль.
Она молчит. И губы сжаты.
И прошлого до крика жаль.

ВОТ ТАК!

Значит, вот так получается:
и бесконечность – кончается,
мир относителен наш.
Кто-то грешит, кто-то кается,
в среднем – тоска получается,
чей-то последний багаж...
С ней улетают в далекое,
в то, что зовут – одинокое,
там, где земля и покой.
Правда – подруга жестокая:
наша судьба златоокая
так и осталась мечтой.

МОЖЕТ БЫТЬ

Когда тобой обида взбита,
виновен я, и – нечем крыть,
когда солонка вдрызг разбита,
надеюсь я: «Не может быть...»

Когда в отчаянье момента
ты запретишь себя любить, –
внутри убив интеллигента,
я закричу: «Не может быть!»

Когда судьба, захлопнув двери,
прикажет прошлое забыть,
свое бывшее ей не вверю
и прошепчу: «Не может быть».

Когда в твоих глазах читаю:
«Тебя готова задушить,
как только завтра повстречаю!»
Вот это, знаю, может быть.

НЕ ЗАБУДЬ

Влажность рта твоего – на губах,
гладкость бедер твоих – на ладонях...
Наше чувство внезапное стонет,
утопая в пустейших словах.

В шоколаде задумчивых глаз
вижу мыслей своих отраженье.
Победитель на поле сраженья,
без сомнения, каждый из нас.

Пусть колдует сиреневый свет
меж коньячно-веселых бокалов...
Будет выпито нами немало
за упрятанный в завтра рассвет.

Я ласкаю изящную грудь,
чуть прикрытую ветреной тканью,
и, вверяясь слепому гаданью,
умоляю: «Меня – не забудь!»

ОКТЯБРЬСКАЯ НОТА

Ледышки грязные плывут в прозрачье луж,
вовсю октябрь осенним солнцем ублажает...
И, чтобы нам не убояться зимних стуж,
пурпурным маревом рябины наряжает.

Чуть песни осени приблизятся к концу –
снежинность верткая над слякотью взовьется,
зима мазнет лихим румянцем по лицу,
ну, а по жизни – черной сажей, как ведется.

Грядущей зимности безрадостен удел,
когда трезвонят обмороженные нервы
про нашу жизнь, в которой корень охладел,
а год хоть новый, но, увы, давно не первый.

Вот почему и существуют октябри
последней вспышкой теплоты или ненастья.
С морозовым восточием зари
придет зима, а, может быть, и счастье...

«НИКОГДА...»

А море гудело...
С надрывом оно рокотало...
Сквозь солнечный свет
ветровой пробивался озноб.
И пеной седело...
И пеной судьбы закрывало
лета буйного след –
стылых пляжей лысеющий лоб.

Только ветер утих,
как повеяло днем и рассолом.
Обжигали не боги,
а песни, в которых молчишь,
если слышатся в них
староверским извечным расколом
три аккорда дороги
и мохнато-покойная тишь.

Вот и осень вошла,
осыпаясь прощальностью писем,
в круговерти времен
исполняя особый заказ:
дать поэту тепла,
чтобы стал он покорно-зависим,
зимний чувствуя сон,
где фонарик удачи погас.

И море умолкло,
как будто со дна замерзало...
Светился пожаром
упавшего солнца накал.
Туманились стекла
в старинной ажурности зала,
да ворон Эдгара
свое «никогда...» бормотал.

ТАКОВА ЖИЗНЬ...

Увы. Пройдет пиров похмелье.
Забудется азарт любви.
Устанет взгляд. Прокиснет зелье.
Ты станешь мудрой. Се ля ви!

Но в эту мудрость, в эту вечность
меня с собою не зови.
Любовь – земная бесконечность –
нужней, чем слава. Се ля ви!

Вскипит азартом грусть в бокале,
всхмелится прошлое в крови,
чтоб мы друг друга заласкали
до помраченья! Се ля ви!

Готов с тобой уйти навечно
в леса, где свищут соловьи,
и в небеса дорогой млечной,
но, чур, с бутылкой! Се ля ви!

Все наши «вредные привычки»
не позабудь, не отзови,
чтоб на последней перекличке
мы были с ними. Се ля ви!

ТРИ ДНЯ БЕЗ ХЛЕБА

Приходит не одна беда,
асфальтом края небо.
Звереют наши города,
когда три дня – без хлеба.

Все провалилось в никуда,
страна – подобье хлева.
Худеет модная «Бурда»,
прожив три дня без хлеба.

Кого теперь на помощь звать?
Бориса? Или Глеба?
Иль всех святых наверх свистать,
молясь три дня без хлеба?

Не объяснит ни правый толк,
ни злые вопли слева,
за что сижу я, словно волк,
почти три дня без хлеба.

Могу кричать, могу рычать,
и в том – души потреба,
но нету сил «права качать»,
когда живешь без хлеба.

ХМЕЛЬНУЛО ДЫМОМ

Хмельнуло дымом по-осеннему
под желтый хруст опавших листьев...
Перед дорогою присели мы,
чтоб помолчать в дымах смолистых...

И, будто листья эти – инеем,
нас сединой пообметало...
Под перекрестием осиновым
светились души вполнакала...

Взбелив покой дорог сугробостью,
пурга костры припорошила...
Сдавалась осень с женской робостью
на милость зимнего ветрила.

Пускай близка победа зимности,
но безусловно утверждение,
что в человеческой взаимности
победа – это поражение.

Вот почему, прощаясь с дымностью,
присядем перед дальним странствием.
Приметы с их большой наивностью
распространяются в пространстве.

ЧУДО

Когда сражались осетины
с потоком зла, вражды и лжи,
на крыльях сна с небесной сини
спускался к ним Уастырджи*.

Он направлял судьбу народа,
храня мужчин в большом пути.
А может быть, сама природа
спешила к людям низойти,
чтоб, осенив крылами света
своих голодных сыновей,
их не оставить без совета,
без дружеской руки своей.

Пришла пора. Святой Георгий,
коня трехногого взнуздав,
слетает в мир кровавых оргий,
смотреть на мерзости устав.
Всклубился снег. Обильным валом
леса засыпал и луга,
прикрыл надежным покрывалом
предгорных речек берега.

Шел снег три дня. Три дня дымился
след небывалого коня...
Он – был, он – есть, он – не приснился,
в себе загадку сохраняя.
Трясет страну, как в лихорадке,
в озноб бросая каждый час.
В огне беды не до разгадки
явлений, поразивших нас.

* Уастырджи – святой Георгий (осет.)

Воспринимаем все, что было,
и то, что будет, то, что есть –
в реальности всевышней силы,
нам давшей знать про долг и честь.
Святой Георгий посох держит,
желая всем добра в пути.
Быть кувдам* – чаще, а не реже,
чтоб нам от тостов – не уйти.

ТЕКУЩЕЕ ВРЕМЯ

А время вытекает через кран:
из ниоткуда... в никуда... и дальше.
В таком теченье нет ни капли фальши:
то кровь бурлит на днищах новых ран.

Вода струится по стеклу судьбы
потокот необъятного покоя,
но мы не знаем, что это такое,
привыкнув к звукам маршевой трубы.

Как у Дали, висит в пространстве сон,
в котором все настолько ирреально,
насколько скрипка мечется печально,
страдая с человеком в унисон.

Так утекает время на разлив:
с журчанием, бесследно, невозвратно,
на желтом солнце лихорадя пятна,
готовящие нам вселенский взрыв.

* кувд – пир (осет.).

МАРТОК

Дрожащий март с январской злостью
стегает снегом по щекам,
заслав пургу незваной гостьей
в пустеющий надежды храм...

Чтобы, не преклонив коленей
перед святыней тишины,
заставить ветер песнопений
трубить пришествие весны.

Но ровно светит лунный лик,
не освещая нам дорогу...
И только чувств неяркий блик
в ночи сигналил понемногу.

МОЙ ОРИГИНАЛ

Я, кажется, совсем не современный,
поскольку выпив полный штоф вина,
шепчу, презрев характер переменный,
что Джиоконда быть должна одна.

Из сотен копий, скованных багетом,
мне ни одной не надо, ей-же-ей!
Ты мой оригинал, хотя при этом
все время остаешься не моей.

ЭТО ТЫ

Образ твой из восторгов не лепится:
не хватает связующих зол.
Сотворенье портрета – нелепица,
словно белый парик и камзол.

Воскрешение в памяти прошлого,
как пасьянсовый в завтра расклад,
черной мастью метельного крошева
застилает непомнящий взгляд...

Над пустыми глазницами вечности
морщит лоб алебастровый шторм...
Льнет к античноскульптурной беспечности
тяжесть плавная бархатных штор...

Но тебя – не из мраморной гладкости,
не из бронзовой мощи литья...
я ваяю из редкостной радости
вперемешку с тоской бытия.

Ты получишься всеобязательно
слепком нынешних дней колготы,
чтобы всякий, взглядевшись внимательно,
удивленно спросил: «Это – ты?»

ЖЕНЩИНАМ-ПОЭТАМ (конечно – шутка...)

Пишите, женщины, пишите
стихами, прозой и собой...
Спешите, милые, спешите,
пока мужчины рвутся в бой.

Так и Цветаева когда-то,
почуя зов своей мечты,
не стала гвардии солдатом
литературной пустоты.

Но «Пунш и полночь. Пунш и Пушкин» –
струился шепот в этот свет.
Не за рубли, не за полушки,
судьбу встречая тет-а-тет.

Нет, женщины! Вы – не пишите!
Сверлите под горой тоннель,
таскайте шпалы и пашите,
ну, хоть идите на панель...

Хлеб отбирая у поэтов
мужского пола, так сказать,
вам не найти авторитетов,
чтобы стихи опубликовать.

Как доказать свою особость?
Глубинность мысли? Рифм обвал?
Как оправдать свою сексробость,
чтобы мужчина верить стал?

Привычку старую к советам
не позабыть, не отвратить.
Поэтому стихи – ответом
должны на все вопросы быть.

Пишите, женщины, пишите
своей встревоженной душой!
Без сожаленья ворошите
запаутиненный покой!

ОЖИДАНИЕ БЛАГОДАТИ

Милославщина... Монастырщина...
славны милостью всей Руси.
Жить в стране от грехов неочищенной,
Боже, нас сохрани и спаси!

Вдоль Красивой Мечи ветры хлесткие
гнут деревьям тугие хребты.
Им с дождями придется выплескивать
нездоровье своей хрипоты.

Августовский обряд очищения
вместе с ветром приходится ждать.
На Россию в сиянье прощения
непрерменно сойдет благодать.

ПЕСНЬ МОЕГО ДРУГА

Жена, хоть ты красивая и в теле,
но вот по жизни что-то здесь не так...
Удерживает дома еле-еле
тебя твое потомство... кое-как.

Ты на работе допоздна бываешь,
решаешь ворох всяческих проблем...
О муже, между прочим, забываешь,
не знаешь, где я сплю и что я ем.

Моих друзей завистливые взгляды
стреляют сочно по твоим ногам...
Они мне насолить совсем не рады,
но что же делать этим мужикам?

Чужих мужей нехитрые желанья
имеют ясно заданную цель:
скорее, сквозь любые обещанья,
залезть в твою горячую постель.

Твоих подруг немеренная зависть:
я у тебя, а вовсе не у них,
ты для меня одна из всех красавиц,
и каждый миг рождает новый стих.

Да, я в тебе уверен! Нет сомнений!
Ты внутренне и навсегда со мной –
вот потому без всяких сожалений
иду я в ногу со своей женой!

8 МАРТА

Весна упряталась в мехах
с морозным скрипом,
бродяга-ветер в проводах
рыдает скрипкой.
Ох! Эта поздняя весна:
восьмое марта,
когда в безверье снесена
удачи карта,
и стынет женская печаль
тоской в миноре,
крылом брюнетистым рояль
взмахнет от горя...
Тогда настанет женский день
неповторимый,
беды разлапистая тень
промчится мимо,
начнут для Женщины стихи
слагать поэты:
про обоюдные грехи,
про то..., про это...
Назло засилью скучных дней
вино прольется.
И тот, который нужен Ей, –
не ошибется.
Прольется вечный луч тепла
сквозь жизни арку,
расплавится озноб стекла,
стекая в чарку.
Ох! Этот чудный снегопад
восьмого марта:
от финиша лететь назад
до зоны старта,

чтоб, в ожидании чудес
 весенних ливней,
благодарить веселый лес
 и нежный иней.
Пусть жар любовный сквозь года
 струится в теле,
чтоб мы друг другу никогда
 не надоели!

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Углы России забелил туман,
Непрядва к Дону бросилась в объятья.
И нет границ: где свой, где вражий стан.
И нет межи: где слава, где проклятья.

Земля взяла в себя сыновний грех:
спит Пересвет спокойно с Челубеем...
А мы опять от ярости звереем,
желая в мире быть умнее всех.

Похолодали зори на Дону,
церковных куполов озябли шлемы...
Дай Бог, чтоб мы не пели про войну,
и не слагали про нее поэмы.

Пусть медовухой полнится стакан,
пускай мычат на выгоне коровы,
пускай с рассветом день наступит новый,
а ввысь летит гусиный караван!

ОПЯТЬ ВЕСНА

Вот и опять восьмое марта
стучит в незапертую дверь...
Художником судьбы с Монмартра
рисует полотно потерь,
где разноцветье дней удачи
мазками кисти что есть сил
прикроет чернь сиены плача,
грунтовку жирную белил...
Альпийской нежности цветами
весенний воздух оживит,
цыганка свежими устами
удачу вновь наворожит.
Но нет пророчества милее,
чем недоступный женский взор,
в котором песнь любви алеет
сквозь незаслуженный укор,
в котором видим обещанье
бурлящих чувств и тихих ласк,
грядущих встреч, пустых прощаний,
шипящих кубков вечный глас.
Нет предсказаний ощутимей
прикосновенья женских рук,
когда от песни, спетой ими,
мы освятимся как-то вдруг.
Когда без календарной даты,
а ежедневным бытием,
мы, гвардии любви солдаты,
для вас, любимые, живем.
Мы сами вряд ли в это верим,
но – раз в году... Свидетель – Бог:
Стучит восьмое марта в двери
и мы выходим на порог.

КУПЕЙНОЕ-ШУТЕЙНОЕ

Комариным зуммером озвучено,
в жаркость пыли и листву одето,
темнотой удушливой измучено –
плавилось разжаренное лето.

Или дождевыми водопадами
омывая ссохшиеся поры,
радостноактивными распадами
освещало мыслей переборы.

В эту леность поезда, стучащего
по стыковкам рельсовой распутицы,
подступало лето настоящее
с хрипами по радио Распутиной.

Друг в купе беседует с попутчицей,
у меня процесс мышленья движется.
У него, я думаю, получится...
Только вот статья не очень пишется.

Пожуем на ребрах поналипшего,
окунемся в соль крутыми яйцами...
Я уверен, что-нибудь напишется,
ведь в дороге всякое случается!

ЗДОРОВСКИ...

Как это здоровски: в весне запутаться!
Судьба-черемуха с утра хмелит,
тебе веснушками смеется спутница:
любить себя по-новому велит.

Трава торопится на солнце вылезти,
березы сочные бегут к пруду,
опять желание готово вырасти,
а мы с тобой – опасные в бреду.

Как это здоровски: весна и таинство!
В саду нешуточно колдует май...
Отпей рассветного, налей закатного,
и потихоньку сердцу подпевай!

* * *

Мы не станем подводить итоги.
Хоть пришла по времени пора.
Будем ехать дальше по дороге,
по которой ехали вчера.

А сегодня – просто остановка,
повод посидеть, попеть, попить.
День рожденья – с прошлым рокировка,
чтобы дальше этим прошлым жить.

На столе бледнеют орхидеи –
главный призрак процветанья масс.
Тост за то, что мы не прохиндеи!
Пьем за жизнь, за женщин и за нас!

МОСКВА – ТУЛА – ЛИВЕРМОР

Теплая осень. Цветы. И – отсутствие времени...
Татьяна и Павел... Истекшим годам вопреки
сливались критической массой от света до темени
два близких желанья в неслышном пожатьи руки.

Страдал саксофон, и стучало нутро барабанное,
с распадом разлуки отхлынуло желтое прочь.
Настало – свое, уходило – чужое, обманное,
подкралась пора до утра проектировать дочь.

Странное лето. Пикник. Деревенски-навозное
овекает обочину трассы: Москва – Ливермор.
Перепутье под Тулой настолько взаимно серьезное,
насколько серьезен российский воздушный простор.

Сплетаются судьбы узором доселе невиданным,
а, может, невидимым тем, кто не хочет смотреть.
В работе, в друзьях... Незаметно и дочка на выданье.
И время торопит, чтоб многое вместе успеть.

ЭЛЬХОТОВСКИЕ ВОРОТА

Кавказских гор нахлынула прохлада
на крыши обожженных поездов,
когда она шепнула мне: «Не надо...» –
в вагонной дреме непробудных снов.

«Не стоит вспоминать о небывалом,
не надо больше думать о былом!
Все в наши дни кончается обвалом:
ржавеет дружба, пусто за столом.

Но льют предгорья тремоло рассвета
в тоске пирамидальных тополей.
Давай, Кавказ, поднимем тост за это,
ты пены облаков не пожалей!»

Туман платком пуховым, нежно-белым,
за стеклами всклубил свою печаль.
Она вскипела смугло-жарким телом
и в сонную свою нырнула даль...

Росу роняли к долу листья дуба,
рванулся поезд бешено вперед...
Тогда, Кавказ, я в первый раз подумал
о вечности эльхотовских ворот.

* * *

Значит, вот так получается:
и бесконечность – кончается,
мир относителен наш.
Кто-то грешит, кто-то кается,
в среднем – тоска получается,
чей-то последний багаж...

С ней улетают в далекое,
в то, что зовут – одинокое,
там, где земля и покой.
Правда – подруга жестокая:
наша судьба златоокая
так и осталась мечтой.

НЕПРИЗНАННЫЕ РЕГАЛИИ

Академики непризнанных академий,
наук непризнанных доктора,
деканы непризнанных факультетов,
кафедр непризнанных профессора –
не признают многоумных советов,
стреляющих залпами подлых наветов,
не знают богатства надуманных премий,
им надо работать с утра до утра,
а звания, должности – это мура,
которую квасит в жару мошкара,
пузырную важность рождая при этом.

ДАВАЙ, ВОЛОДЯ

Кончай, Володичка, грустить!
Никто не верит в юбилей.
Не лучше ль память разгрузить
о том, что было, не жалея?

Кто ленинградскую блокаду
сумел достойно пережить,
тому сейчас решать не надо
вопроса: «Быть, или не быть?»

Ты из кружка друзей не выбыл.
И мы не верим в шестьдесят,
пока от жизни нашей дыбом
не только волосы стоят.

Когда, не глядя на часы,
в любое время дня и ночи
ты жизнь бросаешь на весы
и устаешь, бывает, очень.

Когда суставы сквозь усталость
от напряжения хрустят –
считай, что им хрустеть осталось
годов, примерно, шестьдесят.

Напрасно люди говорят,
что возраст горы сокрушает,
и, если грянет шестьдесят,
одна лишь пенсия ласкает.

Какие, к черту, шестьдесят?!
Коль за столом ты верен кубку,
когда глаза твои горят
при взгляде на любую юбку?

Пускай про пенсионный холод
вовсю завистники твердят!
Сегодня ты – здоров и молод:
тебе – всего лишь шестьдесят!

БОРЦОВСКИЙ КОВЕР

Полвека прошло то в трудах, то в заботах.
И вот уже сердце стучит впопыхах...
Частички здоровья – в забытых субботах,
в бессонных ночах, в каждодневных делах.

Борцовский ковер – это все наши годы,
которым решать кто слабей, кто сильней, –
из тысячи схваток с собой и с природой,
из вольной борьбы и намного вольней.

Беда, если схватка ведется без правил,
но станет победным коронный прием,
которым лопатками вжаться заставил
противника в помнящий все чернозем.

Пусть нас освежает, как доброе пиво
прохладой серьезности, – вывод простой:
победа дается – для жизни счастливой,
для ясности – время, для пены – отстой.

За все в наши годы приходится браться,
а, взявшись, крутись, не сдавайся и сдюжь!
С друзьями и смерти не стоит бояться,
ведь жизнь – это смысл единения душ.

Полвека – не годы, полвека – не время,
а годы во времени – искры в костре.
и, чтобы не чувствовать возраста бремя,
дай, Бог, нам побед на борцовском ковре!

ПЕРЕВАЛ

Бесспорно, долог путь до перевала,
и в пятьдесят итожат жизни бред.
Но в марте, как всегда, весне – начало,
конец – сомненьям и разлукам – нет.
Сугробы дел не остаются в прошлом,
они растают в реки новых дел,
поток которых лживый камень крошит,
а нас выносит в вечный запредел.

Может мне это только слышалось,
что над лесом и старыми крышами
чей-то голос слова напевал:
«Перевал. Перевал. Перевал».

Как в спорте: кто быстрее и сильнее –
тот в жизни занимает верхний ряд,
но верится, что быть других добрее, –
достоинств всех важнее и наград.
Кто в сапогах не бегал стометровку,
тот не поймет наш финишный рывок,
когда так тянет лечь в траву за бровку,
а надо уложиться точно в срок.

Ты в медицине – кожей ощущаешь
страданье духа, хворость бытия,
как женщину, которую не знаешь,
но чувствуешь, что и она – твоя.
Когда она в глаза твои глядела,
внушала мысль про «зеркало души»,
ты знал, что кожа – отраженье тела,
и ей сказал: «Чем ощущать – реши!»

Как на Кавказе – головокружение,
бунтует дух и хочется в князья,
но зорко смотрит наше окружение,
в котором поднимать волну нельзя.
А мы живем мечтой о небывалом,
верстаем каждый миг победный план.
И в пятьдесят у нас всего – навалом!
Казбек с Эльбрусом – выше, чем Монблан!

Слышал точно, не просто послышалось.
Над лесами и старыми крышами
звонкий голос всю распевал:
«Не последний в горах перевал...»

ДЕРЕВЬЯ И ЛЮДИ

В скалу вцепилось дерево корнями,
сжимая их собой до исступленья.
Ни смерчи, ни потопа, ни цунами –
не совладали с крепостью сцепленья.
И только человек, в пилу уверовав,
нарушил связь... и скалы – задрожали.
Каменья осыпи свое до боли дерево
по пропасти туманной провожали...
Вот так же человекам – человеки
железом слов корчуют жизни корни,
стараясь изничтожить их навеки.
Но Люди – не становятся покорней.

ТЕЛЬНЯШКА

Белые полосочки в небе сине-чертовом:
то ли путь в космический, самый дальний свет,
то ли белой завистью небеса исчерканы,
то ли самолетами твой помечен след...

Белые полосочки на тельняшке старенькой
бьют альтернативами: быть или не быть?
Только, если в будущем есть просвет, хоть маленький,
ради просветления – стоит вечно жить.

В белую полосочку тело загорелое
солнцем разрисовано в девственных местах...
Ты – мое сомнение: может – незрелое,
может – переспелое, вишней на устах...

Ты – моя полосочка: то – бела до ясности,
то – непонимания черная черта...
Ты – мое крещение вековой опасностью,
где любовь и ненависть – верная чета.

В ЗОНЕ «КРАСНЫХ ФОНАРЕЙ»

*«Нынче всякий труд почетен,
где какой ни есть...»
(Из песни)*

Есть в Льеже зона «красных фонарей»,
как мы ее обычно называем,
хотя по слухам это место знаем,
но знатоками числимся, ей-ей!

Подсвеченные розовым витрины,
в которых тают женские тела:
одна уже на койку прилегла...,
а та бедру устроила смотрины.

Постарше, помоложе, почерней, –
какую хочешь выбирай на время.
Цена доступна без квартальных премий,
цветов и вздохов по любви своей.

Торговля телом – бизнес хоть куда:
в тепле, под крышей – и самой приятно.
На простыне от удовольствий пятна
и при себе – «орудия труда».

А чем же лучше тот, кто продает
свой мозг, идеи, чувства и желанья?
У этой проституции название:
свободный труд, которому – «почет».

И тот лишь в прошлом. Нынче не в чести
соленый пот на поприще творенья.
В стране разгул беды и разоренье
и некому сказать свое: «Прости!»

Продажа духа русского народа,
в котором корнем – разных наций связь,
с невиданным размахом разрослась,
да так, что обесценилась свобода.

Избавившись от красноты знамен,
приобрести мы не смогли окраску.
Вот так и ходим, позабыв про ласку,
не перейдя заветный Рубикон.

Сверкает Льеж в неонности огней,
в витринности несчетных магазинов.
И мы стоим, напрасно рот разинув,
в районе самых «красных фонарей».

ОСЕНЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Многоопытная осень. Листопад. Уход в ненастье.
Темно-мышьей шкурой небо набухает от тоски...
А потом потоком слезным заливает чье-то счастье,
студит ветром, лепит грязью, мажет инеем виски.

Но опять Зосима-старец крепким медом согревает,
солнце теплится в прорехах серо-кудрявых облаков,
слов твоих безумных пламя лоб холодный обжигает,
греют листья светом желтым нашей нежности покров.

Мир сплошных противоречий. Нет надежности в природе...
Только в этом – вся надежность вечно движущихся дней.
Осень с листьями сгорает, а в дыму зима приходит,
обещая снежный отблеск звездных елочных огней.

ГРОЗА ДРУГАЯ

Дунул ветер холодом и мощью,
приземлил деревья и кусты,
впереди себя ворвался в рощу,
обрывая первые листья.

Потемнело, будто перед казнью...
Виснет сверху черный потолок.
Но с небес несется: «Будет праздник!
Стихнет буря в долгожданный срок».

Расщепило небо на две части:
молний блеск и дождевой обвал...
(«Может, на Земле наступит праздник,
если Гею Зевс поцеловал?»)

Снова солнце светом поливает
обновленность травного ковра.
Песни капель в лужах затихают...
Свищут птицы – вестники добра.

ДОРОГА

Нежно-белые кораллы
на заснеженной равнине...
Это в свете солнца алом
высветлил березы иней.

Как парок над крепким чаем,
на асфальта темном фоне
вихрь снежинок нескончаем
в нотах ветреных симфоний.

Подмораживает лихо...
Вдоль дороги шорох шинный
нарушает сон, где тихо
припаркованы машины...

Где не свищет ошалело
ветер в спину при обгоне,
где от жара млеет тело,
позабыв про лед агоний.

Только сном нельзя забыться.
Наяву – шуршит дорога:
та, с которой нам не сбиться,
от порога – до порога.

Потому что белой тайной
все укрыто, кроме сути,
где движенье – не случайно,
как картинки Кама-сутры.

Ало-белые кораллы –
солнца зимнего причуда,
сладкозвучные хоралы
по дороге ниоткуда.

ЖЕНЩИНА РАСКОВАННАЯ – ДЕЛО РИСКОВАННОЕ

Назло досужим разговорам,
рискуя грань переступить,
когда ее склоняют хором,
солистки-женщины в котором,
она – свивает жизни нить.
Она не может не любить.

На кофте пуговицы соблазна
совсем случайно расстегнув,
она глазам устроит праздник:
молниеносный взгляд-проказник,
расширит брешь, в нее нырнув,
как будто к образу прильнув.

Но это – просто представленье
для необстрелянных невежд.
Чужому взору, без сомненья,
там места нет для самомненья
и неоправданных надежд.
Все это – таинство одежд.

«Мои глаза смотреть не могут
на безмужчине вокруг,
коль некому погладить ногу,
то нет мужчин!» И, слава Богу,
что знает цену шутке друг,
когда услышит это вдруг.

Чем проще жить – тем жить сложнее,
не всякий сможет соль вкусить.
Но мы в натуре – лицедеи,
которым публика важнее,
чем в безызвестье вечно жить,
и в одиночку водку пить.

ВСЕМ... ВСЕМ... ВСЕМ...

Мои друзья! И те, которых нет
на этом свете, в темень погруженном,
кто приближать умел рассвет,
найдя себя в луче фотонном,
сгорая в пламени проблем,
не видя в жизни мелких тем!
И те, кто просто свет коптил,
но не мешал другим светиться,
кто знал, что счастье – это птица,
за хвост которой зацепиться
не хватит лошадиных сил.

Мои друзья ! Которые со мной
несут свой крест в любую непогоду,
без лишних слов о тяжести земной
готовы разделить и хлеб и воду.
Они без лести говорят,
что значит больше всех наград.
Когда помочь бывает надо
в печали, в радости, в борьбе,
в науке, в таинстве, в гульбе,
в сопротивлении судьбе, –
они всегда бывают рядом.

Мои друзья! Когда мы за столом,
друг с другом рядом сев по доброй воле,
то исключен словесный лом.
Здесь тост о вечности глаголет
и обещает нам помочь,
гоня несправедное прочь.
Объединяет всех – добро,
скрепляя братство хлебом-солью,
любовь – разлукой, радость – болью,
когда на памятник раздолью
не ищем черное габбро.

Мои враги! Таких сегодня нет,
как говорят, в живых, а это значит:
пусть с ними остается звон монет,
а мы прорвемся так! А не иначе!
Враги даны, как средство для прозренья,
слабительный отвар – для очищенья.
Спасибо им, что не давали спать.
Внедряя слухи в разные дома,
наушничая в пьяности ума,
строча бумаг подметные тома.
Они меня учили побеждать.

А те, кто не друзья и не враги?
Их много в этой жизни беспокойной.
Спокойствие их трогать не моги,
они печальной участи достойны:
им суждено в сторонке ожидать,
не предавать, но и – не поддержать!
Поймите, не враги и не друзья,
что тихой хаты с краю – не бывает,
неведение – бездушие рождает,
потом могилы предков забывает.
Так можно век прожить. Но Жить – нельзя!

Мои враги! И вы – ни то ни се!
Стола для всех единого не будет.
Мы – разные страницы в книге судеб.
Настал великий Пост. Он нас рассудит,
расставив по местам за все, про все.
«Людей не ешьте!» Праведный завет
не нарушайте в спешной гонке лет!
Пусть в этом будет наше единенье!
Конечно, жаль, что всяк из нас живет
без радости взаимного прощенья.
Но верю в новый день, как в Новый год!

А к вам, друзья, не новый день пришел,
а новый повод накрывать на стол!
Нальем в стаканы бурное хмелье,
чем Бог послал – закусим понемногу,
припомним наше славное былье
и снова вместе выйдем на дорогу.
Больших путей не миновать,
дорога нам – не для разбоя.
А просто – нет внутри покоя
и надо сотворить такое,
чтоб можно было вспоминать!

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Нет, я с борьбой не завязал.
По-прежнему забот навалом,
Его Величество Скандал
лишь приутих под снегом талым.

Я склеивал судьбу-витраж
из слюдяных блестяшек будней,
в которых нет цветов распутней,
чем бело-зимний макияж.

Я сплевывал комки идей
через щербатые поступки,
поил вином пустые кубки,
не напоившие людей.

Я склевывал зерно добра,
но не был сыт, не видел сытых,
не видел голодом убитых
ни в те поры и ни вчера.

Я стравливал канат любви,
чтобы творить на расстоянье,
не наживая состоянья,
в тома сшивая дни свои.

Все ждал, когда шепнет эпоха,
которую в борьбе задел:
«Да, поработал ты неплохо
для мастера витражных дел».

Нет, я с борьбой не завязал.
Раслабившись, для новой схватки
готов борец. Его лопатки
никто к коври не прикасал.

ДОНКИХОТСТВО

Не потому, что он – Сергей. Не потому!
Болезнь – уходит, не узрев отчаянья.
Ты за него сражаешься отчаянно,
тебе – он верит, больше – никому.
Не потому, что он – Сергей. Не потому.

Не потому, что он – Сергей. Не потому.
Ты штопаешь носки в тепле и сонности,
в семейный мир вложив свои способности
и всю себя навек отдав ему.
Не потому, что он – Сергей. Не потому.

Не потому, что он – Сергей – твой Дон Кихот,
сквозь крылья мельниц ринулся в баталии,
презрев чины, зарплаты и регалии,
желая жизни дать успешный ход.
А потому, что он – нормальный Дон Кихот.

ЧЕРНСКИЙ ВОЕНКОМ

А где он, чернский военком,
«кому не спится в ночь глухую»?
Ведь я и по нему тоскую,
сглотнув воспоминаний ком.

Стакан к заутрене подняв
вина конца шестидесятых,
майор был бесконечно прав!
Я это понял «во солдатах».

Он отправлял меня служить
за Тверь во исполнение долга.
В хмельном сочувствии души
глаза друзей смотрели волгло.

«Ведь ты меня... от жизни спас», –
страдал майор, скрипя зубами.
И водку пил, как летом квас,
матуя крепкими словами.

Десятки лет с часами пик
смешались в неподъемной чаше.
Майор из памяти возник,
как символ молодости нашей.

Не то, что пил! Мы пили все,
борясь со скучностью районной,
в Нечерноземной полосе
людьми и Богом обделенной.

Но, недостатков не тая,
достоинства не выдвигая,
он на посту своем стоял
апостолом в воротах рая.

Простой советский офицер...
Сейчас живет уже – «в запасе»
тем твердым знаком в слове «херь»,
которым наш солдат опасен.

В словах, суждениях – прост и прям,
газетным не чета червивцам...
И в убеждениях – упрям:
не ищет правды по столицам.

Закалка старая крепка.
Живи, майор, коль солнце светит!
Пусть не дрожит твоя рука
все двадцать первое столетье!

ЗАУТРЕННЕЕ

Вершили петухи крикливый свой обряд,
храпел навзрыд душой широкой Пестов,
кукушка счет вела с судьбой не в лад,
собаки лаяли с протестом и с подтекстом...

Кряхтел индюк, взлетая на забор,
в пруду карась плескался хитромудрый,
шуршал дерев проснувшихся шатер...
Так начиналось сказочное утро.

Рассвет лучами теплыми ласкал
всё, что умеет самовыражаться...
И я покинул душный сеновал,
чтобы послушаться, навидеть, надышаться.

ЧАСЫ

Не торопись нахваливать часы.
Они в тебя стреляют ежечасно
секундами в количестве ужасном.
Быть должником у времени – опасно.
Не торопись нахваливать часы!

Не торопись притормозить часы.
Остаться в прошлом нам не удастся:
его уж нет... Лишь память робко бьется
в силках желаний. Да судьба смеется...
Не торопись притормозить часы!

Не торопись подкручивать часы.
У них осталось мало сил в запасе,
пружина лопнет в треснутом каркасе,
не стоит плетью спину клячи красить.
Не торопись подкручивать часы!

Не торопись выбрасывать часы.
Они свое еще не достучали,
они, как сердце, биться перестали,
своим концом напомнив о начале.
Не торопись выбрасывать часы!

Часы! Не торопитесь на покой!
Мы с вами до вершин не дошагали.
Сверяя бой сердец со стуком стали,
давайте жить на внутреннем запале!
Часы! Не торопитесь на покой!

СЕРДЦЕБРОЖЕНИЕ

Капельки пота – жемчужины страсти
в нежной ложбине овалов твоих.
Старое фото...новое счастье...
жизнь на чужбине...прощения миг...
Небо удач... невезения пропасть...
скорость падения...дальность вершин...
ветреность плача...смешливая робость...
легкость сомнения...вескость причин...
Свет – в отражение, явное – в тайное.
С пламенем – снег, ну, а осень – с весной.
Сердцеброжение вечно-случайное
даже во сне постоянно со мной.
В капельках пота – сияние тела,
в мягкости сладкой – упругость губ,
вечность охоты – в словах загорелых,
в горечи ада – страдание труб.
Эти моменты: то в меди оркестра,
то в тишине, то в дрожанье струны,
будто студенты второго семестра:
первой весне, как цветенье, нужны.
Все это – было, и все это – будет.
Будут признания, будут цветы..
Только не стыло бы таинство судеб
в час замерзания нашей мечты.

ПАМЯТНИК

«Тамбов на карте генеральной...»
означен центром для меня,
той точкой недоступно-дальней
отсчета завтрашнего дня.

Оттуда, из глухой деревни,
где был когда-то я рожден,
мне шепотом кричат деревья
и слышен колокольный звон.

Запахло ладаном прощанья
на склоне пробурливших лет,
не выполнены обещанья,
не дооставлен в жизни след...

Нельзя узнать травинку в поле,
но жизнь ее как не признать?
Пахучим сеном в суходоле
не суждено ей век лежать.

Она вольется непременно
в тот вечно-бесконечный круг,
в котором смерти и рожденья
переплетаются не вдруг...

В тот круг, где «я» не умирает
в частичках вновь рожденных «я»,
и сам собой определяет
«крутую» ценность бытия.

Идет другое поколение,
хоть в чем-то взяв у нас урок.
И памятником, а не тленьем,
восславится прожитый срок.

Мы – памятники виртуальной
реальности своих надежд,
в которых суть дороги дальней
неощутима для невежд.

Тамбовщина не просто рядом,
она во мне, она со мной,
к ней не дотягиваюсь взглядом,
ее не трогаю рукой.

Но вижу в снах свои Пенаты,
где я ни разу не бывал,
лишь только в Жердевке солдатом
когда присягу принимал.

Быть может, сбудется желанье
коснуться маминой земли
хоть раз один, хоть на прощанье,
чтоб памятники расцвели...

ПРОЩАЙ, ОКУДЖАВА!

Нет, его не спасли переулки седого Арбата.
Выдувают фанфары покойно-торжественный стон.
Вновь поют в облаках длинношеии наши ребята,
на другую войну улетаая на крыльях погон.

Пусть на фоне «Макдональдса» птичка теперь вылетает,
ощущение Пушкина память людская хранит.
Муза улиц московских стихами Булата мечтает,
под гитарные ритмы о будущем нам говорит.

Говорит нам о верности данному слову и делу,
чтобы за руки взявшись – во зле этих рук не скрутить.
И к московским проспектам прильнув, как к любимому телу,
все – что было, что стало,– для наших детей сохранить.

Он живет среди нас – неприкаянных и безнадеежных,
но с величием душ, не расплавленных в адских котлах.
Он поет о любви, но – так бережно, так осторожно,
будто чуда касаясь в нетленных цветах и словах.

Да, его не спасли закоулки родного Арбата,
и спасти не могли, ибо к храму дорога не там,
но найдется она, потому что услышим когда-то
слово истины вечной, доступной священным стихам.

ЖЕНЩИНАМ СРЕДНИХ ЛЕТ

А разве есть такие женщины,
что достигают средних лет?
Они – с бессмертием повенчаны,
в котором слова «время» – нет.

Они всегда по жизни – юные,
слегка седеют, пьют – чуть-чуть,
всегда кокетливо прищурены,
(и в этом их святая суть).

Они, конечно, соблазнительны,
немножко в талии полны,
с мужьями вежливо почтительны,
на людях им слегка верны.

Они мужей с терпеньем истовым
«с работы» до рассвета ждут,
свой караул бессменный выстояв,
им нужный завтрак подают.

Они всегда найти стараются
через желудок – путь к уму...,
А, может, к сердцу пробираются
сквозь пироги, шурпу, долму...

Они тревожат мир вопросами:
как дальше эта жизнь пойдет?
Ведь дети стали шибко взрослыми,
вот и прибавилось забот.

Они достойны понимания:
громоотводы дел мужских.
Букет цветов, чуть-чуть внимания,
чтоб юности кураж не стих.

Ей-Богу, есть такие женщины,
которым меньше средних лет.
Им жить столетия – завещано,
мужьям не застилая свет.

ОКТАБРЬСКАЯ ХЛЮПЛОСТЬ

Припорошена перхотью снежной
грязь, простывшая хладной порой,
по которой шагает неспешно
месяц ветрено-хлюпло-сырой.

В октябре замерзают желанья,
«Хэд энд шолдерс» поможет навряд...
Снег потери – зимы обещанье –
засыпает осенний наряд.

Вот и ты все грустней и тоскливей
застилаешь надежды постель...
В прошлом майский улыбчивый ливень,
отмывавший неясную цель.

Потому что слепляется время
в ярко-белый последний снежок,
от удара которого в темя
завершится промчавшийся срок.

В октябре стала колко-ранимой
наших чувств остывающих звень...
Пусть согреются руки любимой
без меня в солнце-завтрашний день!

ПОХОЛОДАЛО

Ну вот, опять похолодало...
Черемуха тут не при чем,
а просто от тепла устала
весна, зардевшись кумачом.

Не стоит начинать сначала
все то, что сбыться не могло.
Судьба слегка похолодала,
забыв минутное тепло.

Пусть ничего не обещало
что зябкий ветер засвистит.
В душе моей похолодало,
да и твоя душа грустит.

Уходят яхты от причала
в тревожно-белоснежных снах.
Вот и любовь похолодала
кривой усмешкой на устах.

Но отчего теплее стало?
Вскипает яро в жилах кровь.
Пускай вокруг похолодало –
тебя мой жар охватит вновь!

Ты улыбаться перестала?
Ну и напрасно. Все пройдет.
Жизнь лишь чуть-чуть похолодала,
не превратившись в вечный лед.

ЛЕСНОМУ КОРОЛЮ

Что пожелать лесному королю?
Быть, словно лес, могучим и здоровым,
листвой дышащим, постоянно новым,
всем жизнь вокруг раздаривать готовым?
Что пожелать лесному королю?

Что подарить лесному королю?
Скорей всего – из дерева творенье,
а, может, просто – чудное мгновенье,
или словесный жар стихотворенья?
Что подарить лесному королю?

Чем удивить лесного короля?
Ведь он, ко всем превратностям готовый,
учует в самогонке вкус медовый,
найдет в пельменях мяса вкус смесовый.
Чем удивить лесного короля?

Желаю долго жить, как долго лес живет!
Дарю стихов – сочувственные звуки,
своих друзей могущественных – руки!
И удивляю тем, что на поруки
беру всех тех, кто жить нам не дает!

Лесной король исполнен доброты.
Он знает, что горят на Солнце пятна.
Нельзя их потушить, слетав туда-обратно,
но время их потушит беззатратно...
А, значит, – ждем прихода Красоты.

МУЖЧИНАМ СРЕДНИХ ЛЕТ

Когда шутить не можется, в глазах чернеет свет,
душа кровит, изодранная в клочья,
тогда мудрей становится мужчина средних лет,
увидев в дне рожденья смертность ночи.

Когда уходит женщина в другой постельный бред,
подушку смяв и повод дав злословью,
тогда нежней становится мужчина средних лет,
встречаясь с обретенной вновь любовью.

Когда в работе долбаной появится просвет,
запахнет летом, солнцем и грибами,
то пацаном становится мужчина средних лет,
несущимся по косогору к маме.

Когда друзей предательство наносит делу вред,
и трещина зияет в братской кружке,
тогда бойцом становится мужчина средних лет,
державшим зло на справедливой мушке.

Когда друзей куражится застольный винегрет
в хмельном рюмкокружении бутылок,
тогда опять рождается мужчина средних лет,
показывая возрасту затылок.

СПАСИБО ЗА УРОК

Спасибо, друг, за твой урок,
который преподавал невольно,
когда до боли недовольный,
я ждал давно прошедший срок.

Конечно, нет пути назад,
когда в замызганных подсобках
мы вдоль стены стояли робко,
любой – куску любому рад.

То был несильный дефицит
колбас, любви, напитков, чести,
но не было программы «Вести»
и жизнью сверстанных обид.

Увидев Вену и Париж,
далекого Брюсселя крыши,
престиж друзей считаю выше,
чем отзыв мой на твой «Престиж».

Не обижайся на слова,
моя душа давно спокойна,
она остыла, как покойник,
не потому, что не права.

Быть может, хмель тому виной,
а, может, вечная усталость...
Прождав часов каких-то малость –
мороз почувствовать спиной.

И в предвкушении гурманства,
обжорством затуманить взгляд,
включив в столов своих убранство
мираж копченых поросят.

Ты прав, мой друг, важней дела,
чем обещанья наши будут!
Наполнив зелием посуду –
объединимся вокруг стола!

ЖЕНЩИНЫ

«А что для вас значит женщина?» –
спросили меня вы когда-то.
И я, совершенно ответственно
«Все!» – ответил тотчас.
Поскольку судьбой изменчивой
рождаются разные даты,
где женщины так естественно
всегда дополняют нас:
то плюсом своим, то минусом
удержат мужчин в равновесии
на грани бездонной пропасти,
в которую канет свет...
Навстречу любимым ринутся
желанно, легко и весело,
в порыве взаимоготовности
избавить любовь от бед.

А что для нас значат праздники
восьмыми журчащими мартами?
Ответа найти не сможется
в международной слов.
Как мысли, все женщины разные –
инертные и азартные,
но жизни витраж их сложится
из ярко-лихих кусков.
Поскольку они – любимые
весной, и цветами, и сказками,
а, прежде всего, мужчинами –
таков их святой удел.

Все женщины – неповторимые,
но сутью красиво-ласковой
становятся первопричинами
слияния душ и тел.

А, значит, не только веснами,
осенними днями и зимами,
и летней горячей душностью,
в скрещенье годов и годин:
путь женщин – лугами росными!
Суть женская – быть любимыми!
Боль женская – равнодушие!
А слава – любовь мужчин!
Пусть близится день почитания
величия женских возможностей,
в котором живет восхищение
непознанной тайной богинь!
Пусть вместе с бокалом признания
приходит на смену тревожности
весенней поры очищение,
да неба высокого синь!

МОНПАРНАС

На Монпарнасе дождь. Зонтом удачи
прикрыты лужи жизни в январе.
Париж спокоен. Так или иначе –
проходят дни... И небо тихо плачет,
скучая по забывшейся жаре.

Пусть палец небоскреба указывает
нелегкий путь к вершинам бытия!
Парижский вечер в памяти колдует,
в пожар рекламный зябко прошлым дует,
скользит старинной улицы змея.

По-мушкетерски все в плащах и шляпах,
кроваятся бордо и божоле,
о ноздри бьется свежих устриц запах...
Поет Париж, зажатый в нежных лапах,
с цыганской страстью – русское: налей!

На Монпарнасе дождь. Молчат креветки,
довольные витринностью ночей.
Да в ресторанно-зазеркальной клетке
склонился парень к тоненькой соседке,
шепча о безисходности своей.

И тело наливается любовью,
как губка напивается водой.
Кричу с друзьями гулко: «На здоровье!»
И Монпарнас, как прежде, молодой.

ЮБИЛЕЙНАЯ ПОГОДА

В Японии бурлит сезон дождей,
смывая джипы, «Хонды», «Мицубиси»,
вбивая в грязь беспомощных людей,
от чьих идей погода не зависит.

А мы почти в тропической жаре
пылая кожей – душами тускнеем,
от дуновенья ветра душно млеем
с мечтой о вьюжно-белом декабре.

Но юбилей приходит, не спросясь,
как свежее свободное дыханье...
И женщина, на прошлое косясь,
на новые нацелена свиданья.

В своей любви она всегда права!
Что ей погода, или непогода,
когда маячит впереди свобода,
которая важнее торжества?!

Бренчанье пенсионное рублей –
смешно, и даже противозаконно...
Пускай промчится этот юбилей,
ну а глаза на мир глядят влюбленно!

ЗИМА В ХОДУ

Впитав премудрость бытия,
летят тяжелые снежины
на чьи-то сонные машины,
стучат в окно, где ты и я.

В России – грустная зима:
тепло на улице и дома,
здесь подлость сырости знакома,
с ней так легко сойти с ума.

Идет бесчестная война
политиков и триллионов,
нет конституций, нет законов,
никто не знает, где страна...

Но безрассудству вопреки,
между друзьями водка льется,
а кровь лишь в тостах отзовется
словами боли и тоски.

Уйдут политики беды,
страна излечится от хвори,
огонь рябин на косогоре
испепелит войны следы.

Ну, а пока – зима в ходу,
снежины лепятся в пространство,
слепя людей, калеча транспорт, –
все, как и в будущем году.

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Оранжево-холодным пятак
спускалось солнце вплоть до горизонта,
явив себя от Тулы до Торонто,
питая облаков кроваво-красный ром
закатностью пылающего фронта.
Сражался с ночью день и уступал,
теряя вечно-солнечный накал...

Малиново-брусничная вуаль
прикрыла лес и все, что неба ниже,
и даже занавески кленов рыжих
светили вдоль дороги, а не вдаль,
лишь потому, что были к нам поближе.
Дороги серо-вытертый брезент
рождал шуршаньем аккомпанемент.

Звучала песнь закатного огня,
предвосхищая наступленье ночи,
в которой понапрасну зубы точат
весталки отгорающего дня,
пророчеством конца себя пороча.
Искала серость место под луной,
явившей миру тайный образ свой.

Вливаясь в черно-пламенный закат
сгущались годы в звездные скопления,
рождалось в миг другое поколенье!
С рождением – новых требуя затрат
на завтрашних пророков сотворенье.
И этот вечный кругооборот
един для всех, кто на Земле живет.

В незнании судьбы пробита брешь,
но сохраняют тайну понимания:
стихов забытых знаки препинания,
растроченной любви сияющая плешь,
дороги в никуда и без названия.
Так дай нам Бог, чтобы в конце пути
самих себя в делах своих найти!

* * *

Все равно: что разлука, что ссора.
Это – времени новый разрыв.
Это – миг в ожиданье повтора,
к новым встречам зовущий обрыв.

Ты за стенкой бетонного дома
сомневаешься в правде своей.
Знать, победа твоя невесома,
да и я не такой уж злодей.

На пороге весеннего чуда:
превращения в зелень седин –
я приду, как всегда, ниоткуда
в наше вечное завтра – один.

Что нам ссоры, разлуки, наветы,
непонятия бремя и страх?
Если души единством согреты
да весенний дурман в головах.

НОВЫЙ ГОД

На Новый Год капель
оплакивает снег,
оплакивает год,
ушедший в неизбежность,
в дождливую метель,
где еле слышен смех,
в людской водоворот,
в израненную нежность.

На Новый Год друзья,
усевшись за столом,
взметают выше крыш
шампанского шипучесть
под тосты за вокзал,
в котором мы живем,
с названьем странным: жизнь.
За то, чтоб было лучше!

Пускай телеэкран
до одури гремит,
внушая беспредел
политиков и певчих!
Пока в руке стакан,
мощней, чем динамит,
народ не оскудел
на пламенные речи.

В бассейне охладив
парилки вечный жар,
усядемся за стол,
традиции не руша.
Под песенный мотив,
в сердцах вспалив пожар,
восславим женский пол,
сплотивший наши души!

ПАСХА

В светлый день Воскресенья Христова
колокольный малиновый звон
воспевает величие Слова,
пробуждает возвратность времен.

Как и прежде, ванильная благодать
навевает надежду и грусть.
Коль от жизни немного осталось,
значит, смерти своей не боюсь.

Воскресения ждать не придется...
Вознесения? Только, куда ?...
Ведь недаром греховная вьется
в ветре жизни моя борода.

Колоколит по прошлому память,
небосвод просветленный горит,
надоело вздыматься и падать,
и не можетя плакать навзрыд.

Теплым днем, по-весеннему чистым,
благозвучно проходит апрель,
провожая улыбкой лучистой
старых листьев ненужную прель.

На торжественно-искренней ноте,
в благодатно-холодном огне,
нам гореть в каждодневной работе
и покоя не видеть во сне!

Только в этом – истоки бессмертья!
Здесь – раскрытые в вечность врата!
Вы в грядущее – просто поверьте!
И исчезнет вокруг пустота!

ОГОРОД

Пылали алым боком помидоры
среди зеленой свежести травы,
петрушка с сельдереем пели хором,
пред мясом не склоняя головы.

Дрожали капли на ажурных листьях,
разбрызгивая солнечность лучей...
Восторг природы отражался в лицах,
вливая в утро бодрости ручей.

Невидный подвиг овощеращения –
любовь или земной тяжелый труд?
В соседях пробуждая восхищенье,
назло прогнозам – овощи растут.

Растения – живое ощущение
всего их окружающего дня.
У них прошу совета и прощенья...
Даст Бог – и не забудут про меня.

Чтобы вокруг: в садах и огородах –
густела зелень, овощи – росли,
чтобы потомством наполнилась природа,
и аисты детей в дома несли.

ТЕЛЕПЕРЕДАЧА

Вот опять на экране заставка...
Просьба вслух: «Микрофон не включать!»
От софитов и жарко, и плавно,
тушь с ресниц начинает стекать.

Не поможет судьбе передачи
вздых бумажный важнейших цитат...
Суждено говорить наудачу,
сотворив из экспромтов салат.

Соль проблем и перчинки событий
по крупице добавив в него,
ты приблизишься к тайне открытия
собеседника своего.

И не жареный факт на второе
вечной уткой с небес упадет,
а воздвигнется новая Троя,
прибавляя героям хлопот.

Под прицелами видеокамер
в застеколье студийных громад –
ты от зла оградишься стихами,
даже выбранными наугад.

Позабыв о домашних заботах,
о зарплате на данный момент,
так мечтается, чтобы хоть кто-то
оторвался от видеолент.

Чтобы в душах поэтила лира,
превращая плевелы – в цветы,
вдохновенье прямого эфира –
в дуновение сверхчистоты.

Миг волнения да не осудится!
Посторонним несется вдогон
раздраженно: «Внимание в студии!» –
и – спокойно: «Включай микрофон!»

ДРУЗЬЯМ, КОТОРЫХ В ЭТОТ ДЕНЬ УВИДЕТЬ НЕ ПРИДЕТСЯ...

День медработника для нас –
всех праздников прелестней.
Его встречаем каждый раз
и шутками, и песней.
Жизнь в медицине – не халва,
к ней отношенье – скверное,
болит без пьянки голова
от всех проблем, наверное.
Не вдруг: «спасибо» – говорят,
не та у нас зарплата,
«верхи» не знают, что творят...
А мы живем, ребята!
Я с вами рад и быть, и пить,
и раздражаться хохотом...
Но... вынужден в Москву отбыть
по неотложным хлопотам.
Я знаю, что в пути – нельзя,
что – вред, что – очень жарко...
Но – тост за вас, мои друзья!
Чтоб не пустела чарка!

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Сегодня, как и много лет назад,
усевшись за столом, достойным восхищенья,
друг другу посвятив проникновенный взгляд,
мы ждем взаимности, участия и прощенья.

Наседки квохчущей заботу разделив
о завтрашней судьбе своих детей и внуков,
в гармонно-балалаечный мотив
вплетаем доброту непогрешимых звуков.

Пусть за столом колдует молодежь:
других времен – другое поколенье!
Но рядом с ними – ты опять живешь.
Они – твое святое воскресенье!

Здесь воздух по-русски духовит,
по-полтевски спокоен и участлив,
им пьян и сыт, он детство в нас хранит.
И, может, в этом проявилось счастье?

Хороший день. Прекрасные друзья.
Глоток свободы в нервотрепке быта.
И стоит жить! И плакаться нельзя,
пока простая радость не забыта.

Пока не зарастает Бежин луг,
пока дрожит от песен Колотовка,
пока ласкает землю вечный плуг,
а по траве скользит коса-литовка.

Над Снежедью костровый томный дым...
Уходит день, как жизнь, неповторимый.
Мы здесь в обнимку с вечностью сидим:
все – молоды, красивы и любимы.

ТРИ РАУНДА

Кто-то дал дорогу юбилеям.
Круглых дат крутая вертикаль
нас несет, а мы чуть-чуть болеем,
но, как прежде, зорко смотрим вдаль.

Можно челюсть сладить аппаратом,
можно спицу в душу провести,
только возраст нам не провести,
не купить мерцающим каратом.

Жизнь, как бокс: три раунда всего:
три этапа – юность, зрелость, старость,
синяки, одышка и усталость,
зал гудит, а рядом – никого...

Только где-то в середине боя,
шансов пятьдесят на пятьдесят,
но придет дыхание второе:
вдрогнут мышцы, прояснится взгляд.

И, танцуя, как Али Мохаммед,
снова в бой, не знаю только с кем,
подкрепляясь водкой и стихами –
в день другой, в котором нет проблем.

Жизнь, как бокс: по раундам скользя
в три этапа – юность, зрелость, старость,
дай нам Бог, чтоб не пришла усталость,
ну, а рядом – строились друзья!

Если в неизбежный час заката
оборвет нокаут жизни путь,
пусть найдется кто-то и когда-то
чтобы добрым словом помянуть!

СЛОВО «ДОМ» МУЖСКОГО РОДА?

Рождение – прерогатива женщины,
а мы все говорим: «родильный дом».
Мужчина упустил дела важнейшие,
но дом родильный встал в роду мужском.

Роддом рождался затяжными родами,
был переносен, в теле – перекося,
его подвалы явными уродами
на мир смотрели дырами без слез.

Кто с детства был достоин сострадания,
тот в зрелости не скоро сменит вид:
родившись в ягодичном предлежании,
дом не лицом на улицу глядит.

Но, на ходу справляясь с недоделками,
крепчая телом, набирая темп, –
не занимался он делами мелкими,
а брался за решение важных тем.

Взрывая хаос нынешнего времени,
осуществив в день завтрашний прорыв,
идеей всепознания стал беременный
мозг и душа роддома – коллектив.

«Наш дом – роддом» – девиз великой партии,
в которой каждый и отец, и мать,
и автор той великой мудрой Хартии
где золотом написано: «Рожать!»

Вам десять лет! Ваш юбилей вселенский!
Пушкой в столетьях славится трудом
не областной, не городской, а – женский,
глушанский негнибемый роддом!

10 ЛЕТ ГОРЕЧИ

Радиация безвкусна и бесчувственна.
Нет ни запаха... ни звука от струны...
Только солнце в тучу спряталось сочувственно,
только туча полетела вглубь страны.
Только листья облетели, обожженные,
только люди – умирают до сих пор,
позабывтые правительством и женами,
унося с собой надежду и укор...
Дождь стучал по крыше гейгеровским счетчиком,
нарушая глупь искусственных границ.
Костный мозг в Москве подсаживали летчикам,
поработавшим на высоте полета птиц.
Чернопамятная горечь не кончается,
не упрячется в бетонный саркофаг.
В назиданье человечеству качается
над полынью безысходно белый флаг...
Кто-то тщится получить из кассы Нобеля,
позабыв про им открытый динамит,
кто-то орден схлопотал, как крест Чернобыля,
став в мгновенье – на мгновенье знаменит.
Но трещит засветка пленки радиацией,
но ласкает гены пламенная гладь.
Час пробил. И надо постараться бы
в завтра из сегодня – не стрелять!

БРУДЕРШАФТ

Шампанятся слова, укутывая в тайну
шипящих пузырьков – свою чудную суть...
Наш братский тост возник неожиданно и случайно
с желанием одним: к губам твоим прильнуть.

Заштопана печаль. Подшита в том усталость.
Зашторено окно в нерадость бытия.
Один штормящий взгляд. Какая это малость!
Но это – выстрел в цель. И снова ранен я.

Шампунятся слова, забрызгивая пеной
неоднозначье встреч за дружеским столом.
Любовь – она, как день, наступит непременно,
но думаем с тобой – мы каждый о своем.

* * *

Художник наших тайных грез,
властитель светописи нежной,
в алмазах восхищенных слез
сверкнул лучом любви безбрежной.

Пусть меры нет у красоты,
но он ее сумел измерить,
в творения своей мечты
заставив искренне поверить.

Здесь настоящий «Аристон»
пленил, храня от суеверий.
За радость, за счастливый сон –
спасибо, Куприков Валерий!

ГОД БЫКА

Свежий воздух глотая на завтрак,
понимаем, как жизнь нелегка.
Только верим, что лучшее завтра
надвигается с Годом Быка!

Суд неправый корридой вершится.
Красный бык пусть поверит теперь,
что закланье его не свершится,
год пройдет без ненужных потерь.

Наши женщины будут стараться
нам наставить рога, но при том
ведь не стыдно быкам называться
даже крупнорогатым скотом.

Поутру просыпаясь с похмелья,
щуря бычий с прожилками глаз,
пусть мужчины умоются зельем –
и похмелье исчезнет тотчас!

Не почуяв в кармане получки,
пусть не корчится в гневе рука!
Значит бык задержался... на случке.
Это просто проделки быка!

У индусов говядины святость –
главный фактор, внедряющий пост.
За старинной традиции радость
(только в Индии) будет мой тост!

Ну, а мы по-русски роскошно
в Новый Год передвинем свой стол,
чтобы каждый все то, что возможно,
в невозможности нашей нашел!

Я желаю друзьям, чтоб сумели
взять судьбу, как быка за рога,
и с вершин запорошенных елей
добрым ветром сметались снега!

Чтобы истинно бычьим здоровьем
без стеснения гордиться могли,
а постыдным души малокровьем
не болели питомцы земли!

Бычье сердце огромным мотором
пусть прогонит уставшую кровь
по сосудам надежды, которым
суждено обеспечить любовь!

Сбросив каменной тягости бремя,
пусть взбурлится удачи река!
Пусть счастливое новое время
начинается с Годом Быка!

ЗВЕНИ, ЗВОНОК

Вот прозвучал звонок. О чем его трезвон?
Как столько лет – в минуту прозвенели?
Мне кажется, о том сигналил он,
что старт дается достиженью цели.

Наш вечный старт – стремление вперед,
в большую жизнь без всяких снисхождений,
где «госпожа Удача» нас не ждет.
Падений – больше. Меньше – восхождений.

Но он звенит, как колокол судьбы,
гранича временную бесконечность,
глашатаем классической борьбы
за соль познаний и за человечность.

Здесь каждый день – экзамен непростой:
жизнь не простит допущенной ошибки.
Постой, звонок! Хоть чуточку постой!
Дай нам запомнить школьные улыбки!

Глазами всех своих учителей
позволь взглянуть в самих себя постroje!
Дай нам понять их непомерный труд
и их любовь, которой нет дороже!

Неважно – кто, какой читал предмет...
Учитель – всеобъемлющее слово.
Он за руку выводит нас на свет,
который слепит жестко и сурово.

Гудит набатом школьный наш звонок,
он не последний, он скорее – первый.
А дальше – нескончаемый урок:
дела, цена которым – жизнь и нервы.

Звени, звонок! Трезвонь в урочный час!
Прощаемся с весельем бесшабашным!
Спасибо всем, кто близок был для нас,
кто сделал взрослый мир совсем не страшным!

ПОД ШОРОХ ЛИСТЬЕВ

Листья шепчут, шурша и витая
в голубом бесконечье небес.
Мир притих ... и до самого края
желтым пламенем светится лес.

У березы, объятай дурманом,
мы с тобой – две неясных мечты –
застываем в спокойствии странном,
собирая надежды цветы.

Нежность осени не утомляет,
а сияющий солнечный свет
согревая тела – усыпляет,
охраняя от всяческих бед.

Золотые кудряшки березы
рассыпают листов сладкозвон,
облака еле-еле белесы
навевают магический сон.

Дым костровый пророчит надежность,
унося безысходности бред...
Жарко-угольно тлеет возможность
быть с тобой до скончания лет.

НЕТ ВОПРОСОВ?

Не задаю вопроса: «Почему?»
Задача решена, ответ извечен:
кто виноват и должен кто кому,
как дальше быть... Вот только не пойму,
зачем в ночи потрескивают свечи,
грозя пожаром сердцу моему?

Быть не должно неведомых дорог
в той жизни, что покоем скрыта ложно,
а если затрубит старинный рог,
предвосхищая час больших тревог,
поможет ли тот разум осторожный,
который до сих пор меня берег?

Не задаю вопросов никаких
и никому... и ни за что на свете
нельзя узнать про бесконечный миг,
когда сомнений бумеранг настиг
мою тоску по сказочной планете,
захлопнув переплеты старых книг.

* * *

С шуршанием березовых волос
природа тихо переходит в осень:
желтеет лист, светлеет неба просинь,
цветут пруды, забылся сенокос.

В шептанье лет твой пламень не угас,
ты не уходишь в тусклое забвенье,
твои глаза, и бедра, и волненье –
весной любимы, будто в первый раз.

Настала, наконец, твоя пора:
вокруг все пахнет яблоком и медом,
тебя я поздравляю с новым годом,
в котором мы – с утра и до утра.

НА СМЕРТЬ БРОДСКОГО

Не хотел выбирать ни земли, ни погоста,
а прийти на Васильевский, как пилигрим,
в час последний, когда все так ясно и просто,
нет иллюзий, и мир остается больным.
Так хотелось ему убедиться в обратном,
только ложь бесконечная – вечно жива,
только солнце слепящее – в траурных пятнах,
только сутью двойной хороводят слова!
Хриплопение птиц, звездодрожие неба –
он дарил с удовольствием миру всему.
Ощущенье добра и надежности хлеба
было в дальности странной доступно ему.
Не хотел выбирать ни земли, ни погоста.
Кто же может решать: где его хоронить?
На великой судьбе нарастает короста
оскорблений, с которыми в будущем жить.
Одобрить Землю поэтам –
 можно, но дело не в этом.
Земля – она самоценна!
 Судьба – она самоцельна!
И наше неодобрение
 для судеб земли – удобрение.
Поэты – не умирают.
 Себя подарив живущим,
они в одночасье сгорают,
 светя впереди идущим!

ФЛАМЕНКО

В барабанности пола содрогаются стенки
от стаккато лихих каблучков.
Тайна жарких испанцев – это танец фламенко,
разрывающий ночи покров.

Вроде нашей цыганочки с южным акцентом:
до стирания дней и подошв.
Образ жизни, где нет ни песет и ни центов,
только пляски звенящая дрожь.

Это – дробь размышлений о чуде свиданий,
о причинности смеха и слез.
Это – стук в предысторию всех покаяний.
Это – черное пламя волос.

Андалузия пляшет. В полыхании юбок
чернострогие брюк как вопрос:
Где веселие наше? Где казацкое: «Любо!»?
Где ответы на мысли всерьез?

Вскинув пальцы как веер,
вздогнув бедрами страстно,
танцевала она, горяча,
про надежду и веру,
про любовью опасность,
каблуками, как сердцем, стуча!

СЕРЬГА ЛЮБВИ

Серьга любви утеряна
(прекрасной ночи след),
и ты твердишь уверенно,
что счастья в жизни нет.

Моя чудесноглазая
задумалась тотчас
о том, о чем ни разу я
не начинал рассказ.

Быть может, эта истина –
твоей печали свет,
но нежно и таинственно
смотрю мечте вослед.

Твои друзья старинные,
составив длинный ряд,
безмолвными картинами
на памяти висят.

Ты холодом и дерзостью
врубаешь ток в глазах,
а я с безумной ревностью
давлю на тормоза.

Моя влюбленность – искренна
(в такие-то года),
глаза стреляют искрами
в сплошное никуда...

Цветами ярко-бешено
окрасив в кровь строку,
свой пистолет повешу я
на праведном крюку.

Серьга твоя отыщется,
друзья тебя найдут...
Пусть осень ветром свищется,
а зимы – снегом бьют!

Взаимными упреками
судьбу не убедить.
Прожив всю жизнь с пороками –
святыми нам не быть!

Поверь, хоть на мгновение,
в противоречье дня.
Услышь мое прощение
и помяни меня!

* * *

Двадцать пять июлей отстучало,
только ты об этом не жалей!
Не наставший год – всегда начало,
а который сбылся – юбилей.

Двадцать пять июлей – это лето,
льющее огонь в весенний бред.
К жизни все готово, все согрето,
только вот еще чего-то нет...

Будет все! Какие ваши годы?
Есть друзья, коллеги, и мечты.
Дай вам Бог надежды и свободы
и неуходящей красоты!

ТОСТ

Мой тост за женское терпенье
дающее мужчинам быть
не омраченными сомнением,
а жить свободно и любить!

Мой тост за нежное касанье
(будь то любимый, иль лаваш),
за теста крепкого сминанье,
за ароматный вкусный фарш!

За сочность пирогов чудесных,
насытивших орду друзей,
не потерявших равновесья
под тостов праздничных елей.

Мой тост за дом, в котором шорох
открытых чувствуешь дверей,
где каждый гость, как близкий, дорог,
будь армянин он, иль еврей.

Святой Георгий дело знает,
пути прокладывая вдаль.
Он за столом! Он рядом с нами,
содружья закаляет сталь.

Ему послушная природа
взяла тайм-аут от зимы.
Стоит чудесная погода,
в которой растворились мы.

Мой тост за жизни вдохновенье!
За воплощение идей!
За женское (при нас) волненье
и за спокойствие детей!

Мой тост за искренность и честность!
Чтоб если быть – так навсегда!
За нашу общую известность,
в которой слава – ерунда!

За окружение заботой!
За излучение сердец!
За Богом данную субботу!
За эту встречу, наконец!

ИСКРЯТСЯ СНЕЖИНКИ

Искрятся снежинки, искрятся,
на белом снегу, как алмазы...
В их блеске мне видится, братцы,
что жизнь не случается сразу.

Живем, как и все, постепенно,
влюбляясь, дыша и страдая...
И, к черту седую степенность, –
мы в каждой снежинке рыдаем.

Сверкают снежинки, сверкают,
презрев новогодие ночи...
Глаза наших милых мерцают
и лучшее завтра пророчат.

Не сразу всхмеляется осень,
не сразу вскрывается тайна,
не вдруг забелеется озимь,
но счастье – приходит случайно...

Искрятся снежинки, искрятся...
Сверкают снежинки, сверкают...
Так хочется вечно влюбляться,
ведь милые – нас... забывают.

ЗАРОЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

В этом мире нет надежности,
и, как шарик надувной,
день несбывшейся возможности
проплывает над страной.

В нем тоска исповедальная
и жестокость наших дней,
и еще – дорога дальняя,
та, которой нет верней.

Если надо – для надежности
мы стоим – к спине спина.
Здесь не знают осторожности,
пьют судьбу свою до дна.

Все вокруг как в сказке – страшное,
но с друзьями – нипочем.
Вместе мы. И власть вчерашняя
не заманит калачом.

Здесь друзья упрячут в жесткости
сладострастие любви.
Бесхребтьем и бескостностью
в этом мире – не живи!

Первым марта начинается
зарождение весны.
Пусть зима надежд – покается
искуплением страны.

ТУЛА – МОСКВА – СТАМБУЛ

Зря стремился лайнер многоместный
затеряться в тучах невезенья.
Наш полет в неведение небесном
приближался к чуду приземленья.
Развевала чартерную скуку
дрожь колес на полосе посадки –
«К черту нашу горькую науку!
Турция – рахат лукумит сладкий».
Ох! Какое ледяное пиво!
Ах, какие жаркие турчанки
на краю босфорского пролива,
будто в дерзкой пляске «чунга-чанги».

Улочки далекого Стамбула,
старые, как сон Владикавказа,
бредом забакинского аула
в глушь свою заманивают сразу...
Торг традиционно беспредметный –
музыка туретчины в Европе.
Новотурки – времени примета,
и в Москве, и в заграничном «шопе».
Ох! Какое пенистое пиво!
Ах, какие нежные турчанки!
Злой водой босфорского пролива
слезно-прошлым кровоточат ранки...
«Бег» презревший – генерал Чарнота
в памятный навек Константинополь
внес России бесшабашной ноту,
ту, которой зазвучал Чернобыль...
Взвизгнула тоскливо циркулярка
за окном дешевого отеля...
Здесь и одному в постели жарко,
а с турчанкой – в пепел за неделю...

Ох! Какое слабенькое пиво!
Ах, какие крепкие турчанки!
Плеск воды босфорского пролива –
будто в пенной ванне куртизанки...

Тетивой натянутого лука
вздвогнул мост. И рождена дорога!
Не страшна расставшимся разлука
здесь, над бухтой Золотого Рога.
Мирно шел трамвайчик по Стамбулу,
словно по старинному Арбату,
не в Москву, Самару, или Тулу,
а вперед... и в прошлое куда-то...

Ох! Горчит затурканное пиво!
А турчанки – с головой закрыты!
И Босфор – лишь числится проливом,
а на деле – мокрое корыто...

Только сонно дунул ветер с моря,
освежая лживых слов кроссворды...
Русской речи по-турецки вторят
евразийско-томные аккорды.
Города, как в зеркале, похожи.
В них Макдональдс бал, похоже, правит.
Пусть всезнанье наше – не поможет,
но кривую жизнь чуть-чуть исправит!

Ох! Какое ждет нас в Туле пиво!
Ах, какие славные тульчанки!
Что Босфор? Ведь окские разливы –
это квас наутро после пьянки.

9 МАЯ

Синей птицей сказки Метерлинка
расстился утренний Босфор...
Начинался день в отеле «Инка»,
продолжался вечный разговор.

Море с сушей о судьбе шуршало,
русский с русским спорили о ней,
только колесо ее бежало
рядом, все быстрее и быстрее.

Из мгновений собирались годы,
а из них лепились в ком – века,
путались причины и исходы,
вспять кружила времени река...

Где найти ту сказочную птицу
ставшую синицей, но... ручной?
Если кто найдет, то что случится
с журавлем, почувшим покой?

Журавли витают в поднебесье...
Пусть кружат! Не будем их ловить.
Пусть курлычат сказочные песни,
без которых просто – не прожить!

Но сегодня сказку в быль упрятав,
днем Победы правды, а не лжи,
посвящаем этот тост солдатам,
кровью окропившим рубежи.

Выстрелы победного салюта
и Стамбулу, и Москве нужны.
Наступает истины минута
с памятью оконченной войны.

Пусть не забывается былое!
Пусть стаканов горечь бьется в звон!
Кто ушел – пусть видит сон покоя!
Только тем, кто жив – не снится он...

ОТВАЛЬНАЯ

Пусть мы всего четыре дня живем в Стамбуле,
но нам обычаи турецкие – ясны.
Мы для того, чтоб на базаре не надули,
учиться турконадувательству должны.

Вот это то, что называют «эдюкейшен»,
в «Хайате» выставка не учит нас уму –
ведь мы домой везем с собой пустые «кэши»,
не научившись у Стамбула ничему.

И потому нам отходняк совсем не страшен.
Испить отвальную – ну просто нипочем,
поскольку с вами есть затейники – два Саши,
а «эдюкейшен», извините, не при чем.

Поднимем тост, да так, чтоб турки задрожали
от наших сверхобразовательных услуг.
Что из того, что мы студентов не набрали?
Зато набратся можем в прах и даже в пух...

И не при чем Уфа, Тамбов, Москва, Самара.
И Таганрог здесь, извините, не при чем.
Тут россияне поддают... Стамбулу жару,
оставив чертов «эдюкейшен» на потом.

Поднимем тост за нашу женскую четверку
(зовут их дома по-турецки «севгелим»)
Им очень страшно у Европы на задворках
быть между турок без мужей своих – одним.

Конечно, есть у нас один... Он с «ней» приехал,
и, как нам кажется, уедет тоже с ней.
В мечтах было им, конечно, не до смеха,
но так естественно, что в паре – веселей.

Даешь отвальную! Простую, как селедка,
которой в Турции, конечно, не сыскать,
как не найти бутылок восемь «Рашен водка»...
К вину придется понемногу привыкать.

Сегодня праздник – день святой турецкой мамы,
которой имя, как ни странно, Ататюрк...
День матерей, детьми любимых... самых – самых...
И тут не важно, кто ты – русский, или тюрк.

Даешь отвальную! Поднимем вверх бокалы!
Опустошим до дна, как пьет родной народ!
Пусть нашей дружбе никогда не будет мало,
и полный, сами понимаете, вперед!

БОЛОТНИКОВ ПЕРЕУЛОК

Болотников переулок. Третий дом.
Свет хрусталится за окном.
Гости ушли. Стол накрыт.
Женщина молча с бокалом сидит.

Что говорить, если старая грусть
знает слова и дела наизусть?
Был папа... и тетя, сестра и друзья...
Без них – возможно. Без них – нельзя...

Другие люди приходят в дом,
другие песни поются в нем.
Осталась сестра далеко-далеко,
без нее и тяжело, и все же – легко.

Судьбу избрала... Мужчина... Он...
С хитростью взгляд. Аккордеон.
Странноприимностью жизнь полна.
Жаль, что в бокале обида одна.

Все виноваты! А кто виноват,
в том, что у смерти белый наряд?
Просто приходит и в вечность берет...
Знать бы, где очередь, кто – вперед?

Стонет Подьячее. Стынет Упа.
Вглубь желтосвечья декабрь упал.
Днями рожденья теперь – тишина...
Может быть к ним прикипела она?

Болотников переулок. Третий дом.
Темень, хрустящая за окном.
Воют собаки. Город спит.
Женщина с болью в обнимку сидит...

В ЛИФТЕ

Пакет, два огурца, пластмассовый стаканчик –
в кабине лифтовой стояли в уголке.

Никто ни у кого чтоб ничего не кланчил,
и было чем заесть и что зажать в руке.

Наш человек всегда в сосиску пьян бывает,
но помнит хорошо про выпить, закусить.
Пусть Новый Год прошел, но каждый русский знает
как тяжело стране в похмелье тяжком жить.

И тем, которых нет на этом грустном свете,
накрыт бывает стол, пускай на бугорке.
И тем, кто «за бугром» в чужом для нас рассвете,
знаком известный тост: «За тех, кто вдалеке!»

Нет, русская душа и жадность – несовместны!
Последний огурец, но делим пополам
с тем, кто совсем чужой, и в месте неуместном,
под самый нежный тост: «За наших милых дам!»

В КАФЕ

В отпуск не уйдешь от бесконечности
полного решения проблем,
где пока на месте – значит, в вечности,
а уходишь – значит, насовсем.

Посидишь, обнявшись с рюмкой нежности,
тут, конечно, водка не возьмет.
И без всякой умственной поспешности
бросишь в чарку для озноба лед.

Уравняв поспешно дозу горькую –
мудротостья ливанешь елей,
отольешь вина на хлеба корковость,
помянуть исчезнувших друзей.

Не слабо на скатерти и в баре
расплескать похмельную любовь,
задохнуться в ветреном угаре,
лишь бы повело налево бровь!

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Мы ждем конца голосования,
как будто светопрествления,
и в лихорадке ожидания
теряем нервы, пот и кровь.

А в небесах – светло сияние,
в решенье высшем нет сомнения,
а, значит, в центре мироздания
царит по-прежнему любовь.

Пускай бокалов сладкозвучие
аккомпанирует тостующим,
да по традиции неписаной
пьют и за тех, которых нет.

Пусть все надеются на лучшее!
И, даже – против голосующим –
мы пожелаем вечной истины,
а нам – здоровья и побед!

АЗБУКА БОЛИ

Дробится струйка слов неслышных
сквозь решето реальных дыр
на буквословье капель лишних,
которыми насыщен мир.
И эти капли, как в ненастье,
стучат по темени... и вне...
определяя те напасти,
что рушат камни не во сне.

Ступая по стеклянным иглам,
питая болью каждый шаг,
не только тело стало рыхлым,
но и душе объявлен шах.
Еще вчера был с миром дружен,
в застолье – царь, в работе – зверь.
Больной – ты никому не нужен:
забытый хлам в чреде потерь.

Все реже трели телефона
звучат в кладбищенской тиши,
где только боль глухого стона
убийственность свою вершит.
К чему-то всхлип «Бесаме мучо»,
Луи Армстронга трубный плач...
Быть может, раньше – было лучше,
хотя и не было удач?

Удача что? Как боль проходит,
чтобы вернуться насовсем,
хотя за возвращенье, вроде,
ты не обязан ей ничем.
Сам не ценил покой здоровья,
пока не чувствовал его,
но ощутил отмщенье кровью
в преддверье краха своего.

Боль, наконец, тебя достала!
Кричи! Беги хоть к палачу,
хоть к рельсам мокрого вокзала.
Все это – слабым по плечу.
Но даже в самой жуткой боли
есть капли чистой белизна:
надежды, веры, жизни, что ли?
Одно лишь точно – есть Она.

Пусть жар небес испепеляет,
или всю – сезон дождей,
но женщина нас исцеляет
одной лишь сущностью своей.
Закономерна тяга капель
сливаться в ходе бытия
в единый многожильный кабель,
где слов бодрящая струя
возобновляется бесменно,
уводит боль, приносит сон,
а пробужденье непременно
приводит чувства в унисон.
И снова слов конгломераты
просыпаются сквозь дыры сит...
Лишь буква – мысли акробатка –
на нерве лопнувшем висит...

ГОДЫ, ЧУВСТВА, ПЕСНИ

Наши годы не те, что изжиты,
а те, что еще не настали.
И возрасту нет границы,
когда впереди – весна.
В единую книгу сшиты
страницы любви и печали,
мечтаний крылатые птицы,
причуды глубокого сна.

Наши чувства не те, что внешни,
а те, что внутри кровотока,
в зигзагах нестройности мыслей,
в духовности вер и надежд,
в гипнозе погоды вешней,
не знающей меры и срока,
покуда глаза не прокисли
от кислого взора невежд.

Наши песни не те, что спеты,
а те, что звучат в бессоньи,
крепчая седым морозом,
расплавившись в струях жары,
шепча в тишине рассветов,
срываясь на крик в погонях,
сплетаясь с шипастостью розы
в орнаменте вечной игры.

ДЕД

«А ты какого... лезешь, дед?» –
вскричала бабка на пригорке...
Застрял во рту немой ответ
и стало горше горькой корки.
Взбледнул от пота мокрый лоб,
в ногах – расслабленность походки,
звонит в ушах команда: «Стоп!» –
слабеет пульс, как после водки...
Ну да, формально – дед как дед –
есть внуки, лысина и грузность.
Но дедом быть!? Какой-то бред,
сдавивший сердце тяжким грузом.
Ведь бабка – старше лет на сто –
меня за древнего признала!
Когда я шел пешком под стол,
она по мужикам страдала,
и поднимала юбки край,
как бы нечаянно у лужи,
в хмельную ночь дарила рай
не одному чужому мужу...
А тут... – чуть-чуть за пятьдесят,
глаза всю косят на ножки,
все члены бешено хотят
кому-нибудь наставить рожки...
И, вдруг, как выстрел, слово – «дед»
с ехидным – «Ты какого ... лезешь?»
Рубцом на сердце грубый след
и дыбом «волосы» на плечи...
Стою столбом. От бабки нет
нелегкой памяти в помине,
льет солнце черно-бурый свет,
желаний жар в морозе стынет...
«А ты какого...?» Я – такой!
Как лазил – так и буду лазить!
И буду вечно молодой
любить, творить и безобразить!...

ИЮЛЬ

Запах сена пряно-пьяный
кружит голову мою.
Гром бы, что ли с неба грянул
под дождливую струю?

Нет ни облака, ни ветра,
только пыльная жара
обещает, что с рассветом
будет лучше, чем вчера.
Но полуденное пекло
обливает кипятком
и стекает пот по векам,
собираясь в слезный ком.
Солнце жарко припекает,
пробивая неба кров:
то клубнику приласкает,
то раскрасит вишню в кровь.
Изначалие июля,
как клубничное желе.
Комары – и те уснули,
непривычные к жаре.
Буйных трав зеленоморе
всем желает доказать,
что у лета, как у моря
луч зеленый стоит ждать!

Только жаль, что наши травы
дали волю сорнякам...
Чужетравия орава
отравляет душу нам.

ВЫВОДЫ

Неважно кто кого назвал,
 чьим именем и как,
и что неслышно прошептал,
 рассеяв ночи мрак.
Припомни миг, когда в словах
 теряется контроль,
когда купаешься в цветах
 и не играешь роль!

Когда привычки изменять
 приходится порой –
нельзя ошибки замечать,
 ведь слово – звук пустой.
В слиянье тел, дыханий, дел,
 в рождении любви, –
царит счастливый беспредел.
 Ты в нем пока живи!

Иди навстречу, а не вспять!
 Пытаться стать главной,
односторонне освещать
 себя среди друзей –
не стоит никому из нас,
 прядя двойную нить.
Разбив на части каждый час –
 его не возродить!

А что иначе? Пустота...
 привычной жизни течь,
уйдет внезапности мечта,
 которой не сберечь.
Ошибки будем повторять,
 внезапно согрешив,
зазя друг друга укорять
 бесчувствием души...

Что было – перелицевать
не сможем без венца,
но незаметно все прощать –
придется до конца!
Пускай зимой царит жара
на перекрестье нас,
а ожидания пора –
сожмется хоть на час!

ПОПЛАЧЕМ!

Наших грешных мыслей укрощение
вряд ли в эти дни произойдет...
Мокрый снег случился на Крещение,
без мороза – растопился лед.

У погоды ритмика разлажена,
перебои в сердце и уме,
теплой водкой заструилась скважина,
Президент опять ни бе, ни ме...

Не дожидаться нам Богоявления,
потому что суете пустой
ни границ не видно, ни прощения,
в Иордани – прошлого настой.

Но крестом Крещенья осененные
смогут освятиться те из нас,
кто как дети, ни во что влюбленные,
это «что-то» выплачут из глаз.

ПОД БЕРЕЗОЮ, ПОД ОСИНОЮ

Раньше нравились всегда подберезовики,
а теперь, как никогда, подосиновики...
Ну и пусть, что под березой мысли розовые,
а под зеленью осины – ветры синие.

Не петля мне под осиною завещана,
не ожоги солнца ярого и жгучего,
просто – снится удивительная женщина,
и не надо мне ни большего, ни лучшего.

Просто то, что уготовано, то сбудется.
Просто ветром шевелится вспых черемухи,
от которой по весне желанья студятся,
а по осени вскипают зачарованно.

Небо глыбится граничными провалами,
их измерить не удастся, коль захочется –
мы идем по бездорожью перевалами,
за которыми сбываются пророчества.

Я люблю тебя, мой друг, подберезовик!
И тебя, мой корешок, подосиновик!
Вижу милое лицо под березою,
слышу нежные слова под осиною...

И хожу женатый я, да не венчанный,
по траве дождем умытой до зелености.
И держу в руках непознанную женщину
несравнимую по уровню влюбленности.

СЕДИНА И БЕС

Седина стремится в бороду,
бес торопится в ребро...
Мы с тобой бредем по городу
в пьяном посвисте ветров.

Здесь друзьям не в жилу исповедь,
здесь стаканы – до краев,
томный день плывет над избами,
как спасительный покров.

Задувает свеч волнение
свежий ветер наших встреч,
ни к чему твое сомнение –
мы любовь хотим сберечь.

Это только с ходу кажется,
будто жизнь всегда легка,
ведь единство наше вяжется
дуновеньем ветерка.

Возрожденные свидания
перепутанности ног
воплощаются в создании
новых мыслей и тревог.

Седина пометит бороду,
бес ребро свое отдаст,
ну, а музыка – аккордами
растревожит грешных нас.

СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ

*«Стихи не пишутся – случаются»
А. Вознесенский*

Случились, да не написались
мои заглавные стихи,
которые клинком вонзались,
вскрывая старые грехи.

Случились. Значит, есть закваска
недослучившимся стихам,
а в них пока – бесцветья краска,
и вместо строк – словесный хлам...

Кирпичесловье не сложилось,
упрятав что-то там внутри,
хоть мы смеялись, пели, злились,
влюблялись, черт нас побери!

Снег наметало в изголовье
пушистой шапкой декабря.
И пропивали мы здоровье –
с друзьями, значит, не зазя!

Нам торопиться не пристало
улечься в вечности кровать.
Морозным утром солнце встало
и есть кому и что писать!

БЕРЕЗА И КУСТ

Судьбой изогнутое тело –
березы полосатый ствол,
и желтолистье облетело,
и голость веток, как укор...

Но под березой куст зеленый
не тронул холод октября,
поток дождя слезой соленой
кору пропитывает зря.

Накапливает силу роста
природа в кольцах годовых,
и куст невозмутимо просто
с березой делит каждый миг.

Пускай законом отрицанья
их не пугает смена вех –
тоскливой осени прощанье
весенний породит успех.

Вот так и мы – то умираем,
то вновь рождаемся не те,
цикличность жизни подтверждаем
и приближаемся к черте...

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Снежно-белая пена на зелени
прикрывает сентябрьскую дрожь,
вечной жижей тропинки застелены,
на полях не доубрана рожь...

Стылым ветром судьба перемешана
у дождин и слезин вперехлест,
в грязных лужах дорога изъезжена
на заведомо скучный погост.

Далека от привычной багровости
лесоклочья пятнистая сыпь,
междурядьями вспаханной кротости
разлинована черная зыбь.

Вздрагнет пес холодея под шкурой,
свистнет нос сквозь замерзшую нить...
Ход зимы – только белой фигурой,
но победному маршу не быть!

Я ПРОСИТЬ ПРОЩЕНИЯ НЕ СТАНУ!

Я просить прощения не стану,
как бы ни хотелось это сделать!
Не виновен! И – не перестану
целовать твое родное тело.

Я просить прощения не буду,
слов пустых рождая сожаленье,
потому что ветром ниоткуда
надувает легкое сомненье!

Я просить прощения не должен,
зная обоюдовиноватость!
Ты мою опутываешь кожу –
нитью, обрекающей на святость.

Я прошу прощения за руки,
ласками рождающие нежность!
За такие редкие разлуки,
за хмельную радостную грешность!

Я прошу прощения за встречи,
за свиданий наших постоянство!
За безумно-искренние речи,
за души прекрасное убранство!

Я прошу прощенья за надежду,
ту, которой вдруг не оказалось!
За меня, бездумного невежду,
при котором только боль осталась!

Я прошу...Но я просить не стану,
так как нет для этого причины!
А травить зияющие раны –
дело, недостойное мужчины.

ТАНГО

Нежной музыкой наши печали
зазывали в придуманный рай,
о котором с тобой мы мечтали,
заступая за юности край.

Лепестки тихих слов задрожали...
Ты сама их, шутя, оборви!
Мокрой осенью мы станцевали
танго юной, прошедшей любви.

Слышим снова неслышные звуки,
видим темень встревоженных глаз,
и друг в друга впиваются руки,
и родное вселяется в нас.

Лепестки на ромашке, как прежде.
Их срывая, душой не криви!
По весне мы танцуем с надеждой
танго нашей неясной любви.

Только счастье недолгое это
постепенно рассеется в ночь,
у которой не будет ответа
и не будет желанья помочь.

Лепестки облетают от ветра,
их не будет, лови – не лови.
Зимней снежности будет ответом
танго новой, последней любви.

Лето жизни испить не успели,
только память немного хмелит,
да молчат новогодние ели,
да в бокалах разлука кипит.

К лепесткам недоступных ромашек
для гаданья меня позови.
И тогда будет слышаться наше
танго вечной, надежной любви.

ВЕТРА СВИСТ

Трубит низкочастотно ветер,
вселяя воем вечный страх
перед обидами наветов,
перед ущельями в горах,
перед погоней в снах тревожных,
перед позором слов пустых,
перед враньем кумиров ложных,
перед неверием святых,
перед предательством любимых,
перед продажностью властей,
перед венком успехов мнимых,
перед убожеством идей...
Неоднозначны страх и трусость,
но ветер давит и свистит,
а, значит, есть в потоке узость,
что, звук рождая – нам грозит...

ЧТО СТАНЕТ?

Станет каждая встреча укором
несвершившимся дням и ночам,
недолюбленным веснам, которым
не пришлось разонравиться нам.

Станут дни протяженностью в годы,
а свидания – вспышкой минут.
Будем мы дожидаться свободы,
той, которой до вечности ждуг.

Станет солнце чернее, чем сажа,
и провалится время в дыру,
но, увы, не найдется пропажа,
дорогая, как плащ на ветру.

Теплоту понимания станем
мы считать недоступной уму,
страстью тела напрасно восстанем,
без души это все ни к чему...

Этот год, без сомнения, станет
валерьянкой для наших сердец...
Продолжается медленный танец,
приближается верный конец...

НОВОГОДНЕЕ

Друг про друга, друг мой грешный,
знаем – много, знаем – долго,
знаем – мало, знаем – нежно,
знаем – смехом, знаем – строго.

В Новый год идти пристало
только с верой и любовью,
чтобы счастье наметало
снежным ветром – к изголовью.
Чтобы виделось, как прежде,
и глаза в глаза горели,
чтобы, верные надежде,
наши мысли не старели!

Чтоб тигриным тихим шагом
(при увесистой фигуре)
я гулял бы падишахом
меж глазастых райских гурий.
В полосатой тигра шкуре –
видел дни и видел ночи...
Но – во сне, а не в натуре
(чтоб ругалась ты не очень...)

А тебе – пусть удастся
быть по-прежнему красивой,
и мужчину, коль придется
выбирать, – так кирасира.
Чтобы весом был он в центнер,
(с волосами, нет, – не важно),
с бородой и без акцента,
в общем – тигр, но не бумажный.

Что там модные ботинки?
Платья, шубы, бусы света?
Ты – всегда, как на картинке,
даже если сбросишь это...
И в унтах, и набосу, –
ты теплей, чем Куросио...
Светлой краской я рисую:
у красивых – все красиво!

Друг про друга, друг мой нежный,
знаем – сладко, знаем – чисто,
знаем – горько, знаем – грешно,
знаем вечно и лучисто....

* * *

Везувий снова погружен в покой,
залит пожар страстей бурлящей лавой...
Он не утих, но мир теперь иной:
без радости, без нежности, без славы.

Другой вулкан прокашлялся в зенит
фильтруя пепел облачным ватином.
Свои слова он в небеса твердит,
окутывая женщин никотином.

Сменять друг друга – видно суждено
вулканам, людям, в их предназначеньи.
И – полыхать, иного не дано,
своим незатухающим свеченьем!

ВЕЗУВИЙ

Небо застелили тучи пепла...
гул басбóвый над Землей повис.
Красно-черным полыхнуло пекло,
жаром опаляя верх и низ...
Рухнула великая Помпея,
отпечатав в лаве облака.
Изверженьем сплавлена камея
предостереженья на века.
Не тревожьте заспанный Везувий!
Не будите чувств его накал!
Видите – он бровь опять насупил!
Слышите – опять загрохотал!
Кратер не наполнится слезами,
потому что будет новый взрыв.
Люди в бедах виноваты сами,
устремляясь к небу на прорыв.
Смесь воды с огнем взбелится паром,
превратится в уголь нежность тел,
и вселенским гибельным пожаром
озарится новый беспредел...
Не найти потухшего вулкана!
Таковым он может только слыть.
Ветеранство – участь великана,
но не суждено ему – не быть!
Пики мыслей приукрыты ленью,
а под ними – дел солнцеворот,
и страстей кипящему бурленью
пламенный готовится проход.
Океана бесполезна сила
в обуздании мощности огня.
Просто лава временно застыла,
изверженья под собой храня.
Мы с тобой везувие-вулканны,
огнесловьем вечности полны,
в этом мире отношений странных
затухать, ей-Богу, не должны!

ЖИТЬ НЕ СПЕШИ!

Это злато-багряное прошлое
листопадом развейных лет –
вдруг приходит, как сказка хорошая
в нашей жизни сегодняшней бред.

Не сочтешь сколько всплыло и минуло
жарких лет и неумных вождей.
Все прошло. Вот и осень раскинула
паутину шуршащих дождей.

А мальчишки – взрослеют в мгновения,
а морщинки – все резче у глаз...
Только ты всепогодно-весенняя
заражаешь активностью нас.

То в деревне, то в доме стараешься
завершить несвершаемость дел,
вот поэтому ты – не состаришься,
женский возраст – всегда беспредел.

Пусть года опадают немеренно,
лишь бы было чему опадать!
Будь в счастливом грядущем уверена:
где друзья – там всегда благодать!

Будь здоровой, любимой, богатой!
Сохрани всеобъемность души!
Не при чем дней рождения даты.
Будь счастливой, и жить – не спеши!

АВАРИЯ ЧУВСТВ

И не только машина
бывает в гармошку разбита...
Хмелечувствье удачи
и то превращается в хлам.
У разбитого временем
и нелюбовью корыта
златорыбьих подачек
не будет отпущено нам.

Кто-то едет в Тамбов,
кто-то ищет дороги иные,
а кого-то нашел
отдыхательной лени сезон.
Обезлюдел Париж,
где мелькают «Рено» вороные,
а по Туле прошел
опустевший трамвайный вагон.

Отскрипела струна
расщепившейся надвое скрипки,
томный хрип саксофона
куда-то, дурманя, зовет.
Джиоконда застыла
в отчаянно-хитрой улыбке,
бессловесием стона
бесславный приветствуя взлет.

Вот ударило в грудь
и внезапно заклинило дверцы,
треск стекла и металла...
капкан боевых тормозов...
Но в аварии чувств
ни на йоту не дрогнуло сердце,
может, просто устало
от всепоглощающих слов.

Значит это – судьба
зубоскрежетом, слезопотоком
захлестнула привычный
из кубиков сложенный быт.
Значит Новый Завет
будет завтра восславлен пророком,
только верю в обычай,
что Старый – не будет забыт.

Пусть фальшивят слова,
только губы отыскивать будут
встречный поиск расслабленных,
ждущих слияния уст.
Память скомканных лет
и загадочность древнего Будды
не согреет раздавленных
в этой аварии чувств.

Но надежда шуршит
по асфальту изъезженных буден,
«Будет все хорошо!» –
заклинание слышится вновь.
Каждый новый виток
в этом мире – всегда безрассуден.
Летний дождик прошел
и опять прорастает любовь.

НАСЛЕДИЕ

В детстве зарождается наследие
и оно всегда по жизни с нами:
юность – с совращенными миледями,
старость – с развращенными б...дями.

Жили мы с отвагой д'артаньяновой,
честности атосовой верны,
по-портосски были в стельку пьяные,
арамисской нежностью полны.

Наши немудреные Констанции
(королевам вовсе не родня)
завлекали верностью и танцами,
в обрученье дальнее маня.

Ну, а мы – сражались Дон-Кихотами
с ветряками самых разных дел,
лезли в горы, парились субботами,
пробивались с боем в запредел.

Но вершины бело-недоступные
на закате – так же далеки...
Как пути в небытие запутаны
тропы на большие ледники.

Детством порожденное наследие –
нашими исправится руками.
Жизнь – она констанцие-миледева!
Главное – самим не быть б...дями!

ВЕСНА

Бурление мартовской стихии
рождает новые стихи:
по-женски ветрено-нагие
в боа изящной чепухи.

Скольжение рифм по гололеду
упрется в таяние снегов,
и, невзирая на погоду,
схлестнутся ритмы нежных слов.

Забыв на миг противоречья
в объятьях сплавятся слова,
сплетутся мысли, бедра, плечи
в порыве встречи естества.

Прильнув к источнику единства
услышим звонкую капель,
журчанье струй, шептанье листьев,
увидим постиженья цель.

Но все мелькнет, как грусть девицы:
растает год... отхлынет век...
И наши скомканые лица
солятся в воду вечных рек.

Мужское женопочитанье
в день наступления весны
пробудит встречное желанье –
быть воплощеньем новизны.

И, сохранив соощущенье,
весной откроем новый год,
в котором женское смущенье
нежданой тайной предстает.

ИЛИ – ИЛИ...

Вопрос извечный: «Или – или?»
Так неохота выбирать
между судьбой, где нас любили,
и той, где только лишь кровать...

И то, и то – всегда приятно,
но только рядом, без грызни!
В мозгу и на постели пятна –
и все же разные они.

В коре (которая осталась)
есть доминантности очаг,
и ты напрасно исстаралась,
чтобы стереть последний шаг.

Мозги запятнаны тобою,
тут не помогут «МИФ» и «ТАЙД»!
Вот только если головою –
на гильотину – и «Ол-райт!»

Ну, а про то, что на постели, –
не будем громко говорить.
Все потому, что не успели
последние грехи замыть.

Кровать, бедняжка, много знает,
ей виделось немало поз,
и этим просто завлекает
в жару, распутицу, мороз...

Зачем нам выбор: «Или – или?»
Любовь помножим на кровать!
Когда друг друга полюбили,
к чему чего-то выбирать?

ОЗАРЕНИЕ СЛОВ

Вот и все... Наше лето преставилось!
Впереди то дожди, то пурга.
Осень хлопает мокрыми ставнями
по любви, как по телу врага.

Рябь струит по реке, ветром вздутая...
От жары не осталось следа.
Туча стылая с дождиком спутана
и повенчана с ним навсегда.

Ковыляет собака блохастая
по тропинке, ведущей домой...
Сиплый ветер безудержно хвастает
неминуемой встречей с тобой...

Только жаркое солнцетворение
пробивает набухший покров.
Значит, снова придет озарение
новым смыслом пропитанных слов!

ГАДАНИЕ

Гадай, гадалка! Да!
Не угадаешь, нет!
Найдет меня тоска
на шоколаде гуще.
Нежданая беда –
единственный ответ
в молчанье диких скал,
где боги – всемогущи.

Обманчива любовь,
лжепамятны слова,
ласкающую сеть
сплетают обещанья...
На перепутье вновь
растет разрыв-трава,
да полыхает светь
последнего прощанья.

Мерцают миражи
немыслимых побед,
неведомых путей
блестит невероятье,
где истина кружит
и оставляют след
не лучших новостей
неясные проклятья.

Не говори мне: «Нет!»
Скажи, цыганка: «Да!»
Твоим словам, прости,
я верю и не верю.
Реален только бред
прощального стыда,
в который не уйти,
не хлопнув громко дверью.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Горит огонь неясной встречи,
седое пламя все синей...
Зима – любовь морозом лечит,
но мы болеем вместе с ней.

Друзья уехали кататься,
а мы с тобой – как в первый раз
друг другом будем любоваться,
пока судьба ласкает нас.

Побыть вдвоем – такое счастье!
Спасибо, милые друзья!
Утихнут бури и ненастья
и снова с вами буду я.

Не кориандровое чудо,
не монастырское вино,
а наважденье ниоткуда
испить хмельное суждено.

АБРЕК

Шоколадно-курчавый,
глазами – кофейными зернами –
смотришь ты на меня,
мокрым носом ладонь окропив.
Ты не сможешь речами,
до приторной рвоты притворными,
портить красочность дня
и уродовать нежный мотив.

Вслух глаза говорят,
и не надо ни воя, ни лая,
и плевать на погоду,
невзгоды, суму и тюрьму!
Твой доверчивый взгляд
и улыбка собачье-незлая
зывают в природу,
где слов частокол ни к чему.

ГОРИТ СУШНЯК

Трещал огонь и вспыхивал от боли
сушняк весенний на земле сухой.
Покрылось черным пеплом наше поле,
оставив стог, не тронутый тобой.

Шуршащий пламень стих, обняв дорогу,
остановился времени разбег...
Вулкан спалил Помпею-недотрогу,
а стог печальной участи избег.

Пылающего жара не хватило,
чтобы неясность мыслей охватить...
В пожаре чувств сгорело все, что было,
но глыбу льда не смог он растопить.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЯЙЦА

Уж если яйца размягчились –
не укрепит их «Бленд-а-мед».
События уже случились
и это – их обычный след.

Стучи по яйцам, жми иль тискай –
упругость только в кулаке.
Но, помни, это – не редиска,
а Божий дар зажат в руке.

Яйцо разбитое – источник
происхожденья наших сил.
Народ сынов своих и дочек
с яичницей наколбасил.

В яйце – все тайны мирозданья,
от этих тайн я опупел:
ведь от зачатья до сознанья –
все единится в скорлупе.

Здесь ни к чему флуористаты
и кальциевых крепость стен.
Яйцеголовые солдаты
все в этом мире взяли в плен.

То диетически отличны,
а то крутые в трудный час...
Есть в этих яйцах неприличность,
напоминающая нас.

КРУ

В октябре по воле власти
в нашем доме – страшный суд:
расчленяется на части
беспокойный институт.

Все, конечно, понимают
эту странную игру,
но любой из нас желает
выдержать атаки КРУ!

Оприходуем картины,
синвентарим номера.
Академики – кретины.
Им наука – как игра.

Дорогие ревизоры!
Нам бы с вами есть икру,
ну, а мы – считаем шторы
под хрустящим знаком КРУ.

Проверяем отработку,
кто, чего, когда и как...
И зачем достал за водку
для работы стол – чужак?

В свете новых технологий
вьются флаги на ветру...
Не страшны пути-дороги,
но чуть-чуть боимся КРУ.

Хорошо – конечно плохо,
потому что – хорошо.
Как же так? Никто не охал
и чего-то там нашел...

Тайны светозарожденья
нам открыты поутру.
Почему ни на мгновенье
не открылось сердце КРУ?

Пьем за здравие бюджета!
Нас возможно сократить,
но, поверьте, мы при этом
вам желаем долго жить!

Жаль, что важным тульским дядям
институт не по нутру!
На дорожку мы присядем,
вспомним дни проверки КРУ.

СТОН ЛЮБВИ

Глаза у женщины прикрыты –
ночь, стон...
А, значит, в страсти неубитой
– есть он...
Любовь – нелегкая работа,
слов – ложь.
Горячий бисер капель пота,
и – дрожь...
Пусть на вершине наслажденья
ждет смерть –
она хвостом своим с рожденья
круть-верть!
А ожидание расплаты –
пустяк.
В грехах мы сами виноваты –
вот так!
Глаза у женщины прикрыты,
рук – ток!
И лепестками – губ раскрытый
цветок!

ШАР В ЛУЗУ

Когда бессонница настала
и в три утра встаешь, как в семь, –
рассвет причудливо-устало
с тобой простится насовсем.

Кому-то сон лишь только снится
предощущеньем новизны...
Проспектов заспанные лица
от неумытости грязны...

Из ночи в утро сумрак льется...
На кухне кипятик шумит...
Но не склероз в сосудах жметя,
не возраст в колокол звенит.

А, значит, что-то не доделал,
не завершил, не долюбил...
И в подсознании созрело,
чтоб сутки на часы продлил.

Ты – наш бильярдо-дерматолог,
вопросов общих корифей.
Поэтому твой день так долог
без сносмыкания очей.

Свой шар всегда загонишь в лузу,
прицел не сбит, все зорче взгляд,
и не одну – уложишь музу
в постель, как много лет назад.

МОРСКОЕ...

Стоят на рейде корабли любви,
им не дано причаливать к причалам.
Их с якорей случайно не сорви,
для них свобода – всех начал начало!

Они готовы ринуться в тайфун,
который все желания разрушит,
концы любви крепя за нежность струн
под тихий SOS – спасите наши души...

Зеленый луч, мигнув в последний раз,
уйдет за горизонт пустых желаний,
волна пурпурный обретет окрас
и почернеет болью ожиданий.

За тех, кто в море канул в никуда,
кто даже плавать не умеет толком!
Восторг любви пусть вяжется всегда
морским узлом с морским голодным волком!

За тех, кто победил девятый вал
невзгод, вражды, потерь, непониманья, –
мы поднимаем слов своих бокал
и якоря на траверзе прощанья!

Уходят с рейда корабли любви
на поиск стран неведомых и дальних...
Ты их на свой фарватер не зови,
не жди огней и выстрелов прощальных!

СНЕГ НА КРЕЩЕНЬЕ

Падал снег на Крещение,
был мороз – так себе,
мы просили прощенья
друг у друга в гульбе.

Собирали застолье,
как всегда второпях,
закусив хлебом-солью,
соль слизнув на губах.

Ты – мое отраженье,
только лучше, чем я,
по любви круженье –
жизнь твоя и моя.

Ошибаемся часто –
и в делах, и в друзьях...
Не находим участия,
а находимся в снах.

Ждем, что скоро приснится
долгожданный успех,
а над трассой кружится
небом сброшенный снег.

Это – наше причастье
к замороженным снам,
к запорошенным счастьем,
но к непонятым нам...

МЕДВЕДЬ И ЛИСА (басня)

Большой медведь в своем лесу увидел яркую лису.
(Туда ее привел барсук для продолжения наук).

Пальнул картечью глаз прицел – затрепетал медведь...
И от любви, как ни хотел, не смог он уцелеть.
Куда медвежий делся вид? Куда исчезла стать?
Подобно зайцу он дрожит, не может есть и спать.
Забросил княжество свое, порастерял друзей,
за то, что приобрел ее, за лисьих слов елей.
«Как ты похожа на меня!» «Нет это ты похож!»
И вот уже средь бела дня сплелась большая ложь.
«Я без тебя!...Ты без меня!...Никак не проживем.
Ты и на час не изменяй, нам хорошо вдвоем!»
Грустит медведица одна, а лис горилку пьет.
Лиса с медведем без вина в хмелю любви живет.
Медведь работал словно вол, чтоб угодить лисе,
был у нее и кров, и стол во всей его красе.

Ну, а лиса? Тайком она

уехала в круиз.

И то ли – с волком, то ль – одна

морской вдыхала бриз.

Вновь лис ветвил свои рога. (Медведь – не отставал!),
Покуда к местным берегам кораблик не пристал.
Лиса по сходням – тук да тук, вертя хвостом и без.
Был лис доволен, и барсук, и волк, и темный лес...

Мораль сей басни такова: живи в своем лесу!

И, если варит голова, то не люби лису!

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЛЮБВИ

Болезнь – не дефицит здоровья,
а недостаточность любви,
которую у изголовья
один оставшись – не лови!

Нахлынет боль волной цунами,
слизнув заботы естества,
разрушит все, что между нами,
и будет, видимо, права.

Она впивается в живое,
терзает в клочья белый свет,
предвосхищая ночь покоя,
ту, за которой слово: «Нет!»

Вкусив отраву лицемерья,
съев безразличия плоды,
вступаем в полосу безверья
и ожидания беды.

Но грешникам – одна награда:
не слышать хора алиллуй.
Сильней лекарства нам не надо,
чем жарко-нежный поцелуй!

Презрев опасность малокровья –
врача на помощь не зови!
Болезнь – не дефицит здоровья,
а недостаточность любви!

О КОМ ПИШУ?

Не спрашивай меня, мудрец,
о ком пишу в стихах бессонных!
Нет муз, конкретно воплощенных
и возведенных в образец.

Они мелькают, будто свет
шуршащих в ночь автомобилей,
но отпечатки их застыли,
на дне глазном оставив след.

То чей-то мимолетный взгляд,
то тайны дружеских застолий
с несъеденной пудами солью,
непониманья водопад...

Когда вскипит все это вдруг
и пар желаний ищет выход,
не зная накопленья выгод –
стихи «случаются», мой друг!

Коль чувств неведанных каркас
обнимет облочка звуков,
стихосложения наука
в мгновенье покидает нас.

Все единичные слова
по общим правилам сливаясь,
в восторге ясности взвиваясь,
слагаются, как дважды два.

Срывает стих вуаль двуличий
и лицемерия покров,
в нем чистота звенящих слов
важней надуманных приличий.

Пусть правда голая больней,
чем лжи пуховая подушка,
она – надежная подружка,
и все, что сбудется, – за ней!

ПЛЕТЬ ПОЛУСОНЕТОВ

*«Здравствуй, чужая, милая,
та, что была моей...»
Из репертуара А. Северного*

Здравствуй! Я пришел тебя обнять
дружеским объятием покоя,
но не знаю, что это такое,
и, поверь, что не смогу понять.
Не смотри с презреньем на меня,
не желай обвального паденья!
Жизнь свою от трудностей храня,
успокойся тенью сновиденья...
*Это просто необычный сон –
хриплый, как старинный патефон.*

* * *

Чужая нежная рука
ласкает плеч твоих прохладу.
Ты шепчешь страстное: «не надо...»,
но не насытишься никак.
Часы чужие на столе...
чужое сонное дыханье...
И зарождается в тепле
другое жизнепониманье.
*Здесь чужое кажется своим,
а свое – завесил черный дым.*

* * *

Милая до кончиков волос
пахнущих шампунным дуновеньем
и цветов невиданных волненьем,
как тебя по жизни мне ждалось!
Ожиданья яркая пора
пролетела заполярным летом
тем мгновенным росчерком пера,
так знакомым страждущим поэтам.
*Это – просто магия потерь,
в никуда разверзнутая дверь.*

* * *

Та неожиданная боль
вошла в меня и там осталась...
И в мозг, и в плоть шутя вонзалась,
как стопроцентный алкоголь.
Страданий сладость – яд вдвойне,
к ним – привыкание обычно.
Оплата – по двойной цене
за раздвоившуюся личность.
*Шаг вперед – всему, что было, шах!
Нет опоры, только звон в ушах...*

* * *

Что можешь сделать с прошлым ты –
никто, ей-богу, не узнает.
Как капли листьев облетают
сны детства с дерева мечты,
и падают в крутую хлюпь
сегодняшних застывших буден,
в которых заскорузла глупь
и сон бесславья беспробуден.
*Рушится сознания стена.
Нет пучине ни конца, ни дна.*

* * *

Была безудержная страсть,
огнем зимы кипело лето,
белилась ночь букетом света,
но в пропасть я не смог упасть.
Чутья ненужного подсказ
окрасил вспышку серым цветом,
настал сомнений горький час
не подсластившийся ответом.
*Ну, а если это только сон,
то скорей кончатся должен он!*

* * *

Моей любви не виден край!
Она спиралью бесконечной –
путем, который звездно-млечный,
соединяет ад и рай.
Спасибо ей! Она – была
быть может в чем-то – не простая...
Но снег за зеркалом стекла
в слезу холодную растаял...
*Снова под ногами будет твердь.
Значит – можно лечь и умереть.*

* * *

*Это просто необычный сон –
хриплый, как старинный патефон.
Здесь чужое кажется своим,
а свое – завесил черный дым.
Это – просто магия потерь,
в никуда разверзнутая дверь.
Шаг вперед – всему, что было, шах!
Нет опоры, только звон в ушах...
Рушится сознания стена.
Нет пучине ни конца, ни дна.
Ну, а если это только сон,
то скорей кончатся должен он!
Снова будет под ногами твердь.
Значит – можно лечь и умереть.*

НЕ ВЕРЬТЕ!

Не верьте мне,
когда скажу,
 что я устал!
Пусть на спине
уже лежу
 и вдох мой мал.
Венки с печалью
показной
 несут враги...
Начать сначала,
Боже мой,
 мне помоги!
Лежать без дела,
не дыша,
 я не могу.
Ты захотела –
и душа
 кипит в снегу.
Пусть звездоиной,
как зимой,
 пророчит лед!
Но не застынет
сердца бой...
 Наоборот!
Все будет также,
как всегда, –
 настанет день...
И солнце скажет:
«Не беда!
 Есть я и тень».
Не верьте мне,
когда пишу
 за упокой!
Я на коне!
Взахлеб дышу!
 и снова – в бой!

ПОЛОСА

Полоса невезения,
странности, вздорности, гневности
между нами проложена.

Знает ли кто, почему?
От пустеющих дней
и зелено-осиновой ревности
ухожу в подпространство идей,
неподвластных уму.

Не дожди и пурга,
а отсутствие призрачной ясности
разделяет мгновенно
слияние жаждущих тел.

Ты уходишь, взлетаешь,
срываешься в зону опасности,
за граничащий все,
но такой бесконечный предел.

Я болею тобой,
только эта болезнь излечимая.
Это просто отсутствие
воздуха, пищи, любви...
Проживу и без них, так как знаю:
есть в мире любимая,
даже кровь насыщается мыслью о ней.
«Се ля ви»!

Полоса отчуждения,
резкости, грубости истовой –
не влияет на твой
не снижаемый в ноль аппетит.
Ты смеешься, болтаешь,
стреляешь глазами лучисто,
сохраняя ухоженный
внешне таинственный вид.

Ну, а значит, живешь
по устойчивой схеме творения,
согласована с миром
желаний твоих благодать.
Я прошу за назойливость тела и мысли
прощения,
и за то, что устал
в бесконечье неясности ждать!

ЮЖНАЯ ЖАРА

Тридцатиградусно-лениво
потела южная жара,
а за окном белела слива
в зеленокудрии двора.

Она цвела неудержимо,
взметнув цветенье в облака.
Несоблюдением режима
и ростом ввысь своим легка.

Смотрел отец белобородый
на им возвращенный крепкий ствол,
как будто ощутив природу
он словно тайное нашел.

«Нас ростом солнце не обидит!»
Прошли года, и вот уже
верхушку сливы вровень видит
сосед на пятом этаже.

Навряд ли стоит удивляться
судьбе высокого ствола...
Лишь добротой отцов растятся
сыны, и дочери, и дела.

ТРАМВАЙНОЕ

Как в трамвае – от конечной до конечной
мы толкаемся по жизни непростой,
приближаясь каждый миг к черте засечной,
у которой прозвучит команда: «Стой!»

С перебоем ретивое застучало,
склеротический сжимается венец...
Знаем точно, что конец – всегда начало,
что начало – это все-таки конец...

В промежутке от конечной до конечной
будем жаться – не в обиде, в тесноте,
сожалея, что за прошлое, конечно,
нам не светит свято место на кресте.

Как на рельсах – все по стыкам да по стыкам
нашу нежность по крупицам растрясет,
но по-прежнему в неведеньи постылом
потихоньку будем двигаться вперед.

Все по циклу, все по замкнутому кругу,
от конечной до конечной – в никуда...
Хорошо, что мы пока нужны друг другу
бесконечием трамвайного следа.

БОЛЬНОЙ СОН

Хитро-лживая погода:

вспыхнет солнце, всхлипнет дождик...

Так и ты назло играешь
переменчивостью дня.

То предчувствие ухода,
то бывшего счастья крошки –
в витражи судьбы вкрапляешь,
забывая про меня.

Ничего не будет ладно!
Отдыхай по старой схеме.

Ты ее не позабыла,
отвечая телу: «Да!»

Пусть обидно и досадно –
нет возврата к вечной теме.

Не было того, что было,
между нами никогда!

Это все – придумал Пушкин –
про любовь и про страдания.

Это все – во сне случилось,
эротически-больном.

Просто с водкой были кружки,
да неясные желанья,

и сознание – помрачилось
в представлении ином.

А на деле – очень просто:
ведь удобно и приятно

совмещать, не замечая,
ипостаси тел и душ.

Обросла любовь коростой,
расползлись по солнцу пятна...

И обмана не прощает
глаз невыплаканных сушь.

Не узнать, что дальше будет...
Вновь граница между нами.
Понапрасну мысль стремится
к водопадам новых дел.
Пусть Всевышний нас рассудит
в этой необычной драме –
комедийной сказке в лицах,
жить в которой – наш удел.

РАДИКУЛИТ

Болезнь глубинная и злая
передвигаться не велит.
На левый бок ложусь, взывая,
вовсю кляня радикулит.
От корешков идут сигналы,
как будто корни зуба рвут,
а мне и этой боли мало
за пройденный уже маршрут.
Когда, минуя остановки,
плетясь в тумане наугад,
штурмуя жизнь без подготовки –
не сделал двух шагов назад.
Шагал вперед: то ошибаясь,
а то влюбляясь тут и там,
но не жалея и не каюсь,
и не сгибаясь пополам.
Вот потому хребет не гнется,
а только давит и хрустит...
Болезнь – за прошлое дается,
но гнуться к полу – не велит.

РАЙОН РАЯ

Из стона Вивальди
свивается нежно-немыслимый сон.
Душа на асфальте,
а сердце упрятано в дальний вагон.
Мы рвемся на части,
себя доверяя развилкам дорог:
то в поисках счастья,
а то – в ожидании новых тревог.

В районе рая – зеленый май.
Кусочек рая ты мне отдай!
В районе рая весну встречай!
Района рая не забывай!

И в нашем районе,
название которого прячется в рай,
от вечных симфоний
сегодняшней жизни обломится край.
Звучанием сердца
исполнится взбитый ударником джаз,
закончится скерцо,
и снова разлука польется из глаз.

В районе рая – зеленый май.
Кусочек рая ты мне отдай!
В районе рая весну встречай!
Района рая не забывай!

Не канут в забвенье
певучая скрипка, гитара и бас.
В любое мгновенье,
с любым настроением слушайте нас!
Энергия века –
струна, задрожавшая в верной руке.
А наша аптека –
скрипичная трель на веселом смычке!

В районе рая – зеленый май.
Кусочек рая ты мне отдай!
В районе рая весну встречай!
Района рая не забывай!

ГОД БУДУЩИЙ

Приходит год седой, как старость,
иного – нет.
До Рождества чуть-чуть осталось,
но гаснет свет...
Что толку пить вино Иуды –
оно не в масть.
Забраться ввысь, чтобы оттуда
больней упасть?

Меня обманывать не надо,
не хватит сил,
поскольку чувств своих лампаду
я погасил.
Пусть праздник тигром полосатым
рычит до слез,
крадется в саване из ваты,
как дед Мороз.

Обманывать себя, как прежде,
сейчас – не смей!
Затрат на проводы надежды –
не пожалей!
Умчится в прошлое, что было,
его уж нет,
Слеза от холода застыла,
но ярок свет!

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Отжелтело бабье лето,
отдымил, оттепело...
Холодит морозный воздух
утро солнечного дня.
К вечеру – в шинель одето
неба сумрачное тело,
облака висят, как грозди,
в слезокапие маня...

Засвистело, задышало,
завлажнело на закате,
по брезенту застучало
дробью ветреной и злой...
Это – осени начало
мокрое надело платье.
Это просто я причален
к пирсу памяти босой.

Зря березы-стриптизерки
желтолистьем ярких тканей,
поминутно обнажаясь,
устилают старый двор.
Зря ворот закрыты створки
и аллеи расставаний
принимают боль и жалость
как заслуженный укор.

Потому что изначально
по циклическим законам
вновь жарой охватит лето
прихворнувшую любовь,
унесет зима печали
сквозь весеннее бессонье...
Осень – нежностью согрета.
Значит, радость будет вновь!

ВИРТУАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ

Стихи – не копия судьбы,
а виртуальное виденье.
В них все: от взрывов – до мольбы,
от восхищенья – до презренья.
Не обо мне, не о тебе,
не о друзьях, мечтой хранимых...
Слова, как листья в сентябре,
срываясь – шепчут про любимых,
про желтоглазье этажей,
скрывающих людские драмы,
где на последнем рубеже
стоит крестооконые рамы.
За ним – естественность потерь
и праздничность хмельного тоста,
и та единственная дверь,
войти в которую не просто.
Слова вбирают все в себя,
что знаю, вижу, или слышу,
свою мозаику лепя,
чиня «поехавшую крышу»
тем, что осталось от ума
и от чего сильна порода...
Слова приходят, как зима,
или другое время года.
Необходимость бытия
в них воплощается настолько,
насколько быту нужен я,
а не Петруха или Колька.
Слова живут своей судьбой
в иных мирах, с иной удачей...
Им ближе жутко-волчий вой
и нежность чувственного плача.
Они вблизи и – вне меня
страданьем собственным страдают,
надежды пламенем дразня,
другое завтра обещают.

Предвоплощением души,
многозеркальем лучесвета,
стихокружение крушит
реальность личности поэта,
и конструирует других:
тебя, меня и всю округу...
Я сотворил случайно стих,
но мы теперь нужны друг другу!

УХОДИ

Уходи! Не думай о прощанье!
Теплым следом на моей груди
стынут поцелуи обещаний,
стонут чувства... Значит, уходи!

Разожги огонь в другом камине,
в нашем завтра – не видать ни зги,
расплылись границы четких линий...
Ты чужую радость разожги!

Не забудь отчаянных попыток
отыскать одноименный путь,
сплавиться в единой жизни слиток,
нежный шепот ночью не забудь!

Уходи! Пускай не будет лучше!
Хуже – безысходность впереди.
Ты, как солнца вспыхнувшего лучик,
вдруг исчезла в туче... Уходи!

ДОЖДИ

Тебе я нужен в час, когда дожди
пугают всех кровавостью во взгляде...
Мне недоступно то, что впереди,
а достается только то, что сзади.

Ты в церковь не пошла, пришла ко мне
добавить грех к моим грехам несчетным...
В сезон дождей и грешники в цене,
ведь мне не быть святым и безработным.

Бывает, что-то просишь у меня,
но у меня – Меня просить не стала.
Я ждал намека... искры, не огня,
не поезда, а лишь свистка вокзала...

Так правят бал житейские дела!
Все остальное – милая привычка...
Любовь опять сквозь пальцы утекла,
иль улетела суетливой птичкой...

Утих страстей гудящий ураган,
весна – земные дарит нам заботы:
шипит в кишках не наш «Эффералган»,
«Кетотифен», «Полифепан» – до рвоты...

Решений вспышки – превратились в дым,
пришло на смену чувству – чувство долга.
Я снова стал тебе чуть-чуть чужим,
как был чуть-чуть своим совсем недолго.

ПО-ПРЕЖНЕМУ, ПО-ПУСТОМУ...

А мы останемся по-прежнему
жить в необычье сновидения,
когда встречаемся по-грешному,
но по-пустому, без сомнения.

Зима вишневого цветения
снежинки-лепестки раскинула.
Я у тебя прошу прощения
за то, что наше лето минуло.

Мы не увидим снега алого,
шампанского не выпьем колкости,
и даже прошлого усталого
не ощутим приятной горькости.

Зима вишневого цветения
снежинки-лепестки раскинула.
Я у тебя прошу прощения
за то, что наше лето минуло.

Но я люблю тебя по-прежнему,
а иначе – не получается.
Весна сквозь солнышко забрезжила,
но не для нас она старается.

Зима вишневого цветения
снежинки-лепестки раскинула.
Я у тебя прошу прощения
за то, что наше лето минуло.

ГРИГОРИЮ Е.

Я другу позвонил,
как будто невзначай,
но в памяти держал
необходимость эту.
Его я не забыл,
не рубанул сплеча,
мол «Зря ты жить устал!»,
не стал давать советов.

«Я слушаю...тебя» –
сказал тоскливо он.
Прокисшим голос был,
заквашенный обидой.
И замолчал, хрипя,
бездушный телефон,
как будто слезы лил,
отчаяньем убитый.

«Ну, что тебе сказать?...
И снова – тишина.
«Живу еще... пока.
Друзей былых – не видно...
Зовет к себе кровать...
Все меньше пью вина...
Сильней дрожит рука...
За жизнь свою обидно...

Ты сыну помоги,
коль с чем к тебе придет,
а я уж не жилец
и в пьянке не участник.
Последние круги
по жизни – и на ход...
У одного конец,
а у другого праздник».

Я другу позвонил
 тогда в последний раз.
Он чувствовал обвал,
 в который я не верил.
Но он меня простил,
 хотя в тот самый час
все, что он мне сказал,
 я сам себе отмерил...

БУКЕТ ИЗ ВЕНИКА

Я проклиная в днях рождений
их вечно-двойственный сюжет
и лицемерье поздравлений –
источник всевозможных бед!

Засохших листьев веник серый,
что твой кладбищенский веночек...
Шуршит им ветер озверелый,
сметая снег с увядших строк.

Хруст целлофановой одежды,
дубово-крепких листьев суть –
внушают ветреность надежды
младое прошлое вернуть.

Из кружки, меченной «вниманьем»,
испить удастся вряд ли нам,
поскольку горечь ожиданий
всегда с разлукой пополам.

ИЛЮХИНУ П.И.

С нами нет его целый год!
Мы в застолье одни сидим...
Но по-прежнему дождик льет
и земля напивается им.

За окошком грустят небеса
плачем серых своих облаков...
Сбросят в лужи с себя леса
старых листьев седой покров.

Петр Иваныч! Взгляни на нас
из того своего далека!
Видишь – слезы в искринках глаз
и немного дрожит рука.

«Шуры-муры» – уже не те,
и не слышен твой добрый мат...
А Россия в глухой темноте
погружается медленно в ад.

Поминаем твое добро
и улыбки веселой свет –
звался «Петькой» легко и хитро
в целых 70 с хвостиком лет!

Пусть снарядов все ближе лет!
Здесь никто не боится их.
Просто – встречи с друзьями ждет.
Просто – ценится каждый миг.

Петр Иваныч! Мы все – с тобой,
наших душ единение – здесь!
Не хватает тебя, дорогой...
В этом – смысл нашей встречи весь.

КРОЛИКО-ГОД ПО КАКОМУ-ТО КАЛЕНДАРЮ

Мороз ослаб. И тигры, будто кролики,
хвосты поджали в слякоти забот.
Страна накрыла праздничные столики,
а, значит, наступает Новый Год!

Приходит он в обличье желтом кролика,
дрожащего от жизненных проблем,
с глазами записного алкоголика,
в обвалах курса денежных систем.

Тигриные укусы года прошлого
до праздника навряд ли заживут,
но все-таки так хочется хорошего
пусть не на год, а хоть на пять минут!

Пусть будет жизнь по новому раскручена
в фанфарном громе и сияньи глаз...
Но кролик желтый, бытием наученный,
тигриным взглядом повстречает нас.

В виденьях Нострадамуса не схвачены
дней нынешних коварные пути,
в которых совесть у людей утрачена,
а ум и честь давно уж не в чести.

Но есть одно лекарство для спасения,
в котором единятся старь и новь...
Пусть каждый год и каждый миг рождения
спасает нас великая любовь!

Размелем полосатость жизни в крошево,
в единство тигро-кроличьих идей!
Дай Бог друзьям побольше и хорошего:
вина, здоровья, счастья, добрых дней!

АВГУСТ В ПОДМОСКОВЬЕ

Дыханьем лип согретую аллею
ласкает тепло-влажная волна,
дождей прошедших ароматы млеют
букетом небывалого вина.

Зеленая подстриженность лужайки
меняет цвет от солнечных лучей,
высвечивая желтокрасье майки
листка, в преддверьи зимности ночей.

Бледнеют флоксы, запах источая,
асфальт сияет в капельках воды,
кора деревьев старинных цвета чая
хранит зеленой древности следы.

Краснеет жук, ползущий по травинке,
слепит глаза резная листьев тень,
следы на вдаль струящейся тропинке
ведут туда, где даже думать лень.

Уходит на покой горячесть лета,
все чаще охлаждаясь от дождей...
Под одеялом облаков – раздетой
лежит страна и ждет своих вождей.

ФАКЕЛ ОЧИЩЕНИЯ

Был скользким день (как всякий день рожденья),
скрипел январь на старый Новый год,
когда шурша по полосе забвенья,
мы возбужденно двигались вперед.

Вписавшись в неизбежном повороте
В ЗИЛовский, полный смерти бензобак,
машина жаром полыхнула. Вроде
те, кто внутри, все делали не так.

Многометровый факел очищения
сжигал ошибок накипевший слой.
Огонь пылал знаменем прощенья,
но не сулил надежду на покой.

Исчезли в пепле наши наважденья,
упрятав в сажу ноты ложных слов.
И нынешний морозный день рожденья
пророчит копоть адскую котлов.

Проходят святки, пляшут дед-морозы,
снегурочек невинность – не в чести,
мелькают полосатые березы
запретом разрешенного пути.

Но в памяти одно осталось, братцы,
когда мой друг, чей транспорт был сожжен,
спросил: «До дома есть на чем добраться?» –
с тех пор я тоже делаю, как он.

В несносный день, когда вокруг свеченье,
когда приходит старый Новый год,
поднимем стопку водки для леченья
своих неиссякающих забот!

ВРАГАМ

Вы, враги мои лихие –
стая волчья, свора псов!
Разрушения стихия –
ваш пожизненный улов.

Рев и рык на все благое,
хлопья пены на клыках.
Вы живете дико воя,
а в глазах животный страх.

Ваш девиз – уничтоженье
всех, растущих вопреки.
Вам приятны пораженья,
а победы – не с руки.

Это вы, оскалив зубы,
разгрызая мой хребет,
погрузив в кровавость губы,
громко хлюпаете: «Нет!»

Вы довольны. Вы у цели.
Час заклятия настал.
Вожаки на троны сели,
разулыбив свой оскал.

Только зверские повадки
несомненно подведут:
не бывают взятки гладки,
но бывает страшный суд.

Меж собой перегрызетесь:
нет друзей среди врагов.
Злобой собственной упьетесь!
Доживете до рогов!

Вы, враги мои лихие!
Я готов вас всех простить.
Но разгромную стихию
вам придется укротить!

В ДЕНЬ НИКОЛЫ-УГОДНИКА

Где же ты, Николай, всемогущий вовеки угодник?
Нынче святость твою отмечает российский народ.
Почему только Колю за столом мы не видим сегодня?
Почему только память вместо нашего Коли живет?

Нет на праздник тепла. Видно ветер студень – безгрешней.
Никого до полночи теперь не приходится ждать...
Винуватости – нет. И причин не находится внешних...
Ни работу, ни женщин – никому ни к чему проклинать.

Он был тоже угодник – и друзьям, и почти незнакомым.
Хлопотал, помогал, выпивал и по-детски чудил.
В обещанья, слова и поступки, как в цепи закован, –
был счастливым всегда, потому что объемно любил.

И не то, что полковник не станет теперь генералом.
И не то, что не сделано то, что он сделать хотел.
Просто злая тоска без него накатила навалом...
Просто пусто в душе и неясен грядущий удел...

Значит, так на роду и по жизни начертано было –
быть всегда впереди, торопиться и жить, и страдать.
В день Николы-угодника – солнце на небе застыло.
Это ты нам советуешь чарку хмельную поднять...

УСЛЫШАВ ПЕСНЮ ПУГАЧЕВОЙ

Страдала Алла: «...не могу и не хочу»,
а мы то знаем, что такое хочется...
Пасть в пропасть...лечь на плаху к палачу,
забыв про все – уйти от одиночества...

Нежданным смыслом полнится бокал,
его испить и боязно, и радостно.
Из жизни извлеченный радикал
сплетает судьбы в узелок завязанный.

Коль есть хотенье – сможется всегда,
но не забыть, а отвести сомнения
в том, что познание друга – не беда,
а к тайне чувств святое причащение.

Забывать про это – просто не могу,
права певица голосом и нервами...
На том недостижимом берегу
мы без парома будем все же первыми!

Шептала Алла: «...не могу и не хочу».
И пусть в ее слова не очень верилось,
но с дуновеньем мысли на свечу –
последнее сомнение развеялось...

ЖЕНЩИНАМ ПУШКИНА

Почти без злобы... Но с обидой тайной
вы потихоньку расставались с ним.
Вот только лед сомнений быстро таял.
Поэт – не становился вам чужим!

Он вас бросал. И вы – его бросали!
Но, отгоняя ревности угар,
в его стихах мерцающих искали
мгновений чудных негасимый жар.

Пылал огонь сквозь дым непониманья,
пытаясь всех обнять и все согреть...
Рождали строки вечное желанье –
любви единым пламенем гореть!

Вы – не судили! Значит – не судимы!
Поэт в наследство – вечность вам отдал!
Потомками все женщины любимы,
которых он ласкал и воспевал.

Он вас любил! И был таким же нежным,
каким его хотели видеть вы!
Он не старался выглядеть безгрешным.
Стремился быть любимым...Но, увы!...

А что теперь? Левинских моник тучи,
на платьях сохраняющих следы...
Свидетели на всякий разный случай –
глашатаи задуманной беды.

Стоят дантесы с видео- и фото-,
не свечками, а вспышками света
в чужих постелях. Это их работа:
Дианы умирают не шутя!

Веками люди думали «про это»,
испепеляясь в многозначье строк.
Вы, женщины бессмертного поэта,
своей судьбой даете нам урок!

Да будет миг! И будет он – прекрасен!
В романсах и поэмах воплощен!
Исход такого сочетанья – ясен:
любой повеса может быть прощен!

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Говорят, в Китае – наводнение,
да и в Туле тоже дождепад.
Может – это лета украшение:
бриллианты дождевых карат?

У природы поровну развешено:
где-то зной, а где-то дождь и снег,
тем – буран, а этим – грозы вешние,
Тут – беда, а там – крутой успех.

Как в рулетке шариком раскрученным
достается вечное зеро –
так же небо удушает тучами
теплоты беспечное добро.

Кто-то в Сочи укатить старается,
кто-то в Подмосковье норовит...
Только все в конце-концов сравняется
и зима на время победит.

ЖЕНЩИНЫ И ВРЕМЯ

Духов заморских тень и сладость пудры –
подчеркивали свежий запах тела...
Премудрости далекой Кама-сутры
познать однажды женщина всхотела...

Что отраженье жизни может дать ей?
Из шепота – косынку надевая,
из нежных слов – ласкающее платье,
она стоит у зеркала нагая...

«Что время? Это – вечный разрушитель
всего, что на земле живет и тлеет.
Но это – самый главный разрешитель
поступкам, от которых сердце млеет.

Вон там морщинка – след ошибок прошлых...
А здесь – чуть-чуть полнее, чем хотелось...
Но впрочем – больше качеств есть хороших,
на то она и женственность, и зрелость...»

Отметив плюсы, минусы отбросив,
известные самой – не отраженью,
задав себе бесчисленность вопросов,
сама себе находит возраженья...

Уверена – все то же повторится,
и никакой не будет Кама-сутры...
Ни оценить, ни запросто влюбиться
никто не сможет, а наступит – утро...

Но терпких губ пылающая нежность
пульсирует неутоленной жаждой,
желания несбывшегося грешность,
быть может, и не повторится дважды...

Так где же вы, мужчины из мечтаний,
погрязшие в делах своих постылых?
Поверьте, что в неслышности рыданий –
лишь гордость и укоры наших милых.

Любите их: от сонности – до стога!
Не торопитесь вставить ногу в стремя!
В поспешности исканий – нет резона.
Любите женщин! И отступит время!

МОРОЗ КРЕПЧАЕТ

Коль до любви остался только шаг –
до ненависти тоже ровно столько.
И, если друг вчерашний нынче враг,
то я не верю дружбе ни на сколько...

Очаг горящий взорван изнутри,
но угли разлетаются наружу.
Так, от натуги лопнув, пузыри
порой ненастной образуют лужу.

Венок надежды не дано плести,
ледышка сердца обжигает болью...
И ни тебе «спасибо», ни «прости» –
в глазах, чужих привычному застолию.

Напрасно хмель куражится в крови,
зазря слова по воздуху витают.
Теперь с тобой мы только визави...
Мороз – крепчает, а снежинки – тают...

И СНОВА МАРТ

И снова март! И мы опять ровесники,
хоть никому старение не нравится.
На голове седой зимы предвестники,
а в голове все та же несуразица...

Полста и пять! Такая карта выпала,
а в прикупе иксы и даже игреки.
И что там президенты, думы, выборы,
лужки-рыжковы, макашovy-жирики!?

Полста и пять! В весеннюю распутицу
кроссворд пусть остается неразгаданным,
но дел клубок всю пускay раскрутится!
И будет пасха! И запахнет ладаном!

И будет жизнь не по сукну бильярдному
катиться в лузу свояком подкрученном.
Пускay она не дюймами, а ярдами
несется вдаль: чем далее – тем лучше бы!

Пусть снова март! Весенняя бессонница
с желаньем отдохнуть – не уживается!
Промчалась лет неповторимых конница...
Но мы – в седле! И скачка продолжается!

МАЙСКИЙ СНЕГ

Где-то хлещут майские дожди,
а над Тулой вьется рыхлый снег...
Мы не знаем, что там впереди:
может – горе, может быть – успех.

Густо припорошена трава...
Майский снег. Что может быть чудней?
У небес – верховные права,
им оттуда все-таки видней.

Значит, холод в мае – должен быть!
Он – в законе, теплой грусти вор...
Чтоб ушедших не смогли забыть –
ледяной объявлен приговор.

На тюльпанах – белая крупа,
поседел едва вздохнувший лес,
зарастает небылью тропа,
солнце в облаках теряет вес.

Дунул резким холодом Борей,
закрутил снежинки, завертел,
доказав внезапностью своей,
что в природе – тоже беспредел.

МАМЕ

Она исчезла молча и покойно,
сгорев свечой...и запалив свечу...
Пройдя сквозь лихолетия и войны,
вранье и поклоненье кумачу.

Ее рука сухая разучилась
осмысленно выписывать слова...
Да с дрожью губ сознание помрачилось,
Да сил лишась, – склонилась голова.

А я стоял беспомощно-громоздкий,
предвидя наступающий конец,
которым на вселенские подмостки
неслышно призовет ее творец.

Срывалось наших душ соединенье
в последний нескончаемый полет...
Но думалось, что мама, без сомненья,
меня в любой безвестности найдет.

Она простит мои грехи оттуда –
из времени, где нет тесненья тел...
А я проснусь и завтра снова буду
шутить, кутить и рваться в запредел.

Могильный крест, что внук любя поставил,
стоит в краю, где горы льют покой...
У нас в стране опять война без правил,
и сын родной – уже почти чужой...

Когда-нибудь в другое измеренье
проникну я иной своей судьбой.
И только там придет успокоенье,
когда Она склонится надо мной.

Когда рукой святой и осторожной
погладит лоб, пылающий огнем,
и – охладит его. И век тревожный
закончится по-детски крепким сном.

УХОД МУСУЛЬМАНКИ

Она устала от непониманья,
в беспомощности видя свой конец.
И претворила давнее желанье
надеть Аллахом созданный венец.

Как будто с завершинья минарета
ступила вниз из своего окна...
Но ввысь она стремилась! И при этом
была в своем стремлении – одна...

Вся в белом, будто чайка на излете,
земного притяженья чужая власть,
в секундном завершающем полете
промчалась жизнь, о камни раздробясь.

Оставив тех, кого всегда любила,
в неведении замыслов своих...
Но не страданье на устах застыло –
успокоенье засветилось в них.

Пройдя сквозь рифы быта и недужность,
пусть крепнет всех связующая нить!
И даже ощутив свою ненужность –
не нужно это время торопить!

МУЖИК ЗА ГОДАМИ НЕ ТЯНЕТСЯ

Нам выпало тяжкое времечко
с горячими днями рождения...
Рассветно-похмельное темечко,
как будто объект повреждения...

Так хочется квасу ли, чаю ли...
Водой ли холодной отпиться...
Но вдруг вспоминаешь в отчаяньи,
что снова пора веселиться.

Быть пробке бутылкой – отверченной!
Кто ищет – находит причину.
Вчера были тосты – за женщину!
Сегоднячко пьем – за мужчину!

Крутыми усами подкручено
хмельное, но все-таки – мужество.
Ну, как вам, девчонки, не чокнуться
за вечно-мужское содружество?

Конем, борозду соблюдающим,
мы пашем и глубже, и крепче!
Умеючи, любяще, знающе,
ласкаем и бедра, и плечи.

Пусть глаз шаловливый вонзается
в колени, и даже – повыше!
А женщины – пусть содрогаются
от слов, что внезапно услышат!

Мужик за годами – не тянется,
столетия – вовсе не в тягость!
Пусть только здоровье взвивается
пылающим ветреным стягом!

ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ

Не уходите, женщины, нашедшие
в сегодняшнем – куски материальные!
Поскольку жизнь – всегда давно прошедшая,
уход подобен бегству в нереальное.

Не возвращайтесь, мужики, в забытое
теперь – там только бабушки с приливами.
А вы – лысо-обрюзгшие, испытые,
лишь только с виду кажетесь игривыми.

Рвануться в молодое, виртуальное,
мешает бесконечный ход истории,
в котором жизнь предельно-ритуальная –
меню в многосвечении «Астории».

Здесь шаг любой возможен, но без выбора,
программно обусловлены движения...
Сюжет готов и нет кампаний выборных,
как нет побед. Есть только – поражения.

Вот только жить стандартами – не можетя!
Движенье вверх – всегда самодвижение.
Ошибки и болезни – только множатся,
взрывные принимаются решения.

Искусственно меняем переменные,
(прогресс живет программным диким вирусом),
из прошлого врываясь в современное –
хотим из ограниченности вырасти!

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ?

У нас в стране чума – навечно,
так почему не пировать?
Неужто нужно бесконечно
от бедности своей страдать?

Традицией народа было
за стол усесться визави,
чтобы желанье – не остыло,
а смех сквозь слезы – от любви.

Не «на чужом пиру» похмелье,
гуляют люди – на своем.
И всепогодно их веселье
под снегом или под дождем.

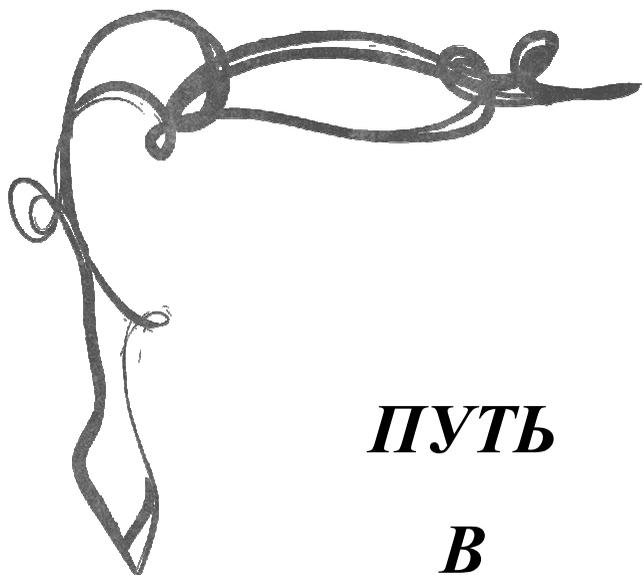
Пусть нет коттеджей и «зеленых»,
и джипы мчатся мимо них,
но не найти других влюбленных
в застольный гул, в горящий стих.

И не «квасным патриотизмом»
живут и дышат энный год.
Не ждут эпохи коммунизма,
который точно – не придет.

А за столом они – едины:
плечо – в плечо, глаза – в глаза.
Здесь все: и сопли, и седины,
и шустрые, и «тормоза».

Любовь братается с враждою,
худой – с тем, кто чуть-чуть жирней.
Разбавив спирт святой водою –
на язвы льют его елей.

Так что им нервничать и злиться?
Ведь жизнь ракетой мчит в зенит.
С друзьями – можно и напиться,
коль стол накрыт, стакан налит.

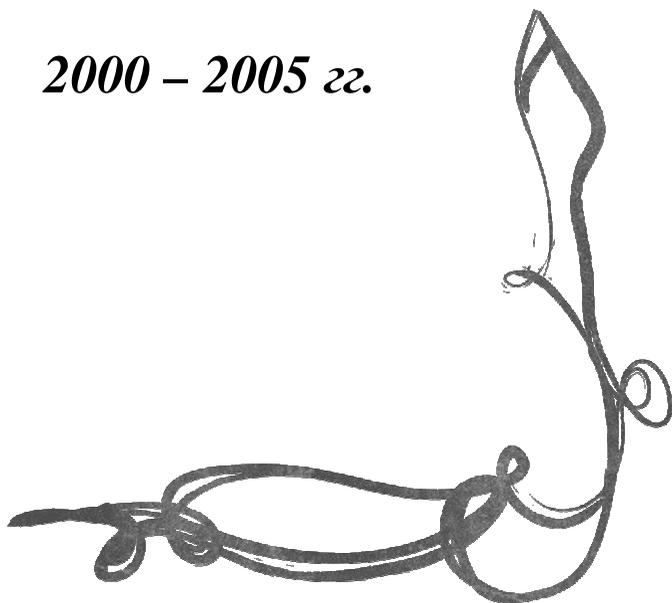

ПУТЬ

В

XXI ВЕК

2000 – 2005 гг.

ВАЛЕНТИНОВ ДЕНЬ

Березы к воде наклонились немного картинно,
своим отраженьем любуясь в зеркалье пруда...
А нынче – февраль, понедельник, и день Валентинов,
в котором – и праздник влюбленных, и бег в никуда...

Деяния древних живут в безграничье преданий,
а есть ли в них истина, вряд ли удастся узнать.
Пусть что-то не так, но беспамятству нет оправданий,
и то, что нам нужно, мы будем всегда вспоминать.

Нахлынет весна... Заиграют ручьи солнцетока,
теплом заливая остывшую душу земли.
Улыбка сверкнет и не сдвинутся брови жестоко,
коль льдины сомнений расплавить мы как-то смогли.

Пусть снова березы пригладят кору молодую,
распустят по ветру зеленые кудри ветвей,
зиму позабудут – от снега и ветра седую,
Но день Валентинов – останется с нами...и с ней...

ДАМСКИЙ ДЕНЬ

Я в первый раз не написал для дам
ни строчки про любовь и восхищенье.
Но пусть они умерят возмущенье,
измерив чувствуюемость по делам.

Словами можно воздух возмутить.
Они как декорация к картине,
где месяц март – свежо-надежно-синий,
но в словоблудье – может серым быть.

В словесной суете закон таков:
коль не хватает чувствопередачи –
одно прикосновенье больше значит,
чем миллион конфигураций слов.

Я в первый раз над рифмой не корпел,
вникая в суть брожения женских мыслей,
которые, как облака, зависли
над сухостью мужских пустейших дел.

ДОГОНЯЛКИ

Ты вспыхнула глазом, ты вздрогнула телом,
смутилась изгибом плеча...

Ко мне прикоснувшись – ладони согрела,
и сердце забилося, стуча.

Любовь – не работой, любовь – наслаждением
навряд ли придется считать,
поскольку по жизни мелькаешь виденьем,
которое надо поймать.

Игра в догонялки – немного работа,
немного – счастливый полет,
в котором витает надежда, что кто-то
кого-то когда-то поймет.

Но вырваться в холод из вороха бреди
накиданных в ночь одеял –
придется ошкуренным диким медведем,
который скитаться устал.

А ты, подкрепившись медвежьим бульоном,
исчезнешь в застенках разлук...
И я с человеко-звериновым стоном
вдруг выпущу счастье из рук.

Пыланием взора, дрожанием кожи –
никак обмануться нельзя.
Ведь жаркость желаний я чувствую тоже,
руками по бедрам скользя...

СОРОКОУСТ

Вот уже сороковины.
Сорок дней. Сорокоуст.
Потемнел огонь рябины...
Пожелтел осенний куст...

Наша жизнь недолго длится...
Водка – есть, а друга – нет...
Как бывало – не хмелится...
В рамке – траурный портрет.

Горечь губ его не будет
жечь слащавость женских уст.
Только память не остудит
ни за что – сорокоуст!

Пусть ему сегодня станет
вечным пухом мать-земля!
Но виденье – не отстанет:
Друг, как прежде у руля...

ЖЕНАМ ДРУЗЕЙ

Друзей моих ушедших жены
сидят за праздничным столом.
Они уже непринужденно
беседуют о том, о сем...
Растут девчата, их потомки,
рождая множество проблем,
ну, а в стране опять потемки,
не освещенные ничем.
Кому-то там полста случилось,
кому-то меньший лет напор...
Дай Бог, чтоб все вокруг лучилось,
всегда звучал заздравный хор!
Для вас всегда я буду братом,
да и с подагрой тет-а-тет,
но пусть мой тост звучит набатом,
как тосты наших прошлых лет!
Пусть будут реже юбилеи,
умерив до предела прыть!
А вы, чудесно молодея,
смогли бы веселее жить!
Пускай дожди, жара и лето
вас окропят удачей вновь,
а от заката до рассвета,
как прежде, царствует любовь!

АРМЯНСКИЙ ФОКУС

Всегда не просто отпускать,
когда уход уже свершился.
Поток не повторишь вспять,
чтоб камень дна не сокрушился.
И в этом некого винить!
Ты – сам себе прокуратура,
и сам судья, и сам микстура,
и скальпель, и игла, и нить...
Нельзя удерживать уход,
который зрел не первый год.

Что росчерк легкого пера?
«Не возражаю. Уходите».
А в сердце – черная дыра.
Зашить ее – не хватит нитей.
Плеснется в кровь адреналин
сулящий спазмы и некрозы,
но только пусть в долине розы
посадит «новый армянин»!
Пусть Ереван и Карабах
затеют главный пир в горах!

С таким условием идите
на самый край своей судьбы!
Дерзайте, пробуйте, ищите
свои пути в пылу борьбы!
Но есть, конечно, опасенье
попасть судьбе своей не в такт.
Не сделав Дела (это факт) –
искать в неведеньи спасенье.
Армянский фокус тем хорош,
что в нем разгадку не найдешь!

ТЫ И МОРЕ

Кто видел море после бури,
когда усталость накопив,
зеленый глаз слегка прищурив,
оно шуршит под свой мотив?
То плещет пеной утомленно,
то погружается в покой,
то в облака глядит влюбленно,
в которых видит образ свой.

Вот так и ты в любовной схватке,
где лучший счет – один-один,
себя положишь на лопатки
и станешь лучшей из картин.
Заляжешь в дрейф простынных штилей,
рукой расслабленной взмахнешь,
то вновь зовешь, но без усилий,
то слов елей на душу льешь.

И ты и море, как близняшки:
не разлучить, не различить.
Две полосатые тельняшки –
одна неспряденная нить.
Покой – лишь отдых перед бурей.
А наш девиз – штормить всегда!
Напрасно разум брови хмурит,
любовь без бури – ерунда!

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Кустистые брови, тельняшка, винтовка,
души нараспашку – полет!
На кисти наколота татуировка,
в которой команда: «Вперед!»

Машина, охота, заботы мирские...
В семье то кричат, то ворчат.
Горюче-соленые мили морские
в сосудах по сердцу журчат...

Сердечно-обильному кровоснабжению
мешают заторы в пути,
инфаркты командуют на погруженье
по возрасту, как ни крути...

Но жидко-хмельная подруга-таблетка
смывала и спазмы, и страх...
Пять капель на зуб помогали нередко
на самых начальных порах.

Он чмокнув кувалду (не имиджа ради),
соленость забортную пил,
а китель – морской – одевал на параде,
и море – безбрежно любил.

Пробили, как видно, граничные склянки
под траурных выстрелов гром.
Он бросил свой якорь на вечной стоянке,
но сидя за верным рулем!

На грунте залег, как подводная лодка,
по воле судьбы роковой.
Под хлебом в стакане колышется водка
морской неизбывной волной...

ОМАР ХАЙЯМ И МУЗЫ

Мы рассудка не слушаем, мудрый Хайям!
Чарка жизни известна доподлинно нам.
Но вершина любовно-хмельного творенья –
недоступна рассудка лишенным словам.

* * *

Рисунок тушью выполнен искусно:
Хайям и муза, естество и свет,
стихи и проза, весело и грустно –
противоречье уходящих лет.

Пока искал слова он по крупинкам,
чтобы сказать, как жил и с кем грешил,
гуляла муза голой по тропинкам
его неуспокоенной души.

Склонившись тихо над его плечами,
шептала что-то, нежности полна...
Хайям, растаяв под ее лучами,
хмелился мощью доброго вина.

Что трезвость и рассудок равноценны,
не признавал он в вольности своей.
Не верил в то, что музы знают цену
своей любви для творческих идей.

А, может, муз и не было в помине,
а только виртуальность миража
хмельной тоской в угаре темно-синем
рукой водила, буквами кружа?...

Стихи слагались, будто по нитью,
вином бурлящим закипала кровь,
свивались судьбы неразрывной нитью,
любовь загадкой становилась вновь...

Сейчас, Хайям, и музы стали круче –
им по душе реформенная прыть,
и каждая из них, на всякий случай,
двух-трех поэтов может вдохновить.

Быть музой – и призванье, и работа:
терпеть поэтов ревность и печаль,
менять их, больно шустрых, но по КЗоТу,
чтобы потом не очень было жаль.

Хайям и муза! Как же вы похожи!
И сколь тяжел противоречий груз!
Века прошли, вас нет давно, но все же –
пусть не коснется старость наших муз!

Они взрослеют с нами понемногу,
стареем мы, над книжками корпя,
а год грядущий – робко на дорогу
ступает, половицами скрипя...

* * *

Ты рассудка послушался, вечный Хайям,
если с музой цветущей дал начало стихам!
Ведь хмельная любовь – лишь частичка единства,
без которой рассудок – покинутый храм!

ОН!

Блестят глаза, аплодисментов лава...
На подиуме праздник – haute couture...
Струятся ткани... Это Зайцев Слава
зажег надежду, как бикфордов шнур.

Страна дождалась нового мессию.
Век на излете. Только где покой?
А он – один. Один на всю Россию.
На всю планету он один – такой!

Отдав себя до нитки – не гордиться,
увидев тот единственный абрис,
а росчерком пера – поймать жар-птицу –
он в этом видит самый главный приз.

Верлибром раскрывая дверцу в душу,
бросая вспышки краски по холсту,
он любит щедро говорить и слушать,
смеяться так, что слышно за версту.

За дружеским столом, в пожаре банном –
он рядом с нами – прост и деловит.
И где-то там труды Пако-Рабана
ивановский не портят аппетит.

Великий Слава! В этом ореоле
его увидеть, право, мудрено.
Он сам себе двойник на модном поле.
Он – первый, а иного – не дано!

ПО ПОВОДУ, А, МОЖЕТ, БЕЗ НЕГО...

Кое-кто из друзей
обижается все-таки зря,
что стихи, посвященные им,
не видны на страницах.
Даже тем, от бессонья которых
зевает заря,
не всегда удается
в сокрытости строк воплотиться.

Понимаю людей,
обладающих свойством искать
тех, кто выразить может
кипение жизни искусством –
сочинять, рисовать, вырезать...
Чтобы их вдохновлять,
с ними в ногу шагать,
помогать им и делом и чувством.

И не важно, какие
при этом найдутся слова,
«Баш на баш» не идет,
вдохновенье – цены не имеет,
но без дружеских плеч –
не одна полетит голова,
и от воя штормов –
не один волосок поседеет.

На границы багета
нахлынет тайфунный поток,
заливая российский
березовый символ с корнями.
Напряжение тоже
имеет очерченный срок,
за которым взрывается все,
что лежит между нами.

Ощущением стона
 грядущих земных катастроф
воздух слов и рисунков,
 мелодий и мыслей – напиган.
И от нескольких набранных там,
 в типографии, строф –
не изменится путь,
 что годами на прочность испытан.

Лишь поделку, играя,
 возможно поставить на кон...
Став расхожим призом –
 из творенья уйдет вдохновенье.
Есть в искусстве один
 непреложный вовеки закон:
продается душа –
 отправляется автор в сожженье.

ДЖИХАД

Священная война – джихад
здесь за столом сейчас ведется!
Такой войне застольной рад
любой из нас, в ком сердце бьётся!

С закуской надо воевать
путем жестокого террора.
А если мало наливать –
не будет нам победы скорой!

Здесь мясо – враг, и водка – враг!
Закуска ждет уничтоженья!
Придумаем свой новый флаг
и новый гимн ко дню рожденья!

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ

Стоял вопрос о личности,
ее судьбе в истории,
о чем до неприличности
студенты громко спорили.

В карманах – без наличности,
съев пирожки «с котятами»,
мы в массе – были лично
надежными ребятами.

Мы с массами кричащими –
вовек неразделимые:
историю творящие –
историей творимые.

И в наше время мнимое –
есть люди настоящие:
историей творимые –
историю творящие.

ФУТБОЛЬНЫЙ МЯЧ

Футбольный мяч – макет Земли безбрежной,
которую пинаем каждый миг,
питаюсь от нее земной надеждой,
здоровьем, силой, мудростью без книг.

Контакт с мячом, как новая страница,
прочитанная в дружеской борьбе.
Пускай она до гола, но продлится
и новое познание даст тебе!

Беги быстрее, без головокруженья,
вслед за мячом по зову естества!
Не для сравнения, а для продолженья
своих умений, знаний, мастерства.

Где ты – не лучше, и другой – не хуже,
но все на месте в самый нужный час.
Пускай погода – дрянь! В жару и стужу,
когда все вместе – это высший класс!

Играть командой надо научиться!
И тех, кто против – нужно понимать!
В последнем тайме время быстро мчится,
а надо бы для жизни поиграть!

Футбольный мяч – не глобус, а планета,
к которой тяготенье велико!
С мячом, как с самым верным амулетом,
пусть матч продлится вечно и легко!

ТЫ УЛЫБНИСЬ...

Ты улыбнись по телефону мне,
гони из глаз пугающую строгость.
Я, как и раньше, ощущаю робость,
себя сжигаю в яростном огне,
но ласки ощущаю лишь во сне,
а наяву ловлю твою суровость.
Ты улыбнись по телефону мне!

Не вспоминай! Но помни о часах,
когда наедине или с друзьями –
другими были мы! Сплетясь телами,
прочь отгоняли неизбежный страх,
любви казался невозможным крах,
а вот теперь, покинуты богами,
ждем встречи, может быть, на небесах...

Ты улыбнись! Сверкни глазами вновь!
Они зовут и чудо обещают,
ушедших лет грешинки пролетают,
а, значит, есть несносная любовь –
болезнь души, когда вскипает кровь
и безысходность чувства обнажают.
Ты улыбнись! Сверкни глазами вновь!

ОХОТНИКУ

Безмерный путь от Куркино до Тулы
тобой был пройден за короткий срок.
Обидою не раз сводило скулы
и белизной забрызгало висок.
Пустынным ветром Чада обжигало,
лепило снегом зимности охот,
в которых каждый час идет за год,
но пулю ждать добыча не устала:
к плечу прижался верный карабин...
В прицеле даль одна, и зверь – один...
Из прошлого нацелившись в века –
пусть будет цель достойной для стрелка.

Ведь завтра – начинается сейчас,
когда есть все! И только нет – чего-то.
Но согревает нас в который раз
любимая работа и охота.
Наука – это бегство в глубину
от будней и обычности рутины,
разгадка зашифрованной картины
и близость к неопознанному дну,
где непонятья взвалены на плот,
который обязательно всплывет,
когда познает истину одну:
«Мирской молве и сплетням вопреки,
грядущий мир – в пожатии руки».

Нет трудного дыхания в горах,
они нас ждут на праздничные встречи
чем ближе к небу, тем слабее страх,
тем громче тостов пламенные речи.
Как будто храм Господень посетив,
почувствуешь покой всеочищенья.

Наступит новых мыслей зарожденье,
когда в бокал хмельную влагу влив,
или наполнив пивом турий рог,
святой Георгий освятит порог
под песни нескончаемый мотив.
За ясность родниковую в словах!
И – за молчанье на крутых горах!

ТАЛАЯ ВОДА

Как эта талая вода, судьба усталая,
пройдя сквозь отношений лед, меняет суть.
Нахлынет счастье простоты, но – запоздалое,
его понять сумеешь ты, но – не вернуть!

Остынет желтая жара, и сушь вселенская,
и лжи завистливый туман растает вмиг.
Засветит ярким светляком удача женская
сквозь ощущение любви и легкий стих.

Пусть понедельник за окном грозит невгодами,
число «тринадцать» начертав «на небеси».
Но будет музыка побед греметь под сводами
вселенской залы – нашей маленькой Руси.

И снова талая вода в ледышку сплавится,
и снова будет изменять саму себя,
и будет ночью соблазнять луна красавица,
и будем соблазняться мы, ее любя.

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЛЮС ПЯТЬ

Пока скрипит от наших дел кровать,
день юбилейный – повод для застолья:
в кругу друзей, под знаком хлебосоля,
когда нельзя друг друга не узнать.
Пустяк, что ураганом мчатся годы!
Мы не выходим из высокой моды,
ведь нам всего-то шестьдесят плюс пять.

Пока скрипит от наших тел кровать,
мы не уходим из большого спорта,
не зря на языке мозоль натерта,
нам есть о чем, дружище, вспоминать,
и есть что рассказать потомкам хилым,
лидировать которым не по силам.
Ведь мы все те же в шестьдесят плюс пять!

Пока скрипит от наших тел кровать
мелодию безудержного марша –
не верим мы, что завтра станем старше
и к пенсии придется привыкать.
Нельзя лишить народного вниманья
тех, кто не знает щеконадуванья,
когда им только шестьдесят плюс пять!

Пока скрипит от наших дел кровать –
в науке совершаются прорывы,
в Надыме ощущаются позывы,
но тундра вновь готова нас принять,
нарезав из муксуна строганину,
брусничным соком сбрызнув оленину,
пока нам только шестьдесят плюс пять.

Пока скрипит от наших тел кровать –
вослед глазают девы молодые,
которым мужики нужны крутые,
а мы – не можем юность обижать!
Под силу нам гусарские поступки –
за молодой задор вздымаем кубки
и ни при чем тут шестьдесят плюс пять!

ЖИЗНЬ

Детство пахло молоком топленным,
свежестью арбуза и реки,
хвойным лесом, солнцем озаренным,
теплым светом маминой руки.

Юность пахла потом стадионов,
снегом покорившихся вершин,
жаркой ночью, лаской первых стонов,
скоростью несущихся машин.

Зрелость пахла каждодневной схваткой,
болью многокочных палат,
книжками, любвишками украдкой,
звонами бессмысленных наград.

Старость – вроде и ничем не пахнет,
разве только хвойностью венков,
ожиданьем, что вот-вот – шарахнет
черной рамкой некроложьих слов.

Но у внуков – свой молочный запах,
детство начинается опять.
Три медведя держат в крепких лапах
вечности скрипящую кровать.

ПАМЯТИ ВИКТОРА КАИНОВА

Я не ходил маршрутом в никуда,
сплавляясь по бурунам неизвестности,
в тайге не отпечаталось следа
моих кроссовок в явной бесполезности.

А Виктор звал с собой, но каждый раз –
причина, или повод вместе с ленью,
а может – что-то... разлучало нас:
то, что не поддается изученью.

И в спорте и по жизни – экстремал,
он по стране из края в край метался.
Познания плот нигде не застревал,
желаний стержень в бурях не ломался.

Три дня в тайге, где пара сухарей,
да банка нераскрытая тушенки,
да дикий рев медведя на заре –
будили взрыв азарта и силенки.

Он шел вперед! И потому – дошел,
свалившись в сон таежного ночлега,
Зря ждал его давно накрытый стол...
В созвездье Лиры зря светилась Вега...

И вновь вперед, друзьями окружен.
В семье и на работе – то, что надо...
Казалось бы – живи и весь резон...
Иного и не виделось расклада.

Но – сердце потому-то и болит,
когда приток к нему слабей расхода:
пустеет русло, в крошки – доломит,
где нет воды – искать не нужно брода...

Так иссякает бурная река,
носившая плоты через пороги...
К больному сердцу тянется рука,
а на ступеньках – застывают ноги...

И снова – риск! Увы, в последний раз...
Не смог стерпеть покоя и таблеток.
Был ровным голос, усмехался глаз,
а залп идей был, как обычно, меток.

Два года отстучали поезда,
два года отбурлили водопады...
Но ты с друзьями – также как всегда,
и мы с тобой встречаться тоже рады!

Твой беспокойный дух бушует в нас,
в Татьяне, Гале, в университете...
Жаль, что не будет воскресенья час
на Богом позаброшенной планете!

* * *

Клубится фимиам заздравный,
тостующих друзей – не счесть!
Но в этот день вопрос заглавный –
зачем живешь и кто ты есть?
А мы живем как «за стеклом»,
все на виду – в стихах и прозе.
И, даже если нас попросят,
со сцены просто не уйдем!
А, значит, следующий год
всеобязательно придет!

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЖЕНЩИНЫ!

Нам жизнь дарили женщины вначале,
рождая в муках мягкость детских тел,
а мы болели, плакали, кричали,
вершили на пеленках беспредел...

Дни детства – также женщины прикрыли:
кормленьем, исцеленьем синяков,
от грубости житейской защитили
щитом из материнских теплых слов.

Но подступала юность неизбежно
с пушком на верхней вздернутой губе...
И с первым поцелуем тайно-нежным
пришла другая женщина к тебе.

Дальнейших лет кипят иные страсти,
влюбленность наступает вновь и вновь...
Мы помним наших женщин соучастье
под обобщенным именем – любовь!

Маячит брэнной жизни завершенье,
без женщин в нем никак не обойтись...
Ждем финиша, а значит, утешенья,
и наш девиз, как прежде: «Не ленись!»

Избави женщин, Бог, от равнодушья
к себе – так называемых мужчин!
Пусть слез горючих мокрое недужье
не станет самой главной из причин

Разнопрочтенья жизненных скрижалей,
непониманья сути общих дел!
Так хочется, чтоб женщины шептали
на языке своих горячих тел!

Чтобы в потоке ярких ощущений
сливались дни и ночи напролет!
Чтобы в мужчинах – не было сомнений,
когда их чувства попадают влет!

Спасибо вам! И нет противотолков!
Вы – наших судеб естество и свет!
У зеркала не может быть осколков,
поскольку солнца – неделимый след!

Пусть слабый пол придаст мужчинам силы!
Пусть сильный пол – для женщин будет вновь
надежным стержнем, мощным, а не хилым!
Мы с вами! И – да здравствует любовь!

КАК БУДТО ЖИВ...

Дрожит вишневый глаз лампы,
мигает языком свечи,
а Николай веселым взглядом
нас обнимает... Мы – молчим...
В усах – улыбка озорная,
как будто – жив, здоров, могуч...
Дождь всхлипнул на исходе мая
и вспыхнул солнца вечный луч.
Пусть Николай из вышних далей
вдохнет, как прежде, дым костра,
услышит все, что мы сказали,
и будет с нами до утра!

ЖЕНЩИНАМ – МЕНТАМ

Пусть тост мой будет не с руки!
Напрасны праздничные звоны.
Когда ослабли мужики –
надели женщины погоны.

Им – останавливать коней,
горящих изб тушить пожары,
решать задачи посложней,
лететь в межзвездные Стожары.

Держать нелегкой штанги груз,
взлетать на пики гор и храмов,
вколачивать в бубновый туз
из пистолета девять граммов.

Нельзя мужской измерить срам,
коль женщины – бандитов ловят,
а по утрам и вечерам
своим мужьям еду готовят.

Оставьте женщине – семью!
Не дайте омужичить нежность!
Пусть сохранит она свою
всепокоряющую внешность!

Натуре женской вопреки
слышны пальба, разрывы, стоны...
Наденьте юбки, мужики,
когда на женщинах – погоны!

ШЛЯПКА

Словно крылья стрекоз,
обнимающих крепко друг друга,
сетка шляпки чудной
трепетала, улыбку храня.
Между вспышками роз,
в самом центре цветочного круга –
ты развеяла зной,
поджидая, увы, не меня...
Холодил виноград
и несбывшихся гроз грохотанье.
Обдувало горячим,
но в чем-то живым сквозняком.
Выше всяких наград
было свежей воды ожиданье,
а вершиной удачи –
зеленое царство кругом.

ЖАРА В СТРАНЕ

Воздух пустыни вдыхая
вижу песок и пожар.
Нынче – погода такая:
в несколько знойных Сахар.

Словно кипящее масло
воздух шипит и шкворчит,
солнце от жара – погасло,
пульс ошалело стучит.

И, забыв про страховку,
чувствуя пламя кругом,
в комнатный ад, как в духовку
лезу мясным пирогом.

Если народное сало
топится в общий котел,
значит – единство настало,
брат и товарищ хохол!

Знамя Шойгу и Лужкова,
правый и левый флажки...
Объединяются снова
вместе вражки и дружки.

В жаркий расплав уплывает
мыслей горячая сталь,
в жидких мозгах застывает
нашей судьбы вертикаль.

Новый «Газпрома» хозяин
вымолвит: «Шпрехен зи дойч?
Крыше известного дома
сможет Европа помочь».

Ведь президентский «засланец»
в Киеве – сам Ч.В.С.
Кучма, считай, иностранец
в этом «Поле чудес».

Три незабвенные буквы –
сектор с названием: «Приз».
В стиле «развесистой клюквы»
будет народу сюрприз.

Падают вниз самолеты
чаще, чем капли дождя...
Люди сидят без работы,
но в ожиданье вождя...

В Грозном – стреляют, взрывают,
в бойне друг друга вина...
Только убийц – покрывают
истины тайну храня.

Вечный Чубайс заправляет
в ведомстве РАО ЕЭС.
Он – отключеньем страшает,
грабит людей – МПС.

Нужный бюджет набирает,
и, не чураясь греха,
бедных старух обирает
новый мутант – ЖКХ.

Много трехбуквенных знаков:
есть НТВ, ОРТ,
но на заборах, однако,
буквы писались не те.

Только жарой объяснимо
то, что творится вокруг.
Северным ветром хранимо
наше сознание – не вдруг.

Душно – от края до края,
по-над Отечеством – дым.
Центром морозного рая
видится зимний Надым.

НУ И ПУСТЬ...

Ну и пусть, что чужая!
Может так суждено:
за воротами рая –
пить чужое вино.
И в похмелье глубоком,
в посиневшей ночи –
расставаться до срока,
не вскрывая причин.
На просвете рентгенном
там, где сердце, – пятно,
будто взрыв гексогена
в черно-белом кино.
Недовольная чернью
прогоревших обид,
снова козыри – черви
мне удача сулит.
Пусть раздача – не очень,
только верую в масть,
за которую ночью
не зорно пропасть!
Нам ни много ни мало,
только чтобы – не зря!
Безутешностью алой
вскровянилась заря...
Застудилась погода,
засверкали глаза...
Родниковую воду
замутила слеза...
И, пускай без причины,
ни за что, никогда –
любят женщин мужчины
как всегда – навсегда!
Не беда, что удачи
испытать не дано!
Жизнь – дается без сдачи!
Без осадка – вино!

ВЕНЕЦИЯ

В отеле «Херон»! Там герань на окне!
Гондолы, Сан Марко и кони...
Но на хрен в Венецию двигаться мне?
И не фига делать в Вероне!

Джульетту полапав за бронзу груди,
надеясь в любви искупаться,
идти на поимку вертлявых б...дей
и с триппером вдруг повстречаться?

Весь в белой рубахе стоит гондольер,
вслом шевеля над водою...
В гробнице привстал молодой Скалигер,
любуется тоже тобою...

Звучит баркарола. Шумит карнавал.
Сиянье неведомых масок.
Людей, и улыбок, и счастья – навал!
Палитра невиданных красок!

Для женщин, конечно, в Италии всё
понятно, приятно и зримо...
Истории прошлой вода – унесет
в эпоху седых пилигримов...

Мощеной дороги на много веков
быть нужной для дела хватило.
Все видно. Не надо избыточных слов!
Во всем – вековечная сила!

Но что мне «Херон»? Что герань на окне?
И что мне Сан Дзено Маджори?
Здесь те же картины висят на стене
и всяких хватает историй.

ТЫ

И дети выросли, и внуки,
а ты – такая, как всегда!
И в мире нет такой науки,
чтобы твоё предвидеть: «Да!»

Наоборотная до боли –
готова вспыхнуть каждый миг.
Но по рощению «брокколи»
читаешь уйму умных книг.

Стрижешь собаку неустанно
(как будто нет, кого побрить...)
Когда ты принимаешь ванну,
в ней грудь не можешь утопить.

То афродито-сексуально
из пены попкой поблестишь,
то без стыда, вполне реально
на кухню голой побежишь...

Венецианские каналы,
сверкнув стыдливо лоном вод,
смогли вписать в свои анналы
твой неожиданный приход.

Там солнце весело всходило,
и пролетали катера...
Гондола на воде застыла
единством «завтра» и «вчера»...

И не при чем тут дни рожденья,
когда есть в этом мире ты –
вся в удивленном восхищенье
от стран далеких красоты!

СКАЗКА

Вся наша жизнь – театр за занавеской,
но только с этой, страшной стороны,
где Арлекин в костюме из обрезков
надет на гвоздь, торчащий из стены.

Когда приарлекинилась Мальвина
назло Пьеро в какой-то миг и час,
она еще не знала Буратино,
и то, как барабасит Карабас...

Курчавая попона Артемона
была надежной, теплой, как матрас...
Жизнь кукол и людей – традиционна!
Но вдруг огонь рисованный – погас!

Когда неугомонный Буратино
проткнул картину с пыльным очагом,
открылась дверь, свалилась паутина,
а там – театр! Холодный, новый дом.

Там все, как будто в легких снах под утро:
блестящий зал, и ramпы яркий свет,
на сцене оживает Кама-Сутра
в клубничной порнографии кассет...

Но быть игрушкой, право, не хотелось
ни на гвозде, ни в кресле у огня.
Пусть плетка болью не хлестала тело,
но мысль терзала, в колокол звоня...

О том, что вновь найдутся Карабасы
с желанием судьбою управлять!
А вместо плетки будут прибамбасы
Рыжьем и бриллиантами сиять.

Пыталась в юность ринуться Мальвина,
но эта дверь с красивой стороны
завешена холстом, где паутина...
рисованный очаг... и гладь стены...

ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ

Говорят, что прошлое
поросло быльем,
ничего хорошего на пути твоём...
То буран взбунтуется, то дожди внахлест...
Парус ветром вздуется,
словно мыслью тост.
Понесется в грешное
славословье слов,
тостовать по-прежнему –
будь всегда готов!
Пусть рука навытяжку –
не дрожит стопарь!
Коль имеешь выдержку,
значит, тостом – шпарь!
Песнь заздравья слышится,
друг не просто – пьет!
Через водку – дышит,
сквозь нее поет!
Гор скалистых призрак
над столом плывет,
через дружбы призму
нашу прошлость льет!
В этот образ скальный –
быль не прорастет...
Значит, будет дальний,
как всегда, поход!

НЕ ПОДСТАВЛЯЙ КОРМУ!

В кильватерном строю дыши спокойно!
Есть мудрый флагман. Доверяй ему!
Коль ветер стих – держи себя достойно!
В бесшумный штиль не подставляй корму!

По жизненным неведомым широтам
проложен курс решеньем высших сил.
Незримый штурман цель определил...
Не место вроде думам и заботам,
но делать надо то, что сам решил!

Когда идешь фарватером удачи
в кильватере, надежном по всему,
дистанцию – держи! А это значит –
в ревуший шторм не подставляй корму!

Взбивая в пену серость вод соленых
крутящимся до одури винтом,
по шхерам жизни до конца пройдем,
ведя по курсу корабли влюбленных,
желая им семь футов под килем!

В походе дальнем, знаю, надо верить
своей любимой, другу своему...
Всею, чью любовь аршином не измерить!
Но никому не подставлять корму!

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ

Есть поворот налево от Гизели,
который в долгих снах по-странному влечет,
где бурная река меж скалами течет,
где горы в белых бурках запотели
в туманной дымке утренних забот,
где на седых камнях по братски жмутся ели...
Там – отчее гнездо, откуда род идет!

Извилистым путем бродяги Фиагдона
исчерчен путь сюда, в наш двадцать первый век,
слиянем пенных вод Ардона, Гизельдона
и множества других родных кавказских рек.

Их всех объединил давно не дикий Терек.
Нет злобы у него, но грозный слышен стон...
В нем – боль за наши дни, без слез и без истерик,
в нем – гордость за людей, за вечный Иристон!

Есть поворот налево от Гизели,
с тропой в глубину теснины прошлых лет,
куда не достает от солнца яркий свет...
Ущелье сны мои травой пахучей стелет,
оставив наяву потомкам – генный след.
Дай Бог, чтобы они чуть раньше нас прозрели,
увидев жизнь отцов без видеокассет!

Пускай струей студеной время мчится
к истокам естества, к глубинам ледников!
Пусть камнепадом прошлое стучится
в темницу наших душ, как в будущее зов!

Пускай уходит боль от ложной правды века!
Пускай не обойдет здоровье стороной!
Когда лицом к лицу встречаешь Человека,
то никогда врагов не будет за спиной!

ТРОЕ И СОБАКА

Их было трое... День сгорал,
не подавая ночи знака...
Судьбы жестокий интеграл
глодала старая собака...

Смеясь от вздорных небылиц,
объятые всесильным хмелем,
вне всяких рамок и границ –
вплывали в странное веселье.

Их было трое в этот час –
вне отношений и вне брака.
С них не сводя потухших глаз
завыла мудрая собака.

Житейской лодки якоря
забросив в беспросветье тины,
Словами радостно соря –
они лепили смысл картины.

То снег, то мокрая капель...
Между зимой и летом – драка.
Когда все мысли про постель –
тогда кому нужна собака?

В НОВОМ ВЕКЕ

В прошлом веке мы виделись чаще.
Женских глаз понимали намеки...
У друзей, за столами сидящих,
в дни рождений румянились щеки...

Пили мы, ну – не то, чтобы... мало,
но стаканы всегда доливали...
Просто время еще не настало
нам вручать «За отвагу» медали.

Век, как ящик, бутылками тесен:
сто бутылок, сто лет – все едино!
Прошлый век даже тем интересен,
что полста отстучала судьбина.

Прошлый век – это лишь тренировка!
Счет годам начинаем сначала.
Только дозам – нужна рокировка:
на рюмашки меняем бокалы.

Значит, щеки слегка побледнеют...
Станет трезвенным профиль портрета,
животы в тот же миг похудеют...
Нам не пить – как два пальца об ...это!

Зябкий март двадцать первого века
ящик вскрыл и бутылка – открылась.
День рожденья – судьба человека,
та, которая нынче всхмелилась.

Что не хочется – пусть не сбывается!
Пусть исполнится только желанное!
Пусть в бокалы питье наливается!
Пусть удача придет долгожданная!

ЗА ЖЕНЩИН ПЬЕМ!

Как мокрый снег на парашюте,
как стон разорванной струны –
случайны в этом мире дети
давно оконченной войны.

Прослежена закономерность
в их «навороченной» судьбе –
они хранят любовь и верность,
держа надежду при себе.

Есть что-то знаковое в датах,
в их полосатых рубежах...
Ведь все, что было – лишь задаток
за будущих годов размах!

Пусть в белоснежный мех одеты
леса тургеневской земли!
Там юбилейным солнцесветом
снега России расцвели...

Забыв про старые обиды,
непониманий череду,
мы – лучших дней увидим виды,
имея целый век в виду!

Сомкнув ряды, как на параде,
подняв бокалы выше крыш,
мы пьем за Женщину, не глядя
на должность, званья и престиж!

В ПРИШНЕ

Что значит женский юбилей?
Да то же, что и день рожденья,
где есть цветы и поздравленья,
и непрменный круг друзей.
Где скучный не ведется счет!
Где дамам – лет... Ну, сколько надо,
чтобы узнать мужчину влет
затратив на процесс полвзгляда,
измерить все, что нужно, в нем,
включая уровень оклада,
и спрогнозировать при том
чего ему от жизни надо.

Что значит женский юбилей?
Когда столы накрыты в Пришне,
и дел, и лиц не видно лишних,
а тамада кричит: «Налей!»
И кто там врач, кто финансист,
кто в казначействах нынче главный...
Здесь тот «застольщик», кто речист,
кто ближе к юбилярше славной,
кто песни звонкие поет,
над кем парит орел державный.
И даже тот, кто лихо пьет,
своей судьбой – гусару равный.

Что значит женский юбилей?
Показ изысканнейшей моды
на вечной молодости годы,
в которых – радость общих дней.
За возраст – Бога не гневи!
Ведь годы – это жизни ноты.
Из них мелодию любви
слагает неизвестный кто-то...

И этот кто-то каждый миг
снимает наши дни на фото...
Слов ералаш – приводит в стих,
а это – трудная работа!

Пьем за гармонию души!
За резонанс сердец биенья!
Люби, грши, но не спеши
справлять года и дни рожденья!

НОЧНАЯ КАРТИНКА

Как половинка ягодицы,
как дыни сладостный овал,
луны декабрьской над столицей
оранжевый цветок вставал.
На этом апельсинном фоне
гранила свет – деревьев вязь...
Машина, вздрогнув на обгоне,
как будто в небеса взвилась.
В ночной, неповторимой черни,
в морозном воздухе зимы –
луна сдавала козырь – черви,
а вместе с ней сдавались мы
на милость хрусткого мороза
и снежных хлопьев чистоты.
Когда беда упала с воза,
до счастья только три версты!

НА ПАПЕРТЯХ ДОРОГ

Была дорога как стекло,
машину влево повело,
и вот она летит в сугроб – колеса к звездам...
Нас – лишь чуть-чуть не занесло,
но мчимся мы врагам назло,
ведь обратиться к небесам всегда не поздно!

Чтобы на папертях дорог
помог всемилостивый Бог!
А мы попросим у него совсем немного:
чтобы у дома был порог,
да пару добрую сапог,
и пусть к любимым напрямик ведет дорога!

Нас не подводят тормоза,
глядим судьбе глаза в глаза,
чтобы она была за нас в крутой разборке!
Голосовала точно «за»,
и кто бы, что бы не сказал –
но будем мы всегда тузы, а не шестерки!

МЫ НЕ БУДЕМ ГОНИМЫ

Подпевала машина,
поддывала машина –
то дороге, то мыслям нестройным.
Задувало в седины,
заливало бензином
карбюратор судьбы беспокойной.

Машет палкой гаишник,
он для нас третий лишний,
руку тянет, как нищий у храма.
Сделал морду лопатой,
будто мы виноваты,
что его – родила его мама.

Наша скорость за сотню,
мы не станем сегодня
наполнять кошелек попрошайки!
Нет в ментовке понятий,
и откуда им взять их,
если с ними – мы разные шайки.

Пусть помашет радаром
не за деньги, а даром.
Это будет ему – тренировка!
Жмем на пятой – и... мимо!
Если будем гонимы –
у водителя есть монтировка!

Подпевала машина,
поддывала машина –
то дороге, то мыслям нестройным.
Задувало в седины,
заливало бензином
карбюратор судьбы беспокойной.

ЯНВАРСКИЙ ТОСТ

Российский «старый» Новый год...
Январь – в разгаре.
Нам времени не страшен лед,
года – не старят!
То снегом заметает след,
то льется дождик...
но будущей весны расцвет
ждемся все же!
Прекрасной дамы новый год –
отъюбилеем!
Когда похмельный час пробьет –
переболеем!
Пусть рюмок заглушают звень
стихи и тосты!
Ведь завтра вспыхнет новый день –
все будет просто:
работы непочатый край,
семья, дежурства...
Такой врачебный женский «рай»,
где правят чувства.
Не то, что – долга! Мы в долгу –
лишь перед небом,
перед соломинкой в стогу,
да перед хлебом.
Перед родительской слезой,
учителями,
перед детьми, перед собой,
перед друзьями!
Должны друг с другом должники
жить долго очень!
Пока объятия крепки –
союз наш прочен!

В начале века на века
 шампанским брызнем!
Тысячелетия река
 плеснет нам жизни!
Для женщин возраст – вертопрах,
 предмет кокетства!
А юбилей – всего лишь шаг
 вперед из детства!

И-ЦЗИН, «КНИГА ПЕРЕМЕН»

Древнекитайской *«Книги перемен»*
скрытый смысл не всякому дается,
но каждому «философу» придется
познать старинной гексаграммы плен.
«Стропила прогибаются – к несчастью»?
А стоит ли искать двойное дно
у фразы *«Стойкость – к счастью»*, коль дано
мириться с нашей гибко-прочной властью?
Забуть про быт и собственное «я»?
Тогда никто на свете не осудит!
Замкнув себя в себе от бытия –
«Хулы не будет. И хвалы не будет».
Но жить «никак» – совсем не наша цель!
Уж лучше – прбпасть, чем на волю – щель!
«Не принимай лекарства – будет радость»,
через величье рек – *«благоприятен брод»*.
Кто тайный смысл меж этих строк найдет –
получит от своей судьбы награду.
«Цянь» – творчество, крепко, как неба суть!
Самоотдача *«кунь»* – с землею схожа,
опасность *«кань»* – в воде увидеть можно,
на ясность *«ли»*, как на огонь взглянуть!

Незыблемость горы в сужденье «гэнь» –
не исключает «дуй», как радость разрешенья.
Подвижность – громом возбужденья «чжэнь»
приводит к «сунь» – (ветров проникновенье).
Все восемь знаков «Книги перемен» –
набор триграмм, не терпящих замен.

А две триграммы (две – по три черты)
искомую составят гексаграмму,
которая не есть дорога к храму,
но разгадать намек сумеешь ты.
Случайных совпадений череда
в закономерность может превратиться,
поскольку многозначность будет литься,
как с гор кавказских талая вода.
Пусть иероглиф будущих побед
от туши неизбежных поражений
имеет негативно-черный цвет,
но пусть несет он белизну решений!
От предсказаний – до конца пути
придется по событиям идти!

В КАНУН РОЖДЕСТВА

* * *

Узнать сегодня можно «от Матфея»,
в сочельник прочитав бессмертный труд, –
о фарисеях и о саддукеях,
о дне, который люди долго ждут.

Лет за семьсот до Рождества Христова
Исаия спророчил этот миг:
в «Завете ветхом» воплотилось Слово,
основой став других, новейших книг...

* * *

«Когда Христос родился в Вифлееме,
волхвы с востока мудрые пришли
увидеть Иисуса, и со всеми –
почтить Царя, склонившись до земли.

Но кто уступит пост без содроганья?
Царь Ирод и священники его
не торопились изъявить желанье
сдать трон и все свое вокруг него.

Во всякой Иудее – есть свой Ирод,
готовый мудрецов к себе призвать,
все выведав у них – отправить с миром
как будто бы Младенца повидать.

Они пошли, звездой к Нему ведомы,
вручив дары – не возвратились вспять...
А Ирод в гневе (людям так знакомом)
всех малышей решил покарать.

Но потому Семейство и Святое,
что Ангел путь в Египет указал.
И там годами долгими в покое
Спаситель зова будущего ждал...»

* * *

Все вроде просто, даже все – известно:
две тыщи с лишком лет прошло с тех пор...
Но почему сейчас, скажите честно,
среди людей убийства и раздор?

«*Как сделалась блудницею столица?*» –
пророк поставил праведный вопрос!
Но и сейчас столица не стыдится,
являя миру свой прогнивший нос.

«Вино твое испорчено водою!»

Но и такого не найти вина!

Зато беда приходит за бедою,

ну а за той – уж новая видна!

Тогда князья законы преступали,

клеймились как *«сообщники воров»*...

Сейчас такие времена настали –

на прокуроров не хватает слов!

Все также спотыкаемся в суждениях,

нет *«чистых мест»* на праздничных столах,

уста лепечут в грубых выраженьях

пророчества на чуждых языках...

* * *

«Заповедь на заповедь, правило на правило» –

значит, слово за слово – с нулевым итогом?

Только небо зимнее вмиг меня поправило:

где-то тут немножечко, где-то там немного.

Станет все – по правилам, даже по законам,

«...сердце легкомысленных будет рассуждать»,

потому что слышатся праздничные звоны,

с Рождеством спускается к людям Благодать!

КАПОТЫ

И снова жизнь маячит на капоте,
а, значит, наяву и на виду.
Чуть сонные глаза свои протрете –
она уж здесь: в раю или в аду...

Какая есть! Другой пока не видно.
Но день за днем – и постарел капот.
А мимо нас на скорости завидной
промчался «Мерс», быстрее, чем самолет.

Сменив капот и поменяв машину
несемся вдаль со скоростью иной,
сказав: «Спасибо!» маслу и бензину,
колесам, не ушедшим на покой!

И снова жизнь – присела на капоте,
улыбкой джиокондовой маня.
И вновь судьба в неистовом полете
коснулась крыл летящего коня!

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Старый стиль уже не очень моден,
новый век затребовал свое...
Старый стиль для жизни не пригоден,
как прокисшей осенью жнивье.

Только почему-то ежегодно
каждый – дня тринадцатого ждет,
чтобы за столом и всенародно
вместе встретить старый Новый Год.

Просто, день любой – он в чем-то новый,
в чем-то – старый, в чем-то выходной,
в завтра перейти всегда готовый,
будущему – прошлостью родной.

Пусть число тринадцать и не очень,
мы на встречу с будущим – придем!
чем-нибудь, но глотки наши смочим!
В Новый Год – по-старому попьем!

ИНОЙ ДЕНЬ

И снова нет мороза на Крещение...
Но, правда, нет ни друга, ни гульбы...
Снег не идет... и нет, увы, прощенья
за пустоту крещенской ворожбы.

Никто башмак не бросит за ворота...
Да и ворот в многоэтажках нет,
как и желанья бросить с разворота
обноски жизни в праздничный кювет.

Застольное стремление угасло...
Вопрос излишний: «Что бы нам поесть?»
Хлеб с солью да подсолнечное масло...
А значит, и застолье – все же есть!

Становится покой – всего дороже,
затих сердечный скачущий галоп...
Все реже блики прошлого тревожат,
все ближе звук команды тихой: «Стоп!»

И все-таки опять придут морозы!
Сквозь иней вспыхнет вороная бровь!
Стихи заменят равнодушие прозы,
вскипит в сосудах алой мощью кровь!

Крещенский день приходит непременно
с открытым небом, святостью воды...
Пусть этот день – иной и современный,
но он, как прежде, враг любой беды!

БЛАТНЯК

Я помню, был Аркадий Северный,
Высоцкий душу теребил,
когда со скрипом, будто скрепером,
дорогу песне проложил.

Есть Шуфутинский, Круг и Новиков,
Звездинский и «Лесоповал»,
но шансонье российских новеньких –
я, право слово, не слыхал.

Блатные песни в ночи зимние
слагались раньше в лагерях.
Кто отсидел – теперь все с именем,
хрипатят с «Кэмэлом» в зубах.

А молодые – безымянные,
тем – до параша далеко.
Для них и тюрьмы – иностранные,
где пьют за вредность молоко.

Они живут не «по понятиям»,
не знают шконки окорот,
зато с «буграми» – по-приятельски
разделят новый анекдот.

Им ни к чему «лохматить бабушку»,
они «по фене» – кое как.
Зато – на сцене! Вот и ладушки!
Но это точно – не блатняк!

ШАРМ-ЭЛЬ-ШЕЙХСКИЕ ЗАМЕТКИ

Беглый взгляд

Стены глины, как руины,
рядом с пляжем громоздятся,
желто-серыми грядами
нависая над водой...

А в пустыне – бедуины
рады в ужин расстараться
и встречать выходят сами
интуристов пестрый строй.

Где вокруг шуршит пустыня
в терриконах бурой массы –
там оазисы у моря –
рукотворной красотой...

Лишь один «кондишен» стынет
в номерах (почти прекрасных),
извиняясь: «Ай эм сорри!»
с чисто русской простотой.

Почему-то море – Красным
называют по старинке.

А на деле – бирюзова
сине-жаркая вода.

То, что истинно потрясно –
не напишешь на картинке.

И Европа – не готова
здесь селиться навсегда.

Как из сказок Шахразады
белые дворцы отелей
в миражах пустынных далей
возникают у воды.

Египтяне очень рады
быть в таком надежном деле,
и его – «бакшиш» назвали,
значит, «бабки» – за труды.

Здесь коралловые рифы
темно-серым фиолетом
выделяются на фоне
светло-синей тишины...
Знойный воздух будит мифы –
с фараоновым портретом,
с клеопатровой ладонью,
с мощью сфинксовой спины.

Шарм–Эль–Шейх встречает жаром,
выжигая все живое.
Только море – поглощает
эти комплексы вины.
Пасть мурены в гроте старом...
скат качается, спокоен...
рыб цветастых бродят стаи
и не слышен плеск волны.

Зона отдыха и шарма –
пальмы, сауны и вина,
немцы, русские, арабы,
в плавках, в шортах, без всего...
Только есть такая карма
у породы осетина:
Что там мясо, или крабы?
Не хватает кой–кого!

На-ама Бей

Ты, судьба, хоть и настырна,
но ногами нас не бей,
если выпал туз козырный
по пути в На-ама Бей!

Двадцать фунтов за машину
без окошек и дверей,
пахнет ночью и бензином,
весь в огнях На-ама Бей.

Продается все, что нужно.
Что ненужно – тоже есть!
Нас обманывают дружно,
засывают пить и есть.

Ночь египетская стонет
от засилья русских слов.
В них язык арабский – тонет,
да и «аглицкий» – готов!

Пол-России в Шарм-Эль-Шейхе –
всех профессий и полов.
А теперь узнают шейхи
двух российских докторов.

Ходят, бедные, скучают, –
Не привыкли отдыхать.
Дни на солнце быстро тают,
значит, скоро уезжать!

*Эльф Лилля уа Лилля (фантазия)
Развлекательный комплекс «1001 ночь»*

Как в магрибском царстве сказок
колдовством объята ночи –
на египетском Синае,
в шарм–эль–шейхской духоте,
в необычности рассказов,
в справедливости пророчеств,
в совершенстве древних знаний,
и в базарной суете.

Сладкие дымы кальянов...
Египтяне в балахонах
на цепях несут кадила,
воскуря фимиам.
В аромате терпко–пряном
спят фламинго на газонах...
Будто прошлое застыло,
обещая детство нам.

Дивный город развлечений
среди пустыни необжитой –
башни, стены, павильоны,
разноцветные мечты...
Вспых неоновых свечений
черной ночью, тайной скрытой, –
эротические зоны
шарм–эль–шейхской красоты.

Здесь Синдбада–морехода
виден профиль лунно-зыбкий
в каждом встреченном арабе,
в ритмах музыки седой.
Тень Рамзеса – у прохода
вглубь истории Египта,
где Осирис миром правит,
бесконечно молодой.

Вдруг – из прошлого картины
на арене вековой.
Декорации – Египет
в совершенстве пирамид.
Изумрудно и рубинно
полыхают света свечи...
Мчится в прошлое на джипе
нашей памяти джигит.

Гурт непуганых баранов,
караван верблюдов стройных,
вольтижеры на арабских
грациозных скакунах...
Мир настал на поле брани,
прекратились мор и войны,
промелькнули в танцах братских
все народы, будто в снах...

Развалившись на диванах
под открытым черным небом
на подстилках самотканых –
сотни зрителей сидят.
Дух клубничный от кальянов,
запах кофе, запах хлеба,
ритмы танцев первозданных,
иностранок быстрый взгляд...

Танец живота – остаток
от большого представленья.
В ожиданье замирает
вся цветастая толпа...
Музыкальности припадок,
всех частичек сотрясенье –
египтянок прославляет.

Но толпа – всегда слепа!
Русская девчонка в танце
извивается, вращает –
всем, что может сотрясаться
под авральный барабан...
Ведь она последним шансом
танец живота считает,
за который, может стать,
ей достаток будет дан.

На пляже

На пляже утром рано
не так палит и жжет,
блестящим перламутром
от моря свет плывет...
Он освещает лица,
смывая ночи след,
не устаешь дивиться
на пляжный винегрет.
Вон – немка, или шведка –
баскетболистский стиль,
с ногами в виде веток,
похожа на костыль.
Две плоские морщинки
раскрыв взамен грудей –
пугающей картинкой
лежит между людей.
А рядом – муж, как мальчик,
начесан кок густой,
рисуетя, красавчик,
но, видно, – голубой.
А вон – две лесбиянки
целуются рот в рот.
Конечно, иностранки,
их черт не разберет.

Одну зовут Алиса,
другую звать Николь.
Судьба, как биссектриса,
их разделила вдоль.
Бормочут по-французски
про что-то про своё,
но хочется по-русски
сказать им: «Ё-моё!»

Подружки

Сбежав от вековечного недуга
из тех краев, где правит алкоголь,
влюбившись до беспамятства друг в друга –
сидят вдвоем Алиса и Николь.

В придуманной судьбе, иль в настоящей,
но, будто в эротическом кино,
они сплетались нежностью, кричащей
о том, что им иного не дано.

Так чем же вам мужчины насолили?
Зачем в глазах такая грусть и боль?
Не потому ли обо всем забыли
любовницы Алиса и Николь?

Коль захотите, с вами будет третий,
найдется и четвертый, дайте знать!
Но вы улыбкой это утро встретьте
и к морю приходите загорать!

Любить – всегда нужней, чем ненавидеть!
А в душной шарм–эль–шейхской пустоте –
никто ничем не сможет вас обидеть
и упрекнуть в любви неправоте.

Соседи по отелю

Московский повар Коля –
широкая душа!
Пьет джин и водку вволю,
надежно, не спеша.
Усы топорщит рьяно,
улыбка в полный рот,
от бара без стакана
ни в жизнь не отойдет!
Его жена Светлана
светла, крупна, умна,
И может утром рано
«махнуть» бокал вина.
А что сказать про пиво?
Его без меры пьют –
так просто, для отрыва
от тягостных минут.
А в баре – наш коллега
из Витебска сидит
и кое-что без смеха
соседкам говорит.
Бутылку – не обидит,
а выпьет за Союз,
все в нужном свете видит
Василий – белорус.
Про «Тиволи» расскажет,
на танцы пригласит,
но как с обеда «вмажет»,
так в баре и висит.
Он может под наркозом
принять удар под глаз,
уткнуться в чашку носом,
и песни спеть для нас.

Но он – мужик нормальный,
не жадный, не пустой,
по жизни экстремальной –
на службе не простой.
«Полтинник» стукнет скоро,
когда настанет май,
но с молодым задором
Василий пьет... не чай.
Переключив каналы
с «работы» на «отрыв»,
он – главный запевала
и к ужину призыв.

ОТДЫХ НА ОКЕ

Дышится, радостно дышится
свежестью хвойной струи.
Двигается, медленно движется
отпуск – один на троих.

Утренним бегом раздышанный,
вспаренный солнечным жглом,
громко, чтоб черти услышали,
плюхаюсь в окский проём.

Водная стужа отхлынула,
жару телес уступив.
Сдвинула, ветрено сдвинула –
речка объятья свои.

Воды вскипели пузырьчато,
пенной пивной изойдя...
В небе под облаком дырчатым
зрела угроза дождя.

ПОТОК

Бушует Эльба, заливая
подвалы храмов и дворцов,
водой бурлящей размывая
благополучия покров.
В потоке грязи многолетней,
невесть откуда... в никуда –
несутся ноты, карты, сплетни,
вода, как новая беда...
И в этот хаос бесшабашности,
в рожденный мигом беспредел,
с останками утопших тел,
назло своей природной важности,
на лодках мчался рой людской,
спасать конкретный имидж свой...

Всплывает галерея Дрездена,
неся войны прошедшей срам,
потомкам в завтра, будто крест – дана,
в опровержение мечтам.
Картины старые, иконные,
плывут по памяти веков –
на них и пешие, и конные,
и вечных истин трубный зов...
В быки мостов стучится прошлое,
сетями ловят мужиков,
несется скарб, разрушен кров,
все в этом мире позаброшено,
но даже мимолетный взгляд
ласкает женщины наряд.

Она не в «макси», и не в «мини»
промчалась в лодке надувной,
а в самом, что ни есть бикини –
летела болью головной...

Глазами, может от испуга,
вбирая все вокруг – в себя,
частичкой замкнутого круга
вращалась, плача и любя...
Вдруг двухметровым великаном
на лодку накатился вал,
поток воды ее подмял
и выплюнул одним туманом,
да нежным запахом духов,
да звуком утонувших слов.

БЕДА В ОСЕТИИ

Время горя на Кавказе!
Вдоль ущелья Кармадона,
раздвигая мощью скалы,
вниз обрушился ледник.
Словно кто-то черный сглазил
процветанье Иристана¹.
Биться сердце перестало
под неслышный детский крик...
Шапку льда с вершин сорвало!

Астероидом разлуки –
над альпийским ярким лугом
пронеслась она в момент.
Все вокруг загрохотало
от камней стирания звуков...
Уаиг² прошелся плугом,
завершив эксперимент.

¹ Иристон – Осетия (осет.)

² В мифологии – циклоп-великан (осет.)

Толщиною в сотни метров,
будто Колесо Балсага³,
растирал ледник селенья
на молекулы судьбы...
Жизням краткий срок отмерив,
не прошедшим и полшага, –
без мольбы, без сожаленья,
без расходов на гробы.

Плачут горы, как и прежде,
от безудержной стихии,
поглощающей бесстыдно
все живое в зоне бед.
Остается миг надежды,
что промчатся дни лихие...
И, быть может, станет видно,
что включился дальний свет...

Что Батрадзы и Сосланы⁴
с небожителями дружат,
не склоняя вниз коленей,
не сгибая мощных спин.
Что дзуары⁵ и аланы
в бесконечном симде⁶ кружат –
без вражды, без словопрений,
с жаждой славы осетин!

³ Мифологическое существо в виде колеса (осет.)

⁴ Мифологические богатыри (осет.)

⁵ Мифологические духи-покровители, небожители (осет.)

⁶ Осетинский круговой танец (осет.)

ПРОФИЛЬ АХМАТОВОЙ

Профиль Ахматовой, как наваждение
в мире насилья и зла,
словно ушедшего века видение
в дымке у края села.
Ночь петербургская ветрено-сизая
ей не давала уснуть,
дождик холодные рифмы нанизывал,
капли роняя на грудь.
Только писалась ей в эти мгновения
чувственность теплая слов.
Может, с небес доходило прозрение?
Может, шептал Гумилев?
Носом с кавказской знакомой горбинкой
чуяла правду она...
С каждой на сердце упавшей дождинкой
близилась сказочность сна.
Только напрасно надежда лелеялась –
счастье увидеть свое.
Все, что любилось, по ветру развеялось,
вмиг опустело жнивье.
Только остался на лунности матовой
четкий и вечный абрис –
незабываемый профиль Ахматовой,
свежий, как утренний бриз.

ЦЫГАН

Цыган – всегда цыган,
судьбой своей крещенный.
Когда он в меру пьян –
он в меру молчалив.
Налей-ка мне стакан
знакомый и прощенный,
как карточный обман,
как таборный мотив...
И – пускай пролетят юбилеи,
не затронув тебя в этот час!
Будто ветер по гулкой аллее –
мимо нас, мимо нас, мимо нас!
Пусть года прибавляются слепо,
но они пронесутся сейчас,
словно кони на скачках в Прилепах,
мимо нас, мимо нас, мимо нас!

Цыган – всегда игрок
по жизни и на сцене.
Но наступает срок –
и мудрость настает.
Гитары говорок
веками люди ценят,
как вольности урок,
в котором все поет!

И – пускай пролетят юбилеи,
не затронув тебя в этот час!
Будто ветер по гулкой аллее –
мимо нас, мимо нас, мимо нас!
Пусть года прибавляются слепо,
но они пронесутся сейчас,
словно кони на скачках в Прилепах,
мимо нас, мимо нас, мимо нас!

Девчонок – полон дом,
а в результате – внуки.
И ты уверен в том,
что это – к счастью путь.
Гремит весенний гром!
В объятьях крепнут руки!
А мы с тобой споем,
в чем нашей жизни суть!

И – пускай пролетят юбилеи,
не затронув тебя в этот час!
Будто ветер по гулкой аллее –
мимо нас, мимо нас, мимо нас!
Пусть года прибавляются слепо,
но они пронесутся сейчас,
словно кони на скачках в Прилепах,
мимо нас, мимо нас, мимо нас!

ВРАЧИ

Так что же все-таки больница?
Лечить – ее святая роль!
А для больного – боль и лица,
плывущие сквозь эту боль.
А для врача – работы поле.
Болит? Наркоз! И – не кричи!
Но единятся общей болью
с больными – редкие врачи...
И не компьютер, не профессор –
не могут ими управлять.
Они – природой данный сенсор,
способный сопереживать!

Пуškai он акробатит
с подругой до утра!
За то, домой вернувшись,
не курит, и не пьет,
от важных дел – согнувшись,
моральный пост блюдет!
Вокруг – друзья, подружки,
но – кремню он подстать
(полупустые кружки –
любитель поднимать).
Он стол накроет с блеском,
друзей поддержит рёв,
им наливает с плеском
стаканы до краев.
Но сам – душою в Сочи,
и телом – тоже там,
блуждая, между прочим,
по сочинским кустам.
Как Штирлиц, он скрывает
свою двойную суть,
но каждый день мечтает
куда-нибудь нырнуть!

СЕСТРЕ

Забудь, моя сестра,
про тяготы мирские!
Их избежать – невмочь,
их привлекать – нельзя...
Не признавай молву
и сплетни городские!
Их унесет зима,
по памяти скользя...

ВНОВЬ НЕСТЕРПИМАЯ ЖАРА...

И строчки не ложатся друг на друга,
и теней нет от пополневших муз...
Затих Пегас, расслаблена подруга,
на лаврах спит писательский Союз...

Висит жара над жухлыми листьями,
стреляют осы остросмыслом жал,
природа – издевается над нами,
являя лавой пышущий оскал.

Потянет ночью северной прохладой,
сквозняк прошелестит между листов...
Я вновь пишу! И большего – не надо!
Хватило бы в потемках нужных слов!

Звенит комар, готовясь впиться в ухо,
моргают окна желтосветьем глаз.
На улице, во рту, и в жизни – сухо!
А в мыслях – ледяющий глотку квас...

Пусть снова осень поторопит зиму!
Снаружи – холод, а внутри – тепло...
Что лето? Адский жар, где чувства стынут...
На сердце – льда промерзшее стекло.

В БЕРЛИНЕ

На двухрядке играет мужик,
где-то там: у Европы в середине...
Пухлых немочек круглые попки
бес, как видно, не русский – кружит.
Нет таверны, и женщины нет,
мелочь жизни стекается в марки...
Старых песен горячечный бред –
там, где наши победные арки...

То «цыганочки» звонкий расклад,
то «На сопках Манчжурии» льется...
Пиво «Gösser» холодное пьется,
только хмелем не полнится взгляд...
Вспомнит русских прудов забытье –
лягушачье владенье вприпрыжку...
Дождь, стучащий под ветра нытье,
в кем-то снятую автопокрышку...

Где студеной водой родника
моют женщины ног загорелость.
Где и детство, и юность и зрелость –
охраняет природы рука.
В холодильнике водка дрожит,
белым инеем крыта бутылка...
Кто-то в комнате тихой храпит...
Кто-то женщину чует затылком...

С шумом возятся дети в пруду,
ловят – то карася, то ротана...
Память прошлого – вроде тумана
застилает годов ерунду...
Вдруг слышалась русская речь –
женский голос из родины милой!
С этим чудом так хочется лечь –
хоть в постель, хоть в объятья могилы...

ДВА ПЕРСТНЯ

Где берег моря не порочен,
где светло-лунная тропа
пронзает темень южной ночи,
там все равно – любовь слепа!

В том далеке, в начале мира
катились волны вновь и вновь...
Там Пушкин – молодой задира –
шумел у моря про любовь...

Горящей страстью окольцован,
готовый вечно воздыхать,
письмо графине Воронцовой
решился ночью начеркать...

Перо гусиное скрипело,
разбрызгивая грусть чернил...
Свеча надежды разомлела
от жара слов и черни крыл...

Неимоверным совпаденьем
вошли частоты в резонанс:
биенье пульса – с волн биеньем...
И это был последний шанс...

Два перстня. Двусердечным ликом
благословила их луна...
Два перстня. Оба с сердоликом.
но Муза, как всегда, одна...

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

Деревенский домик у дороги,
тридцать соток, уходящих в лес,
суеются осы-недотроги –
злые знаки сухости небес.

С края, где стрекается крапива,
лопуху – репейник верный друг,
грядки – летней зеленью красивы,
падалицы яблоки вокруг.

Хилый столик ждет своих хозяев
(кто они – не ведомо пока!)
Пыль из-под колес, в жаре растаяв,
липнет на машинные бока.

Наскоро готовятся закуски.
Водка – есть, еще бы ей не быть!
Потому что договор – по-русски
надобно для верности обмыть.

Правда, нет воды. И газ природный
в этот уголок не проведен,
дом для проживания – не годный,
но за то – какая связь времен!

Прошлый век роднится с новым веком,
трасса мимо дома пролегла...
Ну, а много ль нужно человекам,
чтобы завершить свои дела?

Даже если сделка не случится,
это никакая не беда!
Повод есть покушать и напиться,
остальное, право, ерунда!

Вот такой он, главный бизнес русский!
Что-то для чего-то покупать,
выносить питейные нагрузки,
а потом про это – забывать!

Деревенский домик покосился,
ос жужжащих приутихнул рой,
август – так воды и не напился,
опаленный бешеной жарой.

Скоро осень хлипкими дождями
оросит желания ростки...
Для чего хотим в деревню? Сами –
мы не знаем! Может – от тоски?

ИНКАССАТОРАМ

Есть «за бугром» секретное оружие:
в снаряды попадают на лету.
А ты опять сегодня не поужинал
и мчишься сквозь метель и пустоту.

Так и живет родная инкассация,
в бессоньи пробираясь через ночь...
Она в мечтах к любимым прикасается,
но лишь удача сможет ей помочь.

То тренировки с тяжкими «железками»,
то схватки, то прицельная стрельба...
Движенья и в покое стали резкими,
забыт и хмель, и русская гульба.

Пройдет зима и расцветет акация,
а где-то вверх взовьется виноград...
Но будет вновь трудиться инкассация –
без сна, без сожаленья, без наград...

ЗАМЕТКИ В СОЧЕЛЬНИК...

В сочельник вдруг растеплилась погода,
стучит капель, метелит мокрый снег...
В начале вновь родившегося года
грядет весна, обманывая всех.

Бурлит в бассейне поросль молодая,
из сауны древесный запах льет...
И пусть снежинки за окном витают!
Затем он и приходит – Новый Год!

Снег на пурпурной попе быстро тает.
Что холод, если тело горячо?
Оно и снег, как видно, обжигает
и тут температура – не при чем!

Каминный пламень, мятный дух кальяна,
на кухне – об артистах разговор...
Как жаль, что мы родились слишком рано,
а жизнь слилась, как речка через створ...

Семидесятилетние подружки,
как в детстве, пошептаться норовят...
Пусть на столе – остынут с чаем кружки,
коль чада с домочадцами галдят!

Но вновь мороз студеный воротился
под гром петард и фейерверк огней.
А, значит, кто-то все-таки родился!
И ель стоит. И мишура – на ней.

Поверьте русской мысли осетина,
как уголь верит старой кочерге!
Россия! Ты – как лапти у камина
стоишь с Европой на одной ноге!

В тебе есть все, как в вечном винегрете,
В солянке сборной, в овощном рагу...
Твое застолье – лучшее на свете!
А ты сама – как угли на снегу!

НУ И ПУСТЬ

Пахнуло легким трепетом «Клима»,
послышалось: «Давай начнем сначала!»
Потом сюрреализмом задышало
пространство воспаленного ума...

Быть может, терпкий Сальвадор Дали
в своих духах на белый свет вернулся,
кольнув усами небо, обернулся,
чтобы исчезнуть в скомканной дали?...

Быть может, ты поверила в меня,
когда теплом груди ко мне прильнула,
и руки на спине моей сомкнула,
себя, меня и белый свет кляня?..

К чему слова, когда глаза в глазах
упрямо ищут мыслей подтвержденья?
Пусть будет ревность, ссоры и сомненья,
но пусть неверье обратится в прах!...

М.З. ШУФУТИНСКОМУ

В маленьком каком-то городке –
полон зал простых людей России.
Льются песни, что на «бис» просили
в том «периферийном» далеке.

Случай был закономерно прост,
день, которым вечно будешь сыт...
Претерпев российский вечный пост,
женщина заплакала навзрыд!

Напряженье мощью в сотни ГЭС
назревало на подмостках старых.
В единенье тысяч глаз усталых –
шел непредсказуемый процесс.

Песня «про тюрьму и про печаль»,
смысл которой ясен, а не скрыт...
Только вдруг, уткнувшись носом в шаль,
женщина заплакала навзрыд.

Слезы переполнили глаза,
заструились по щекам горячим...
Зал встает с каким-то нервным плачем,
с тем, где бесполезны тормоза...

Будто снова выставлен конвой,
опоясав проволокой быт.
Под сирены незабытой вой –
женщина заплакала навзрыд.

Пусть катарсис – греческая суть,
очищенье от коросты века,
но в слезах простого человека
есть прозренья – в будущее путь.

Только веры почему-то нет,
что любовь преграды сокрушит!
И с надеждой получить совет –
женщина заплакала навзрыд!

МАТВЕИЧУ

Его смеющимся глазам,
так много видевшим на свете,
теперь другое солнце светит
не на земле, а где-то там...

Он задохнулся от судьбы,
безжалостной, как наше время,
устав нести надежды бремя,
но без роптанья и мольбы.

И не при чем угарный газ!
Он – только повод, не причина.
У смерти – страшная личина,
лежащая в глубинах нас...

Пускай в небытие найдет
его земное утешенье!
Судьбы фатального решенья
никто не знает наперед!

Рыбалки тихая вода –
останется друзьям навечно!
А он с улыбкой человечной
ушел к ушедшим – навсегда!

И ни к чему прощальный стих,
скорбяще-траурные речи...
Он лишь уснул... До скорой встречи!
Ведь до нее – всего лишь миг...

ОБОЮДОДАННОСТЬ

Белой вспышкой гладиолусы
в давний сон тебя вернут,
где любимый гладит волосы
в тесноте ночных минут...
Вспомнишь давнее и нежное
в этой памятной глуши,
где и ревность – неизбежная,
и метания души...
Там обиды плещут слезные,
там гитарный перебор,
скрипы снега в дни морозные,
да признаний жарких вздор...
Полыхают свечи пламенем
в канделябрах миражей,
непонятым вьется знаменем
разноцветье витражей...
Акварельных пятен видимость,
дым успехов и побед –
все на свете можно выдумать,
но реальность счастья – нет!
А оно – в противоречиях,
где на каждый минус – плюс,
где в пучине многогочечия
нужных слов упрятан груз.
Значит, в обоюдоданности –
мы с тобою – визави,
на Земле, а не в туманности,
ищем интеграл любви!
Много лет с начала поиска
не мешает нам ничуть!
Мы – в одном вагоне поезда,
общие – купе и путь!

НОРД-ОСТ

Не пессимизм, а оптимизм
в подлунном мире виртуален,
когда в заложниках лежит
страна не конченной войны.
Харизма века – терроризм –
хасидским поясом реален.
На женской талии – пластид
грозит разрывом тишины.
Глаза детей...неслышный плач... –
в набитом до отказа зале
с названием двойным – Норд-Ост,
где музыкальность визави...
Но есть у мира свой палач –
ствол автоматный крепкой стали,
свинцом плюющий в полный рост
проблем, и жизни, и любви...
Стокгольмский, говорят, синдром:
заложник – с террористом дружит.
Мол, есть особый тайный смысл
в единстве «пана» и раба!
Но только я уверен в том,
что раб – «хозяина» задушит,
когда расслабленную мысль
свободы позовет труба!
Пусть газ, впиваясь в мозга суть,
сонливостью смыкает веки,
внося разлад в жизневорот,
подталкивая в вечность сна!
Бог нам поможет не заснуть,
ведь мы – простые «человеки»,
которых непременно ждет
рожденья новая весна!

ПАРАЛЛЕЛИ

Вспоминаем о тех, кто погиб «подо Ржевом»
от разрывов шрапнельных: своих и чужих,
опаленных шарахнувшим вдруг рыжим небом
ради громких побед у граничной межи...

На Великой войне – там, конечно, понятно,
где схлестнулись два мира безжалостно в лоб.
Свет от солнца струил не к Земле, а обратно.
Был в атаке – салют... и не нужен был гроб...

Только нет просветления в десятилетиях:
так же стонет страна от неясных утрат,
так же плачут судьбой обделенные дети,
на которых срывает свой гнев автомат...

Под предлогом любым: от Аллаха до нефти
поражает людей золотая чума...

Только чем человек за болезни ответит,
если рвутся страдания в наши дома?

Зеленеют глаза от шуршания баксов,
узит в точку зрачки повсеместный морфин,
на паскудную жизнь повышается такса,
да безмерный налог собирает Минфин.

Открывают огонь по «своим» – не чужие.
Это те, кто утратили главный контроль!
Если совесть пропала – пусть, даже мы живы,
только это для ада всегдашний пароль.

Ты погиб «подо Ржевом», я – в Москве на Норд-Осте,
наши судьбы едины в невинности нас.
Мы лежать будем рядом, на вселенском погосте,
в ожидании мира – для живущих, для вас!

ПЛЕНЭР

Ты опять внезапно разозлилась!
Только я – готов, как пионер
быть на стреме, что бы ни случилось!
И с мольбертом ехать на пленэр!

Есть и краски, есть и кисти тоже!
Вижу незадачу лишь в одном, –
что никак десятки дней не можем
мы остаться, как тогда, вдвоем!

Замысел невиданных пейзажей
поражает виртуальный взгляд.
Но чисты листы, хоть хлопья сажи –
в белизну прорваться норовят.

На жаре огнем пылают губы
в поисках струящейся воды...
Также краски засыхают в тубах
сгустками непонятой беды...

Время ветром раздувает сажу
от не догоревшего костра...
Пусть горит! А я тебя поглажу
по груди. И буду – до утра!

Этот сон, основанный на вере
в мощь гормонов выброшенных в кровь, –
вижу вновь. Как будто на пленэре
пишется картина про любовь.

ПРО «ЕЩЕ» И «УЖЕ»

Про «**еще**» и «**уже**» – понаписано много,
Только думаю, как ни крути,
что **еще** – не закончена наша дорога,
что **уже** – середина пути!

Есть четыре отрезка по жизни астральной,
в каждом – есть и вопрос и ответ.
Называется первый период – нормально,
в ожидании дел: «**Еще нет!**»
Нет ни горя, ни славы, ни низкой зарплаты,
ни предательства бывших друзей...
И **еще** не проставлены круглые даты,
потому что далек юбилей.

У второго периода – имя простое,
словно «родина», «хлеб» и «вода».
Это – время отсутствия в жизни покоя,
а название ему – «**Уже – да!**»
Есть любимые девушки, крепкие руки,
есть работы любимой размах!
Ты **уже** различаешь волшебные звуки,
видишь скрытую тайну в глазах.
Ты **уже** познакомился с сексом и модой,
знаешь дружбы надежной плечо,
упиваешься ярко-желанной свободой,
свечишь людям, сгорая свечой...

Ну, а третий период – приходит на взлёте,
неизбежно, как дней череда,
где по-прежнему ты – в каждодневной работе.
И название ему – «**Еще да!**»
Есть **еще** те, кто любит, но стало их мало,
пусть **еще** не погашен задор.
Пресыщения жизнью **еще** не настало,
и не слышен от женщин укор...

Но в четвертый период – не стоит ломиться –
под названием тупым: «**Уже – нет!**»
Нет ни стойкости в членах, и ночью не спится,
есть – протертость еды на обед...

Так что третий период – пусть будет подольше!
Пусть мерцает надежды звезда!
Нам – не много, не мало, но только – побольше!
И пускай говорят: «**Еще да!**»

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ

Снежный хруст декабря,
ночи сказочной тишь...
Почему выхожу я за рамки?
Столько прожито зря,
если ты говоришь,
что я строю воздушные замки!

Был непрочным кирпич,
виртуальным раствор,
лишь одна оболочка мерцала?
Но возможно ль достичь
с тех – до нынешних пор,
обстановки дворцового зала?

Все, что сделал, – пустяк?
Это просто – мираж?
(Тот, в котором и ты обитаешь!)
Жизнь прошла просто так,
как зачеркнутый стаж?
Ты за это меня упрекаешь?

Только был я рожден
делать все для людей,
под себя не сгребая округу...
Был всегда убежден,
что из всех площадей –
нет прекраснее «Помощи другу».

В этом замке моем
сотни разных статей,
книг, патентов, рожденных ученых.
Разве только объем?
А глубинность идей
в коридорных размахах возвращенных?

В летаргическом сне,
но работа идет:
малым штатом и с низкой зарплатой.
Ты советуешь мне
заморозиться в лед?
Или с ветром заброситься в Штаты?

Ты меня не кори!
Я останусь таким,
каковым предназначен скитаться!
Пролетят декабри,
но седой пилигрим
не сумеет с ушедшим расстаться!

СУРДОКАМЕРА

Е. Серкину

Гримак* старается! Сжимается
в песчинку мощь сопротивления.
С гипнозом – всякое внушается,
и даже «собственное» мнение.

Идя на поводе желания,
рукой плывешь по невесомости,
готов прочувствовать страдания,
приумножать свои способности.

За любопытство платят дешево,
но все же больше, чем в получку...
В науке – ничего хорошего!
С Америкой идем на случку.

В эксперименте – надо действовать!
И ты, как в космосе, стараешься.
Чтобы запросам соответствовать –
по триста раз присесть пытаешься.

С тебя снимают показатели,
кривульки энцефалограммные.
Считают медики-мечтатели
эффектом – столбики стограммные!

Жаль, что старания – напрасные!
Уволен в званье подполковничьем,
чтобы возить цветы – прекрасные,
как вспышки света звездной полночью...

Пусть пенсионный возраст скажется
на росте благосостояния!
Удушье от тебя – откажется!
И вновь начнут бурлить желания!

* Л.П. Гримак – автор книги «Резервы человеческой психики»

Как Шварценеггер, спрыгнув с «Хаммера»,
не слышит взрывов в киноленте –
так наша жизнь, как сурдокамера,
имеет нас в эксперименте.

Но вот в гипноз – не стоит вкручивать!
Пускай года от нас – забегали!
На старте ключ! Мечта – горючее!
Отсчет обратный. И – «Поехали!»

ЧАЙНИК

Чайник свистом намекает
на кипение нутра,
просто так желая паром поделиться.
По бокам вода стекает –
выключать его пора,
если в жизни он не смог определиться.

А ему бы «без базара»
затушить горящий газ,
плесканув кипящей сутью на конфорки.
В ожидании пожара,
в неурочный жара час,
завершить незавершенные разборки.

Чайник, свистнув, захлебнулся,
потеряв свисток души,
отключив свое кипенье – до покоя.
Теплым вздохом колыхнулся
воздух в кухонной тиши,
и затих в угаре чайного запоя.

ТЕНДЕНЦИЯ ПАРАДОКСАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ

Дорога, как веревочка,
доводит до петли.
А там стоит «оптовочка»,
ловя судьбу в пыли.
Уже давно не целочка,
хоть на головке бант,
но верит наша девочка
в хороший вариант.
Вдруг рыцарь редкий встретится,
к работе подвезет,
глядишь, любовь завертится,
и в жизни – повезет.
Плюются «Лады» с «Волгами»,
промчался «Мерседес»,
но в ожиданье долгое
упрятан интерес...
Взмахнет рукой уверенной
(машинам стоп-сигнал).
Годами – жест проверенный,
раз кто-то – точно встал!
Эмоций импотенция –
в них парадокса суть!
А главное – тенденция
искать кратчайший путь.
Не удивить нарядами
который год подряд...
Все так же «Мерсы» с «Ладами»
уходят в левый ряд.
Дорога, как веревочка,
доводит до петли.
И все-таки «оптовочку»
куда-то увезли...

ЧТО–ТЫ? ЧТО–ТЫ? ЧТО–ТЫ?

«Что–ты, что–ты, что–ты?»... пулеметил друг.
«Все вокруг – частоты. Жизнь – порочный круг.
Я тебе – товарис-ч и казак донской,
до мирских пожарищ нам подать рукой.
Рухнув, небоскребы изменили свет:
негде ставить пробы, виноватых – нет!
Прячется бен–Ладен, жметса шейх Омар,
но о них баллады пишет мал и стар...
Автоматной строчкой, взрывами ракет
попадают точно – в место, где их нет.
Триллионы баксов выбросив в песок,
растревожив факсов звонкий голосок...
Терроризму, вроде, нанесен удар,
но бен–Ладен в моде, как и шейх Омар.
Лишь одни спецслужбы знают «ху ис ху»!
В чем основа дружбы – не понять лоху:
Запада с Востоком упрочняем связь,
только ненароком ты в нее не влазь!
Наш премьер лукавит. Принцип – очень стар!
Всем на свете правит – нефтяной базар.
Рынок – как синоним власти мировой:
кто кого догонит – тот и с головой.
Так и в медицине: человек – товар.
Кто хитрей – тот «кинет», у него – навар...
Земляки–липчане, други–туляки,
сдвинемся плечами – вместе, мужики!
Что-нибудь, но, точно, спьяну – сотворим!
Наш союз – бессрочный, прямо говорим!
Ты, товарищ-щ-щ, тоже подбирайся к нам,
иудей – по роже, чукча – по мозгам!»
Подхожу поближе. Что-то тут не так!
Друга, вроде, – вижу... Шустрый, как дончак!
После двух бутылок – свежим огурцом?
Почесал затылок, а на сердце ком.
Потому что друг мой – трезв, как никогда...
Тут вот и подумай – где придет беда...

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
(шутка)**

Виктор Федорыч Пахомов!
Не волнуйтесь, дорогой!
Я в Черни и Туле – дома,
все такой же, не другой!
Пушкин, Лермонтов, Тургенев!
И, конечно, Лев Толстой!
Что ни человек – то гений!
И – великий! И – простой!
Ни один из них, я знаю,
не был принят в ваш «Союз».
Ведь они, подозреваю,
не могли прожить без муз!
Я, не скрою, тоже – скромн,
и «Союза» я не член!
Значит, в чем-то – им подобен:
жду в застое – перемен!
А в застолье – жажду тостов,
да вниманья муз и дам.
И за это, очень просто,
все регалии отдам!
Выдать членские билеты –
надо чернским! Очень ждут!
А какие наши «леты»?
Без билета отнесут!
Виктор Федорыч Пахомов!
Председатель и поэт!
Хорошо, что мы – знакомы!
Плохо, что билета – нет!

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ЭКЗАМЕН

Экзамен междисциплинарный –
не просто в практику внедрен!
Старинный опыт кулинарный
напоминает чем-то он.

Изготовлением салатов
гордится повар как никак,
да белизной своих халатов,
да тем, как смотрится колпак!

Теперь врачебным винегретом
мы угощаем молодежь.
Всезнайским правильным ответом
сам принцип – вроде бы хорош!

Пройдя огонь и воду тестов,
в умениях тоже эрудит –
студент подходит!.. Будто тесто
в квашне экзаменов бродит.

Сидят премудрые студенты
напротив трех профессоров
Они прочли шпаргалок ленты
и каждый выступить готов.

Все проклинаят министерство,
несносны лето и жара...
Доценты – просто мини-стервы,
и макси-стервь – профессора.

Но жизнь студента и экзамен –
есть двуединства образец.
А сам процесс лишь тем и славен,
что скорый видится конец.

2003 ГОД

Блеют козы на выгоне,
им пришедшемся кстати...
Люди – блеют о выгоде,
о хорошей зарплате.
Год две тысячи третий
надвигается монстром.
Тем, которого встретим,
как мента – «Коза nostra».
Был две тыщи – змеиный,
огнедыше-драконный,
а за ним – лошадиный,
от кнута – потогонный.
Третий в новом столетье –
год покорно-козлиный.
Он в пуховом берете,
с головою повинной.
Президента ответы –
будто речи оракула.
А на небе рассветы –
пивом с красными раками...
Льет сияние светлое –
на враждебную мельницу.
Только нежное с ветками –
все в муку перемелется!
От колючести розовой –
руки красятся ранами!
Пусть бы все были козами!
Только стали – баранами!

БЛУЖДЕНИЯ ЛЮБВИ

Любовь блуждает по извилистым
тропинкам памяти твоей,
с цветами, а когда и с вилами,
встречая новый юбилей.

Блеснет тропинка, будто лысина
сверкнет под бренностью волос...
Пускай ведет совсем не в высь она,
но у любви – особый спрос!

Ведь страсть все та же, даже в старости
сжигает время и покой!
И пусть приходит страж усталости
как можно позже за тобой!

Поступки юношески вздорные –
любви надежные друзья!
А грусть и стресс – «волки позорные»,
сдаваться им никак нельзя!

Такое, может быть, случается,
когда извилина одна,
когда бутылка выпивается
на треть ее, а не до дна!

Блуждай, мой друг, покуда блудится!
Живи захлеб, но не тони!
Любовный жар пусть не остудится
в случайно солнечной тени!

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Французы говорят: «Ищите женщину!»
А, значит, – уходите в бесконечное...
в неясность... в дел немислимых заверченность...
в ответственность, и, все-таки, – в беспечное...

Её дела – прогнозам неподвластные,
нет отрицанья им, нет оправдания...
Ведь женщина – по сущности прекрасная,
всегда права – от смеха до рыдания.

Взвывая легкой юбки многозначие,
туман духов навеяв на грядущее,
она шуршит по жизни: то – дурача нас,
то – удивляя деловитой сущностью.

Она непредсказуемостью славится –
все потому, что жизнь – явление личное.
А женский выбор крепким сплавом плавится
во что-то (для сторонних) необычное.

Так дай ей Бог удачи нежно-ласковой,
друзей хороших, чутко-понимающих,
что женский возраст праздничными красками
горит в глазах, по-юному – стреляющих!

ТЫ ТАКАЯ...

Ты такая же, все такая,
как бы возраст не торопил!
Осторожно тебя обнимая –
жду вмешательства высших сил...

Пусть подольше совместное длится
без отсчета секунд и дней!
Правда, утром – чего-то не спится,
да дыхание стало ровней...

Только страсти – никак не уняться,
лихорадит сердечный галоп...
Сны цветастые в полночи снятся,
и морщинится рифмами лоб...

Ты – то дальше, то видишься ближе,
то краснеешь, то – снега белей...
Я тебя от любви – ненавижу
даже в самый седой юбилей!

И лаская тебя, лаская, –
тихо шепчет моя борода:
«Ты такая же, все такая!
И останься такой навсегда!»

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ

Золотое наважденье
бесконечно юных лет:
Новый Год и день рожденья –
светлых праздников сюжет.
В тишине большого зала
Слышен тихий шепот свеч:
«Я устала...я – устала...
очень хочется прилечь...»
Заметалось в искрах пламя,
освещая глубь зрачков,
где легко взмахнул крылами
ангел самых чистых слов...
На спине чужие руки
ищут ласковый ответ,
но романсов старых звуки
ей подсказывают: «Нет!»
Сплошь – цветы и дуновенье
осторожности духов...
Это вечер сновидений...
Это – в будущее зов...
Просто хочется покоя
в суматохе и друзьях!
Пусть не знает, что такое:
в сердце боль и в жизни крах!
Дальний путь еще в начале,
ножки поступись так легка,
уплывают в ночь печали,
несерьезные пока...
Ни наветы, ни приметы,
ни завистливость людей,
ни обманные советы –
не страшны счастливой ей!
И от порчи, и от сглаза
бережет любви маяк.

Ночь душевного экстаза –
этой цели верный знак!
Золотое наважденье,
перекрестие путей,
вечной дружбы продолженье –
там, где правит Водолей.

СЕСТРИЧКА

Когда сгорает жизни спичка
под ледящий вой пурги –
в палате слышится: «Сестричка!
Хоть чем-нибудь мне помоги!»

И ты идешь навстречу вьюге,
к тускнеющим глазам больных,
где жизнь уже в последнем круге,
где смерть не знает слов иных...

Чужая боль близка до боли!
Свою профессию любя,
ты эту боль по доброй воле
берешь частично на себя.

Твой путь совсем не безнадежен,
пускай слаба здоровья нить!
Любой исход всегда возможен,
но брат по жизни – должен жить!

«Сестричка!» – слышится в палате...
и ты бросаешься туда,
набросив на себя халатик...
И – отдаляется беда.

ПОСТОЯНСТВО

Их постоянство в том непостоянстве,
что возмущает славный род мужской,
который дамы уличают в пьянстве,
в финтах налево – с женщиной другой.

Все хороши на этом белом свете!
Процесс взаимодействия полов,
в раю начавшись, – длится на планете
уж не одно созвездие веков!

Как хорошо быть ласковой телятей,
меняющей кормильцев только так,
не углубляясь в таинство кроватей,
считая смену стержней за пустяк!

Им не хватает искренности сердца,
им мало добродушия друзей!
Двойную остроту (смесь хрена с перцем)
искать готовы в винегрете дней!

То вдруг кому-то просто улыбнутся,
а с кем-то переспят («всего делов!»)...
С мужьями рядом поутру проснутся
и загадают исполненье снов.

И в этом их святое постоянство –
нести непостоянства идеал,
собой пронзая время и пространство,
сводить к нулю влюбленности накал.

РОЖДЕСТВО

В *темно-синевом* раздолье –
рыже-желтый овал...
Поднебесное застолье...
Снежно-пенистый бокал...
Фейерверком из бутылки
брызжет в небо СО₂...
Без шампанского горилка
будет точно – не права!
На Руси идет гулянье,
будто в ночь на Рождество
доброкрылое сиянье
осенило естество.
Вековой силой света
из неведомых высот –
Русь промерзшая согрета,
на реке худеет лед.
Или может айсберг синий
растопился в нас самих?
Или нежный снег России
слезно капнул и утих?
В небесах над Вифлеемом
негасимый звездный след...
на земле светло и немо,
тихо, будто горя – нет...
Теплой ночью ясли дышат,
где ягненок ищет кров...
Всем нужна на время крыша
из надежды добрых слов.
Сине-темность небосвода,
желто-рыжевость луны...
В Рождество звучит природа
резонансностью струны.

НА ДЕРИБАСОВСКОЙ ХОРОШАЯ ПОГОДА...

На Тулу и Калугу льют дожди...
В Москве опять хорошая погода.
Там – царствуют по-прежнему вожди,
побрызгивая на судьбу народа...

Смывает дождь бюджетный профицит
и отмывает грязь с купюр бумажных...
Вновь совести и мысли – дефицит...
Кого мочить – верхам всегда не важно!

Оплакивает небо торжества
трехвекового ныне Петербурга...
Час истины – пока что не настал,
но снизился у властной кожи тургор.

Партийный объявляется прием
певцов, льстецов, и прочих скоморохов!
А мы на них работаем. Живем,
себе не позволяя лишних вздохов!

На Тулу и Калугу льют дожди...
В Москве и Путинбурге – солнце светит!
Там – хорошо! Там – царствуют вожди,
за чей покой – мы, как всегда, в ответе!

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Раньше было снижение цен,
а теперь – повышение пенсий.
Позади – отрицательный хрен,
впереди – положительный пеннис!

Положили его на народ,
как теперь говорится, с прибором.
Вновь Россия к пучине гребет
и теряет людей под забором.

Власть и деньги – иконам взамен.
Имя Божье – используют все!
Хилый призрак благих перемен –
только в памяти нашей бытует.

Оскорбленную славу бойцов –
День защитника вряд ли искупит!
От подачек придворных льстецов
несварение мыслей наступит.

Миллиарды идут на дворцы,
что должны «возвеличить державу».
Как всегда без штанов – мудрецы
добывают для родины славу!

Призрак старый снижения цен
и фантом повышения пенсий...
Не дождется страна перемен,
если правит в правительстве пеннис!

ТРИ ДЕВИЦЫ...

Мы мчимся по трассе
в потоке машин,
а где-то три дамы гуляют...
По-тихому «квасят»
за день именин,
но все-таки нас – вспоминают!

Весельем гудит
телефона труба!
А мы, как голодные волки!
Ведь есть аппетит,
и не дура губа,
и клацают зубы на полке!

Блатные мотивы
нам вместо еды,
грозятся то шконкой, то вышкой...
Но мы еще живы:
не пьем ерунды,
икаем – воздушной отрыжкой.

Почти что святые –
в жестянке судьбы
со скоростью более сотни
несем, крутые...
Мелькают посты,
как в бешеном сне – подворотни.

Намерив ударные
сто тридцать пять,
гаишник из будки взвинтился
в обнимку с радаром,
но трудно догнать
того, кто летать научился!

А день именин
мы отметим потом,
когда он по новой наступит!
Уже без машин
по единой попьем,
и дамам – никто не уступит!

Но тосты, конечно,
пусть будут за них,
затеявших «междусобойчик»!
за жизнь, где извечно
взволнованный стих,
где писает пес на заборчик!

Где солнца пожары,
где томность луны,
где с возрастом – жить интересней!
Где дамы – не стары,
а вдрызг влюблены
в застольные шутки и песни!

На смерть узелки
еще рано вязать,
коль праздником им именины!
Нет дрожи руки!
Есть пора – наливать!
Но пусть им помогут мужчины!

ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА

Говорят – гуманитарное
неизбежно «катастрофие»!
И его находят где-то –
то в Афгане, то в Чечне...
А у нас – «Москва–товарная»,
где полно детей-дистрофиков,
необурых, неодетых,
утопающих в вине.

Сколько их, судьбой исколотых,
в наркотическом неведении
разрушают клетки, нервы,
превращая тело в прах?
Сколько жизней, перемолотых
в мясорубке «правоведенья»,
превращаются в резервы
тех, кто «парится» в «Крестах»?

Не беда гуманитарная
наступает в мире ветреном!
Катастрофа – надвигается
из-за скудости ума.
Роль правительства – бездарная!
Треугольник – равнобедренный!
А нога – к ноге касается,
без согласия, сама...

ВСЕ ЛИ?

Все ли? Так ли? И было ли – сделано,
чтобы просто спокойно уйти?
Тихо-тихо листва шелестела нам
про иные дороги-пути.

Ветер выл призывающе-истово
в ожиданье больших перемен,
в узких щелях небрежно насвистывал,
натываясь на каменность стен.

Наступала морозность студеная
в снегохрустии новых идей...
Возвращалась суббота прощенная
на заснеженный плац площадей.

По весне клейкой зеленью нежился
черно-белых березок покров...
Как всегда, свет надежды забрезжился
в обещающих таинственных слов.

Лютым зноем дышало спасение
от несбыточной кармы удач...
Под несносных цикад песнопение
начинал летний дождик свой плач...

Шелест листьев осенне-таинственный
в оголенных ветвях – вопрошал:
«Все ли сделал?» Вопрос не единственный!
И не сам я его задавал!

ГОД ОЧИЩЕНИЯ

Снилось кладбище дум недодуманных,
дел несделанных тихий погост...
Там, где в кельях, из досок соструганных,
протянулись друзья в полный рост.

Мерзла водка в стаканчиках разовых,
стыла слез огуречная соль...
Кто-то тихо о прошлом рассказывал,
кто-то молча глотал алкоголь...

Март холодный насилует градусник
темпераментом температур.
В плюсы – с минусов цельсовских градусов
грязь дорог превратив во фритюр.

Снег: то рыхлый, то липкий и мокнущий –
солнцесветных лучей баловство...
Да от тиши кладбищенской глохнущий
вешний воздух ласкал естество.

Крошка внучка в машине запряталась,
улыбаясь чему-то во сне...
Может, дружба дедов ей понравилась
в изначальной и первой весне?

Или просто – почуяла дедово
отраженье в пространстве миров,
и, улыбку его унаследовав,
погрузилась в спокойствие снов?

Понедельником чист от прощения
выбор дня, что до горькости прост...
Начинается год очищения
и Великий душевностью пост.

В ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

То, что делаешь для женщин,
то – они не замечают.
А не сделаешь чего-то –
то они заметят вмиг!
Страшный сон твой будет вещим:
«не свершенья» – не прощают!
Ведь у них одна забота –
быть прекраснее других!

Пусть немые бриллианты
посильнее красноречья
в их загадочных головках
возбуждают интерес!
Безграничные таланты –
быть в кругу противоречий,
но справляться с ними ловко,
не входя в ненужный стресс!

Наши женщины – иные
на тропинках мироздания!
Мощь взаимного влеченья
нарастает каждый миг!
И в одеждах, и нагие,
и в делах, и в ожиданиях!
У мужчин – голов круженье
по весне всегда от них.

Женский день восьмого марта –
вне погоды и ненастья,
в парфюмерии загадок,
в пестроте цветочных грез!
В год козы – удачи карта!
Это дама – козырь счастья,
знак любви и пониманья
в ожиданье вешних гроз!

ГОРДОСТЬ ТУЛЫ

Нет счета установленным рекордам
и чемпионов разных лет не счесть,
на всех турнирах праведно и гордо
родного спорта защищавших честь.

Привет:

Славься, кафедра физвоспитания!
Гордость Тулы – студенческий спорт!
Бесконечен финал состязания,
где здоровье – наш главный рекорд!

Не только первоклассным волейболом
гордился всем известный «Политех».
В борьбе с непревзойденным женским полом
студенчеству сопутствовал успех.

Привет

Удача по бумажке – не дается,
дорога к ней – сквозь мышечную боль.
Победы знамя рядом с нами вьется
и ни к чему табак и алкоголь!

Привет

Пусть отдыхать нам, как и всем, охота,
но тренировки – это не курорт!
Трудиться надо до седьмого пота,
пока богиня Ника не придет!

Привет

МОЙ ВОЙ

Не то, что ты не права!
Ты лишь не можешь понять,
что дышат мною слова,
в которых боль не унять!

По безысходной стене
бесшумным выкриком вой:
Ты оставайся во мне!
Ты оставайся со мной!

Плесни рыданий поток
на хриплый сердца пожар!
Я, как и ты – одинок,
и даже чуточку – стар!

Плывут от нас времена
зеленой тайгой,
гитары стонет струна,
но ты – останься со мной!

В подлунность неба кричать
без хрипа я не привык!
И, может, стоит начать
искать бездонный родник?

Утри слезинки дождя!
Пускай наступит покой!
В пространстве есть ты и я...
И ты, как прежде – со мной!

ПЬЯНЫЙ ТАПЕР

А я опять сегодня пьяный!
Мне в этом виде суждено
играть на пьяном фортепьяно
хмельные песни для кино...
Во тьме мелькают света вспышки,
актеры льют каскады слез,
и фа-бемольные отрывки
похожи на скелеты грез...
А на экране – Чарли Чаплин
верзил имеет только так,
и слезно-масляные капли
не держит зритель за пустяк...
Не понарошку, а в натуре,
сквозь вспыхи и петардный хлопок,
кровавит красным и лазурит
цветастых нот калейдоскоп...
Плывет «Потемкин» с чем-то красным,
на «Мэри Пикфорд» – синий шелк...
Тапер-художник слышит краски,
как зайца чует в поле волк.
В согласье с кино-новостями –
теперь по-новому грешу,
и клавишами, как кистями,
картины вечности пишу!
Да, я опять сегодня пьяный!
Окрасив музыкой рассвет –
плеснул себе на дно стакана
коньячно-дружеский привет...
Теперь никто меня не знает,
экранный видя цвет и свет.
Я пью до дна! Талант – скучает,
кино немного – просто нет!

ХОРОШИЙ ВОЗРАСТ

Хороший возраст – шестьдесят!
Проснешься утром рано,
глядишь, цветы – и те стоят...
струит вино из крана...
идти за пенсией пора...
работа не тревожит...
Жаль, что такого вот утра
на свете быть не может!
Никак нельзя уйти в тираж,
и не дадут, поверьте!
Ты жизнь берешь на абордаж
с рождения – до смерти!
Вступаешь в возраст – шестьдесят
почти половозрелым!
Глаза как лазеры горят
с прищуром и с прицелом!
Крутой бойцовский держишь вес,
не сбить с пути и с толку!
Не будешь клясть российский стресс
и зубы класть на полку!
В апреле – мартовским котом
метнется жизнь по крышам!
А что случится, вот потом –
об этом и напишем!

Погода в Тулу по пути –
всегда пусть будет ясной!
Еще лет шестьдесят идти
тропой судьбы прекрасной!
Святой Георгий в небесах
поможет однозначно!
Лишь шесть десятков на часах,
и будущность – прозрачна!

Вокруг – полно друзей, подруг,
здравных тостов – море!
Спасательный не нужен круг
на жизненном просторе!
Воды забортной здесь не пьют,
мы, чай, не на подлодке!
Здесь предпочтенье отдают
нормальной русской водке!
«За полный, как всегда, вперед!» –
есть тост морской и верный.
Вперед! И жизнь тебя поймет!
И ты ее, наверное!

ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

На дружеской застольной встрече
в День физкультурника сидим.
Звенят стаканы, льются речи
про жизнь, диету и режим.

Про цель спортивных достижений,
как возродить российский спорт,
без нецензурных выражений
построить трек, побить рекорд...

Подняв бокал: «За физкультуру!»,
провозгласив «Физкульт – ура!», –
пьем за природу, за натуру,
за то, что пить бросать пора...

ДЕРЕВНЯ

Земля насытилась дождями,
копнешь два раза – и вода...
Деревня горбилась домами,
трясла дорога вдоль пруда.

Крапива жгла открытость тела,
комар впивался в сладость пор...
И я хотел, и ты хотела...
скорей залезть на косогор.

На речке рыба не ловилась,
сознание плавил солнцепек,
надежда только засветилась
и снова спряталась в тенёк.

* * *

Дрожащим от холода маем
продрогшее солнце скулит,
порывами ветра взывает,
одеться теплее велит.

Агония зимней утраты –
в морозных разводах стекла...
Мы сами с тобой виноваты,
что так не хватает тепла...

НЕ ПЛАЧЬ!

По дороге из прошлого в вечность
мчится время нелегкое вскачь.
Но, покуда жива человечность,
по утрате надежды – не плачь!

В феврале – то дожди, то снежинки
крутит ветер – великий скрипач.
Тают слез холодящие льдинки...
По зиме уходящей – не плачь!

Слезы грусти – лишь повод к злословью,
их надежнее в прошлом припрячь!
Исцеляется горе – любовью!
И поэтому – больше не плачь!

Хлынут доброй волной непременно
струи теплые ветра удач!
Будут в жизни твоей перемены...
Ты, пожалуйста, только не плачь!

Что нам годы, веселым и юным,
если стержень надежды горяч?
Пусть аккордом взрываются струны!
Ты не плачь, ты не плачь, ты – не плачь!

ГЕРОЮ РОССИИ

В легендах – всякое случается,
в былинах – все богатыри!
По жизни так не получается,
как в сказках, что ни говори!

Но правил нет без исключения,
закономерность такова,
что на Земле чудес явления
случаются без волшебства!

Отечество спасавший сокол
на беды мчал, как на таран,
увидев мир сквозь ясность стекол,
в бою и жизни – великан!

Во исполнение приказа,
в котором главное – «Вперед!»,
давил протез на сектор газа
и ввысь стремился самолет!

Крылатый сын России вечной
парил в пространстве – без руки!
Он не считал себя увечным,
взлетев, науке вопреки!

Не знал про Гиннеса, рекорды,
что он – единственный такой.
А просто был до боли гордым
Отчизной, небом и собой!

Не отразят газеты, стенды,
геройской жизни миг и век!
Нет человека из легенды!
Есть – легендарный Человек!

ДЕВЧОНКИ

На Кипр российские девчонки
несутся, как на званый пир,
задрав на попочках юбчонки,
оставив нам тепло квартир.

Снижают цены на объятя
девчонок из рубежных стран...
Объем мужчиновосприятья
и женский шарм – им свыше дан.

Панели мира и перроны
увидеть их обречены!
Все новомодные салоны
российской свежестью полны.

Безденежье и самомненье
несут девчонок по волнам.
Им нипочем уничижение,
стыдливость и всеобщий срам.

Скрипит в коттеджах и отелях
печальной правды секскровать...
Хотя собой, на самом деле,
их не учили торговать.

ДЯДЕ САШЕ

*«Выиграв конкурс на лучшее исполнение авторской песни,
досрочно освобожден заключенный N»
(из телепередачи)*

Помню «тяжких телесных»
я смертельный исход,
ночи в камерах тесных
и команду: «Вперед!».
«Руки за спину, суки!
Постигайте навзлёт
суть тюремной науки,
зоны жизни оплот!»

Я не просто жиган,
не в бреду и не пьян,
но срываю охрипшую глотку.
Синим орденом дан
мне елецкий тюльпан
за четвертую, кажется, ходку.

Пусть на лбу и спине,
как кресты на окне,
и на веках наколка синится!
Только кажется мне –
жизнь промчалась во сне,
лишь на шконке любимая снится...
Все по жизни – ботва!

Срок мотай, не мотай,
знает только братва
про сентябрь и про май.
Три десятка на зоне.
Я теперь «Расписной»!
Ухожу от погони
по привычке блатной.

Жаль, что возраст догонит
в недосиженный срок.
Бег от этой погони
будет, точно, не впрок!
Но срываюсь на волю,
где свободы глоток
ждет меня с хлебом–солью
пусть на миг, на часок...

БОКОВОЕ ЗРЕНИЕ

Коль боковое зрение надежно
нам отличает друга от врага,
то, глянув влево, видим придорожно:
вон – девушка, вон – бабушка Яга.

Девчонка шла, ступая осторожно,
но юбки расходились берега.
Сглотнув слюну, сказал мой друг тревожно:
«Ты посмотри, богатая нога!»

Потом глазами снял с нее, что можно,
а что нельзя – повесил на рога...
Как жаль, что из машины невозможно
схватить кусок чужого пирога.

Нога – богаче, может быть, найдется,
поближе, постройней и понежней.
Но глазу ближе то, что вдруг дается,
и сердцу, то, что вдруг, всегда нужней.

МАРСИАНСКАЯ ИСТОРИЯ

На пустой планете
дует красный ветер,
так, что мочи нет.
Там, в тени от солнца,
будто сквозь оконце,
опадает свет...

На земле зеленой
закраснелись клены,
звон небесный – чист...
Самым бабьим летом
нежно-желтым цветом
опадает лист.

На закате буден
разум не подсуден,
устремленный ввысь!
Но с приходом веры
в торжество химеры –
опадает мысль...

От Земли до Марса
протянулась трасса,
в ней бюджет лежит!
А землян все чаще
закрывают в ящик,
опадает стыд...

Опадает лист, опадает свет,
опадает мысль, опадает стыд...
Наяву скелет из людских обид,
да надежды клок, что на нем висит,
да метели свист в звездопаде лет...

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Кто ведет меня за бороду
в миф словесной чистоты?
В мир, который под заборами?
Может – небо? Может – ты?
Рифмы льются ненатужные,
ясность смысла, как в кино.
И слова, все больше нужные,
но пустые все равно.
Под заборами условными,
где крапива и осот,
колея рядами ровными
вдаль уводит от забот...
Хоть накатана, наезжена,
но – надежна ли она?!
Колея – не обезврежена
от закладок минных сна.
В этом сне уснуть не можется!
Там взрывается покой
слов, которые не сложатся,
не забрав меня с собой!
Там стихи – всегда случайные!
Там любовь – всегда права!
Там, во сне, в дырявом чайнике
выкипают в пар слова!
А на свете, нам доверенном,
наяву, а не во снах,
книжки пишутся немеренно,
не за совесть, не за страх.
Здесь из букв творится целое,
как мелодия из нот,
как из снега баба белая,
как из мата анекдот...

МАРТОВСКАЯ ВСТРЕЧА

Распутник март за окнами скрипел,
из слякоти в мороз себя бросая...
Пришла весна в тулупе, но босая,
похожа на российский беспредел.

Мужчины вдруг отправились в поход,
ища подарки в джунглях магазинов,
завалы дел на миг один раздвинув,
ныряя в неизведанность забот.

А женщины проходят сквозь мужчин,
дыша соблазна легким ароматом,
чтобы они с упорством виноватым
хоть день, но потолкались у витрин.

Весна не зря нам праздник принесла!
Все в женщинах вселяет в нас надежду:
не только ножки, но и то, что между...
Прекрасны в них и души, и тела!

Пусть не всегда понятны их поступки,
невидимы загадок берега!
Их милостью имеем мы рога,
(надеюсь – не всерьез, а в виде шутки!)

Но женский праздник в кучу всех собрал –
моих друзей, и тех, кто рядом с ними.
Друг друга признаем всегда – своими,
наполнив братством праздничный бокал!

Пусть женское терпенье и любовь
не знают временных ограничений!
Пусть дети не приносят огорчений,
а молодость приходит вновь и вновь!

ПУСТЬ ОСТАНЕТСЯ ВСЕ

Пусть останется все, как сталося!
Залежь грусти нельзя ворошить.
Наступила нежданно усталость
и не можетя больше любить!

Что-то сделано, что-то осталось...
Замок прошлого – не сокрушить!
Жаль, что вместе, хоть самую малость,
не удастся спокойно прожить.

С мокрым летом весна не рассталась,
им положено вечно дружить!
А слезинка – случайно сорвалась,
улетев в бесконечье кружить...

Как с разлукой любовь не срасталась –
смогут осень с зимой рассудить.
Черной тучей нахлынула жалость.
Оборвалась непрочная нить.

ПРОЩАНИЕ С СУРГУТОМ

Покинув праздничный Сургут,
песнь сердца и желудка,
куда-то в тундру нас везут –
хорошенькая шутка!

Чернеют лиственниц стволы,
лишайник, мох, болота,
пни, кочек острые углы,
звериная охота.
Горит кора, дымится мох,
как будто в церкви ладан.
Встречает нас хантыйский Бог
языческим укладом.

Там строганина, перец, соль,
хлеб, клюква и брусника.
Туда, где жизни канифоль,
попробуй, загляни-ка!
Чапайно-шустрый голова
русскинского угодыя
находит нужные слова
про схваток всепогодые,
как трех медведей завалил,
как в чуме мерз ночами,
и как чуть-чуть не прихватил
хантыйку в дочки маме.

Поет старинная Югра
под струнное бренчанье
о том, что скоро в путь пора,
что близко расставанье.
Что Обь куда-то унесет
все, что мешает людям,
что мы радушный наш Сургут,
конечно, не забудем...

Кокланами хай хай гэ!
Тогданами хай хай гэ!

СЭР ГУБЕРНАТОР

Сидит мой друг, глаза на чудо выпучив,
кривя от смеха с удивленьем рот.
Страну ни Бог, ни ВВП не выручит,
коль губернатор семечки грызет.

Зарплаты – нет! Чубайс рубильник вырубил.
Хор подхалимов благостно поет.
Корабль страны в непонятое вырулил,
а губернатор – семечки грызёт!

Деревни вымирают от бесплодия,
поля пустеют, бедствует народ.
А в Белом доме – Ваше благородие,
сэр губернатор семечки грызет!

Сидит он в кресле, будто на завалинке,
на все в округе шелухой плюет.
Ему бы телогрейку, шапку, валенки,
пускай в деревне семечки грызёт!

ПЕРСПЕКТИВА

Что нам временем уготовано,
мы с друзьями не знаем пока.
Жизнь – в линейчку разлинована,
как страницы из дневника.

Просто – время над нами куражится,
задавая вопросы свои.
Но ответы не трудными кажутся,
потому что поют соловьи.

Майским холодом веет неистово,
пробирает мороз по ночам.
Соловьиные арии выстрадав,
мы не верим хвалебным речам.

Верим в летнюю жаркость грядущую,
в неизбежность дальнейших побед,
и в весну повсеместно цветущую,
и в любви обжигающей след!

Были вёсны всегда заколдованы,
зарождением завтра полны...
Те, кто жизнью – насквозь проспиртованы,
сохраниться подольше должны!

Лет на тридцать – до тридцать четвертого
в новом веке, как минимум – быть!
Чтобы пробки бутылок – вывертывать
и за здоровье вечное пить!

ОСЕННЕЕ

Что-то случилось! Стихи – не случаются.
Речи – бессмысленны. В мыслях – сквозняк.
Листьев обрывки – с деревьев срываются.
Солнечный холод – как осени знак.

Может быть, годы вздувает снежинками
северный ветер – предвестник зимы?
Может, не теми гуляем тропинками
в поисках нежности грустные мы?

Или по бабьему лету бостонному
жженой соломы развеянный дым
мажет приглушенно серыми стенами,
делая желтое – скучно-седым?

Что же случилось? Стихи – продолжают.
Голос, как колокол. Мысли – чисты.
Просто зима и весна – возрождаются,
осенью стылой сжигая мосты.

ЛЕВАЯ ПРАВОТА

Я никогда не осуждаю женщин:
их правота правее прав моих.
Их шепот ночью, будто голос вещей,
тревожит сердце и рождает стих...

Их губы набухают от желаний...
упругости и силе вопреки –
они ласкают нежностью касаний,
как теплая волна большой реки.

Глаза в глаза – надежду излучают
на будущую близость бытия.
Пусть души при слиянье тел скучают,
но тоже шепчут в небо: «Ты и я»...

И никогда не осуждая женщин,
чья правота правее СПС,
считаю всех, кто рожками увенчан,
достойными признания небес.

БОРИСОГЛЕБСКАЯ ДЕВЧОНКА

Л.Н. Которовой

Борисоглебская девчонка!
Тебя не помню, извини!
Но точно знаю – голос звонкий
летит из детства в наши дни!
Там, где слилась с Хопром Ворона
в дубовом сказочном лесу,
над речкой дымка, как корона,
светила солнцем на росу...
Брильянты капелек сверкали
началом будущих хлопот.
И мы, беспечные, не знали,
какое время настает.
Прощаясь с голожопым детством,
где ни машин, и ни квартир,
учеба стала главным средством
попасть к судьбе на званый пир.

Борисоглебская девчонка!
Склероз проклятый извини!
Твой голос, как и прежде звонкий,
звучит в сегодняшние дни.

Нас всех больница областная
сплотила верности кольцом.
Страницы прошлого листая –
себя ни в чем не упрекнем!
Мы помним лозунг профсоюза:
«Вперед на сцену, доктора!»
И нам стихи черкала муза
по сердцу кончиком пера!
Реформ застойная тоскливость
коснулась чуточку и нас:
остыла вера в справедливость,
но пламень мысли – не погас!

Борисоглебская девчонка!
Шум юбилейный – тоже шум!
Лет через сто твой голос звонкий
разбудит свежесть дел и дум!

УПРЕК ЛЮБВИ

Упрек любви, как старость у виска!
Тоска нахлынула с поспешностью цунами,
тисками стиснув то, что я искал...
уняв накал, возникший между нами.

Словами уничтожен хрупкий мост.
Погост упрятал нежности намеки.
В истоки мыслей рвется в полный рост
нескучный тост про зряшные упреки.

Как здорово, что это – полный вздор!
Забор возник во сне, не между нами!
Ростками нот овладевает хор...
Напрасен спор! Я стану счастлив с вами!

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ

Нас годами пугали годы:
мол, учтите, наступит час
леденящей, седой погоды,
от которой слезится глаз.

Налетят шестьдесят, как кара,
сворой каркающих ворон...
Вдруг проснешься облезло-старым,
прерывая свой сон на стон.

Нас пугали, а мы все жили,
приближая годов чердак.
Было дело, без меры пили –
ради дела и просто так.

Но любили, всюю любили –
есть и дети, и внуки тож.
Наши жены нам все простили:
и загулы, и выпендрож.

Нет у нас ни лампасной папахи,
ни зеленых шуршащих купюр,
ни батистовой тонкой рубахи,
пиджаков и порток «от кутюр».

Заявляю вполне конкретно:
шестьдесят – это тридцать на два.
Нет на будущее запрета,
на дела, на любовь, на слова.

Ведь не пенсия нам приятна,
хоть и женского рода она!
Мы, как солнце, плюем на пятна,
потому-то и пьем до дна.

Наступает мужское лето
после бабьего в сентябре...
Лето бабье веками воспето,
а мужское – в какой-то дыре.

Два по тридцать светить придется,
исправляя веков просчет!
В юбилей может кто найдется
и по полной за это нальет?

ВЫЗВАННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ

Страна горда потенциалами,
но, сколько их не вызывай,
они сигналами усталыми
пророчат неизбежный край.

В ухабах города и веси,
наука ропщет в неглиже,
зато в трусах защиты «Челси»
мелькают яйца Фаберже!

В стране на все хватает денег:
на шоу, водку и гульбу...
В ней всякий записной бездельник
науку видит – лишь в гробу.

Бедняга нейрофизиолог,
кому ты нужен в жизни сей?!
Лишь венеролог да уролог,
психолог или косметолог,
пожалуй, нынче – всех модней!

Но звук сквозь глухоту пробился!
Прошло весомых десять лет
с тех пор, как в Туле засветился
большой науки яркий свет!

Искать не надобно управы,
когда Управа только «за»!
Когда для дела, не для славы,
вдруг исчезают тормоза.

Нашлись финансы, оснащенье –
муниципальных слез итог...
И тут случилось превращенье
в огромный пласт бюджетных крох!

Межполушарное согласие
важнее призрачных затей!
Родился Центр – не в одночасье,
но стал насущным для детей!

Комздравстрахмеду – поздравленья!
В. Жеребцовой – три «Урра!»
За сотни лет её правленья
принять по-маленькой – пора!

ПУТЬ ТУДА

Как врубелевский Пан, прозрачными глазами
смотрел на беспредел сверхсытых и глухих,
белесой бороды лохматыми кудрями
скрывая постный мир пустых забот своих.

За пустотой души угнаться невозможно,
пытаясь простотой ее заполнить суть!
Нет радости внутри, когда вокруг – тревожно.
Одна тропа – в петлю, с которой не свернуть.

Но это путь туда, откуда нет возврата.
Билет в один конец – бесплатней всяких льгот!
Не надо за него платить процент «отката»,
и не с кого спросить за неудачный ход.

И некого судить за сделанное дело!
И некого сводить с растресканной судьбой!
И некому шепнуть: «Зачем фату надела?»
И некому вернуть все, что унес с собой!

* * *

Веки прикрыли остывшую суетность взора...
Тело сковала прохлада увядшей души...
Сбросив навечно вериги тоски и позора,
их примерять – никому отдавать не спеши!

ЦУНАМИ

Никто не ведал про цунами.
Спал океан – нежней, чем шелк.
Один провал, один толчок –
и вот вода пошла кругами,
людей смывая, как песок
в слюне хрустящий меж зубами,
рождая боль, страданье, шок.

Валы катились друг за другом,
прессуя воздух в страх и стон,
живое – погружая в сон.
Светило солнце желтым кругом,
окрасив бирюзу в лимон,
но волны, набегая цугом,
крушили все со всех сторон...

Многоэтажные громады
соленой, как рассол, воды
окутали домов ряды,
их превращая в водопады,
сливаясь в бездну борозды,
прочерченной всевышним взглядом,
или воздействием звезды.

Пульсар космической тревоги
простер к земле свой звездный луч
сквозь магмы жар и зябкость туч.
И не при чем тут святы Боги!
Толчок стихийностью могуч
ведущей в Никуда дороги,
где к истине – утерян ключ!

И в человеческом начале –
один порыв, один плевок,
вовсю бурлит идей поток
и чувств: от смеха до печали...

Не долг нашей жизни срок,
но мы, увы, умней – не стали.
Урок судьбы – опять не впрок!

То смерть на вираже догонит,
то дном бутылочным мигнет,
то гексогеном полыхнет,
то с «Курском» рядышком затонет,
иль в землю втиснет самолет,
иль звоном славы затрезвонит,
но жизнью лепестки – сорвет!

Цунами – это крик планеты,
сигнал космической беды,
рожденной злом людской орды –
забывшей старые заветы,
не плавающей любви руды,
презревшей разума советы,
молясь на чуждые труды.

Апокалипсис – наступил!
Мы в нем бездумно существуем,
(хоть холод запредельный – чуем).
Стараясь из последних сил,
без повода, но торжествуем
с беспечностью хмельных кутил,
собой и ближними рискуем...

А надобно – полет годов
продлить в друзьях, в заботах, в деле,
чтоб у любви не зачерствели
потoki нежно-свежих слов!
Чтоб в Новый Год стремились ели
к высотам самых добрых снов,
и мы – помедленной старели!

ГИМН ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рожденный в тридцатые годы,
оплот инженерных побед –
он в жизни родного народа
оставил незыблемый след!
Освоено горное дело,
в итоге – возник «Политех»,
где тульские кадры умело
ковали грядущий успех!

Припев:

Сквозь века младенчества льет науки свет
в будущность студенчества – Университет!
Трудовой и царственный в переплете лет
Тульский государственный Университет!

И дело – совсем не в названьях!
Не в том, что пришла смена вех!
А просто – на старте желанья!
В непознанность – автопробег!
Где флагманы и командоры –
в единой команде штабной,
на картах и планах которой
грядет перспектива стрелой!

Припев

Традиции – наша опора,
а истина – верный маяк!
Сквозь тернии, звезды и горы
нам видится вечности знак!
И в школах, и в кадрах готовых –
фундамент российских побед!
Своих Ломоносовых новых
готовим мы к выпуску в свет!

Припев

Ю.Б.

Ты ушел не от боли,
не от тягостных бед,
а от чувства неволи,
отключившего свет.

Ты не мог быть невольным,
не влиять на страну,
веселиться довольно
под чужую струну!

Так хотелось достойно
небо жизни коптить!
Собираться застольно,
и дружить, и любить!

Выпить тоже хотелось
и с друзьями, и без!
Не гуляет без дела
охмеляющий бес!

Ты привык не к обрядам,
а к надежности вех!
Был тебе как награда
третий значимый цех!

Под ногами тюльпаны –
алых капель разбрызг!
Мы сегодня не пьяные,
а скорбящие вдрызг!

Вот и ты улыбаешься,
глядя в нас со стены!
Не рыдаешь, не каешься,
слезы тут не нужны!

Все как надо ты сделал:
деревца насадил,
дом построил умело,
сына дельно взрастил.

Ну и жил бы спокойно
в пенсионной тиши!
Чинно, тихо, достойно,
хоть романы пиши!

Ты ушел за покоем
в ранний утренний час!
Коль в разведку, так с боем!?
Это, Юра, про нас!

Пусть земля будет пухом!
Пусть тюльпаны – цветут!
С несгибаемым духом
пусть потомки живут!

ПРЕДСЕРДНАЯ МИКСОМА

Когда предсердная миксома
стремится выше прорасти,
она препятствием весомым
встает у крови на пути.

Но виртуозность рук врачебных
удержит беспредельный рост.
За красоту их дел лечебных
мы произносим главный тост!

Спасибо вам и за уменье!
И за желание помочь!
За долгожданный день рожденья!
За отодвинутую ночь!

СПАСИБО ЖЕНЩИНЕ

Спасибо, женщина, тебе:
за предложений недосказанность,
за обещания обязанность,
за бесконечную привязанность
к делам, и к мыслям, и к себе!

Спасибо женщине любви:
за колдовство нам не известное,
за слов безмолвие чудесное,
за мнение, для нас не лестное,
и за бурление крови!

Спасибо женщине мечты:
за зим суровых потепление,
за неизбежность вдохновения,
за не измеренность терпения,
за миг вселенского прощения
и за цунами красоты!

Спасибо, женщина, тебе:
за нежное благоухание,
за мыслей легкое порхание,
за губ дрожащих набухание,
за шепот, спрятанный в дыхание,
и за уступчивость в борьбе!

Я НЕ ПИШУ ТЕБЕ...

Я не пишу тебе на юбилеи
торжественных, высокопарных од!
И никогда об этом не жалею
из-за боязни звука ложных нот!

Что толку упиваться слов нектаром,
питая чувством резонанс струны?
Быть молодым, нетронутым загаром,
лишь в памяти тропинок старины...

Любви моей не надо украшений!
Она живет во мне своей судьбой,
в которой ожидание крушений
является во сне само собой.

Избыток слов – для чувства оскорбленье,
а недостаток – символ пустоты!
Поэтому поэтика творенья
дозирует реальность и мечты.

В каких словах опишешь ощущение
всегдашней принадлежности тебе,
законного не вызвав возмущенья
лишением свободы при гульбе?!

Как рассказать о сладости томлений,
в которых страсть дела свои вершит,
когда в случайной тесноте сближений
желанье все приличия крушит?

Я для тебя писать не собираюсь!
Играть не стану маршей на трубе!
Не в первый раз, но искренне покаюсь:
все, что пишу – тебе...и о тебе!

К ДАГЕСТАНУ

На родине великого Расула
живут мои надежные друзья.
По братски дышат Дагестан и Тула!
Их разлучить прижизненно – нельзя!

Как Каспий никогда не обмелеет,
так дружбы не иссякнут родники!
Превыше клятв и слов любых важнее
обычное пожатие руки.

Привет, мой друг старинный Минкаилов!
Твои друзья – теперь мои навек!
Аллах велик! Он придает нам силы,
чтобы велик был каждый человек!

В ТАРХАНАХ

Я был нетрезв, но не искал горшков,
и не сидел на рундуке лакеем!
Попал в Тарханы лермонтовских слов,
Севышним провидением жалеем!

Я не тарханил в наших областях!
Пахал, как Лев Толстой в Поляне Ясной!
Рыдал, как Лермонтов, в восторге и слезах,
услышав музыку другой судьбы прекрасной!

И я не пропущу почтовый день,
озвучив вам свое исчезновение!
Я стану камнем, спрятавшимся в тень,
когда сольются в никуда мгновения!

СТАРЧЕСКОЕ ВОРЧАНЬЕ

Быть может, это просто я старею,
ворчу, когда спокойней промолчать,
но почему-то к вечеру зверею
и не могу спокойно засыпать.

Вдруг те, кого всегда считал друзьями,
им помогал о времени забыв,
проходят мимо, скрежеща зубами,
надувшись как нетронутый нарыв.

Я нужен был тогда, когда был нужен,
чтобы вопросы ваши разрешить!
Когда союз поступков льдом остужен,
то гонор – вам не просто сокрушить!

Конечно, проще – мило улыбаться,
как это ловко удается вам,
при встречах лицемерно лобызаться,
сгибаясь перед кем-то пополам!

Конечно, проще быть неблагодарным:
использовав момент, – о нем забыть!
И в каждодневном действии коварном
корыстные дела свои вершить.

Тут не при чем ни нация, ни время,
и даже воспитанье не при чем!
Не всем по силам пониманья бремя,
как и не все достойны быть Врачом!

Не стоит драться вам со стариками,
озлобленно бросаясь на склероз,
поскольку завтра, может статься, с вами
случится не такой еще курьез!

Нет ничего чудней корыстной дружбы!
Ее на шкуре собственной познав,
вы изнутри, ну а теперь – наружно
являете собой искомый сплав!

Надеюсь, что не все еще в прогаре!
Разумный ветер остудит мозги!
До скорой встречи в дружеском угаре!
(Хотя в угаре не видать ни зги).

Конечно, возраст и меня коснулся,
ворчанием незлобным, без затей...
Вот и сейчас под утро я проснулся,
как прежде, в ожидании друзей.

9 МАЯ

Стоят достойные мужчины,
войной крещеные когда-то,
метельно-белые от этого,
познавшие иные беды.
Слезами полнятся морщины
на лицах, временем помятых
под звуки Гимна перепетого –
в другой стране, но в день Победы!

И женщины стоят уверенно,
прикрыв щитом любви страдания.
Их рук натруженных не тронуло
лосьонов модных размягчение.
Им было временем доверено
хранить надежность мироздания:
не бомбами и не патронами,
а чувствами верша лечение!

Пусть внуки – мальчики и девочки –
запомнят предков дни военные,
не променяют жизни ценности
на зелень праздную купюр!
На май – пусть зеленеют веточки!
Они навечно – незабвенные
в своей природной неразменности
на тряпки моды «от кутюр»!

Пуускай из прошлого в грядущее
промчится вихрь объединения,
чтобы потомкам жизнь достойная
досталась в чередe веков!
Чтобы исчезла боль гнетущая
за страх другого поколения!
А мысль, в прощении спокойная,
сливалась с искренностью слов!

ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

Начудили мы немало
на изломе двух веков!
Буйных – нам всегда хватало!
Было мало вожаков!

Ну а, если даже были,
то, срываясь, как всегда,
все вокруг сплеча рубили
в те далекие года!

Будто ментики гусаров
примеряли кое-как...
Не хватало – комиссаров
место знающих и такт!

Журналист, поэт, писатель!
Против правды – не грехи!
Воспитатель – есть ваятель
человеческой души!

Не в словах, а в сути дело!
Что парткомы нам ругать?!
Вон, на днях опять назрело:
будет партия опять!

Кто в парткомах новых будет?
Где готовить? Как учить?
И заботы всем прибудет –
судьбы смятые лечить!

Двухпартийная система –
вдвое больший ком проблем!
Значит – есть двойная тема
и работы хватит всем!

Если только не отключит
электричество Чубайс,
юбилейный стол получит
новых тостов высший класс!

А пока столов веселье
в нас вливается рекой,
мы поднимем рюмку зелья
за неведомый покой!

ЗАРИСОВКА НА ВАЛААМЕ

Подходит катер на подводных крыльях,
монахини – к нему вперегонки.
Монах с усами тащит без усилия
их чемоданы, сану вопреки.

Все продается на земле священной:
иконы, книги, золото крестов,
поделки, фото, видео. А цены?
Нулей – не мало, не хватает слов!

Теперь и в церкви бизнес заправляет.
На каждый праздник – пишут бизнес-план.
Финансы – та же «крыша» проверяет.
А иерархи? Это – главный клан!

Как все «экономические чуда»
обходится и церковь без чудес.
Не верю, что повесился Иуда!
Так хочется, чтобы Христос воскрес!

В РЕЙСЕ НА о. ВАЛААМ

На носу у «Ивана Тургенева»,
рейсом «Питер» – тире – «Валаам»,
я сжимал себя кожей шагреновой,
чтобы быть недоступным делам.

Пассажиры в «джинсу» упакованы,...
куртки... кепи... от ветра дрожат...
к Валааму в уме припаркованы,...
лист бумаги в ладони зажат...

Кем-то карты азартно тасуются,
кто-то слушает музыки такт...
Девы шустрые в баре рисуются –
ждут вступления в новый контакт.

Из динамика сказ исторический
про причины разлива Невы.
Восхищения всхлип истерический
сном петровской хмельной головы.

Пусть в каюте с лежанкой двухъярусной
затхлый запах придонных илов!
Теплоход – наш летающий парусник
по волнам незамученных слов!

Может, старцы спасут Валаамские
от болезней, забот и войны?
Только с ними – мы братья сиамские:
неразрывно в грехе сплетены.

Пусть судьба козырными коронами
не сдает долгожданную масть!
Мы шестерки имеем погонями,
но не сможем бесследно пропасть!

о. ВАЛААМ

Угрюмая зелень... угрюмые скалы...
угрюмый гранит валунов...
суровые волны... бетоны причалов...
угрюмая праведность слов.

Потоки туристов в скиты Валаама
по тропам крутым разбрелись:
налево, направо, и, кажется, прямо,
но, главное, вверх, а не вниз:
к высотам душевного обогащенья,
свободной природе верны,
с надеждой на старых грехов искупленье
и с верой в величье страны!

Исчезнувших старцев бесплотные лики
из бездны небесной глядят,
витающих чаек протяжные крики
над тихим заливом парят.
Дымы теплоходов не лучше куренья!
Из воздуха лепится смог!
И, кроме вот этого стихотворенья,
я лучшего сделать не смог!

Угрюмая зелень... угрюмые скалы...
угрюмый гранит валунов...
суровые волны... бетоны причалов...
угрюмая праведность слов.

СТРАННОПРИИМНЫЙ ДОМ

Бело-синие тельняшки
небом стелятся к ногам.
Три монаха, три монашки
прибыли на Валаам.

Эротически вонзают
суть желаний в дрожь руки.
Отношений не скрывают
рясы, юбки и платки.

Здесь паломники – не диво!
И соитие – не грех.
На природе – все красиво,
терпеливых – ждет успех.

Дом для всех странноприимный –
древний остров Валаам!
Интерес у всех взаимный:
как в душе построить храм!

Скит духовного скитальца
нам воздвигнуть предстоит.
Только где найти страдальца,
что за веру постоит?

ГАББРО–ДИАБАЗ

Мы пройдем сквозь лед и пламень!
По делам узнают нас!
Так сосна растет сквозь камень –
черный габбро-диабаз.

На суровом Валааме
плодородной почвы нет.
Там сады растут не сами
сотни многотрудных лет.

Зацвели на скалах кущи,
потому что вера – есть!
Потому, что жизни пуще
сберегали слово – честь.

До сих пор монахи-братья
удаляются в скиты,
чтобы отвратить объятья
зла порочной красоты!

Вот и мы в скитах науки –
под прицелом сатаны!
Наши головы и руки
бизнес-миру – не нужны!

Но свое до боли дело
будем точно продолжать,
как кому бы ни хотелось
повернуть течение вспять!

Правда, памятник надгробный
нам не светит в смертный час.
Очень дорог бесподобный
черный габбро-диабаз!

НА ЛАДОГЕ

Теплоходы режут Ладогу,
будто праздничный пирог,
высекая в брызгах радугу
неизведанных дорог.

Дует с берега финляндского
ветер северный в упор.
В цвет бутылок от шампанского
крашен ладожский простор.

Разбавляют темноводие
белой пеной буруны.
Мчатся в завтра теплоходики
с петербургской стороны.

Им снова до бесконечия
от Невы туда-сюда.
Эх забраться бы на плечи их
и исчезнуть навсегда.

Да найти уединение
в валаамовских скитах,
чтобы заслужить прощение
за беспомощность в словах!

«ФЕНЯ ПО ПОНЯТИЯМ»

У нас в пределах государства
блатной жаргон теперь в чести.
Жить «*по понятиям*» коварства
желаем моду обрести.

Есть в лексиконе Президента
«*соплей жеванье*», «*всех мочить!*».
А в МГУ «крутых» студентов
«*по фене*» думают учить.

В руинах жизненных обломков –
не задевай любви струну!
Чтобы не вызвать смех потомков –
«*не поднимай в душе волну!*»

Когда желанья тухнут спички,
готов помчатся хоть в тайгу,
или на рельсы электрички –
подумай! «*Не гони пургу!*»

Пускай сверхмерного богатства
горит сияние табло,
во имя искренности братства
и в мыслях «*не коси бабло!*»

Не поднимай глубинность темы!
У жизни – счастья не проси!
Не делай из дерьма – проблемы!
А «*под убогого – коси!*»

Дожди плеснут, как в день рожденья,
с утра деревья освежив.
И солнце полыхнет с волнением,
весельем полдень осветив!

ТОСТ

Поредели волосы,
 побелели бороды,
поистерлась кожистость
 черных пиджаков.
Но своими мыслями
 мы, как прежде, молоды
и, как прежде, тянемся
 к искренности слов.
Где-то в прошлом гульбища
 в девочках и дамочках,
пьянки до беспульсия,
 ресторанный гам.
В траурных каемочках –
 много наших в рамочках
удалились в вечности
 всеприимный храм.
Только обучаемость
 с возрастом снижается,
марши похоронные
 нас не устрашат!
Потому, как в юности,
 кое-кто влюбляется.
Позабыв про семьдесят,
 как про шестьдесят!
До войны рожденные,
 и в войну зачатые,
возрастом равняемся,
 но – на молодых!
Вспоминаем армию,
 как шаги печатали,
в сапогах кирзовейших,
 на плацах пустых.
Танцплощадки круглые,
 в горсадах из прошлого.

Дверь приоткрыта немного:
в зале эксперты сидят,
смотрят улыбочиво-строга
на пацанов и девчат.

Вдруг из-за двери раздался
сердца ребячьего стон.
И на минуту прервался
крепкий чиновничий сон.

Голос и звонок и светел,
чист как хрустальный кристалл,
словно родник на рассвете,
в чутких сердцах зажурчал.

Голос и плачет и светит,
звуки волшебные льет –
как Робертино Лоретти,
мальчик о маме поет.

«Мама! Любимая мама!
Что еще можно сказать?
Мама! Хочу тебе прямо
душу свою показать!»

Пел мальчуган и, конечно,
всякий, кто слышал его,
думал о лучшем, о вечном,
но не сказал ничего.

Тихо в чиновничьем храме.
Слышен мушиный полет.
Просто – единственной маме
мальчик беззвучно поет.

ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА

«День защитника» в городе Щекино
на окраине встретил друзей,
где мороз за окошком пощелкивал,
где всегда наливают «по всей».

Пили чтой-то на бруньках березовых,
пили все, что горит и хмелит,
и в надеждах на будущность розовых
разжигали крутой аппетит.

Жгла горилка перцово-медовая
легким жаром, туманя виски...
В хрупкой корочке жарилась «клевая»
сочность северной свежей трески.

Были тосты мужские и точные,
без патетики и без слюней.
Скреплены в обязательства прочные
те слова, что присяги важней.

Были тосты за женщин, рожаящих
настоящих мужчин для страны,
на дела и борьбу вдохновляющих...
И за то, что нам бабы – нужны!

Всем: Надым и Плесецк вспоминающим
под бокалов веселую звень
будет помниться объединяющий
трубопроводосервисный день!

СТРАНИЦА БЫТИЯ

По февральски щиплются морозы.
Даль, дорога, да и жизнь – чиста.
Ни к чему нам даже счастья слезы,
если исполняется полста.

Бытие – в страницах мы листаем.
Жаль, что эта книга не толста:
трудимся, ругаемся, мечтаем...
Глядь, а на часах уже полста.

Мы еще надеемся и любим,
веруем в спасительность креста,
прошное свое с плеча не рубим,
даже если стукнуло полста.

Все в порядке: есть друзья и дети,
да и голова не так пуста!
Значит, возраст не напрасно светит
цифрами, хрустящими в полста!

Даже сотня лет – не так уж много,
если все решать и жить с листа!
Ведь любовь – девчонка-недотрога
хитро улыбается в полста!

Знаю, что под знаком Водолея
юбилей придется отмечать.
Значит, водку расплескать жалея,
будем воду в стопки наливать?

Нет у нас болезни Паркинсона,
и Альцгеймер – тоже не в чести!
Забывать про пьянку нет резона!
Так что, Водолей, меня прости!

ПРОВОЖАЯ ГОД СИНЕГО ПЕТУХА, ВСТРЕЧАЕМ ГОД ОГНЕННОЙ СОБАКИ!

Уходит год, как птичий грипп обещанный,
весь в петушиных перьях и пуху,
как тот мужчина, позабытый женщиной,
за то, что нес в постели чепуху.

Год Петуха, до синевы кричащего,
придется неизбежно провожать!
Но у него, так быстро уходящего,
хочу немного перьев пощипать!

* * *

1 перо (московско-российско-тульское):

Москве чудные люди надоели,
их перестали к власти приближать.
В общественной палате Церетели –
теперь от Тулы будет выступать.

Быть может, он чего-то наваяет,
подарит Туле мужика с рулем.
Но пусть хотя бы в Новый год узнает:
«Не тем он взялся править кораблем!»

У нас полно и честных и достойных,
по духу и по сути – туляков.
И в творчестве не меньше беспокойных,
и в поисках предновогодних слов.

Нам не грозит фруктовых революций
оранжево-лимонная беда,
поскольку выше всяких резолюций
российское стремленье – в никуда!

В Москве никто на площади не вышел,
когда Чубайс рубильник отрубил.
Народ молчит! Он просто мыслит выше,
чем те, кто за него радеть решил.

Закончилось внедренье генералов
в губернии – для приструнения их.
Пуускай в верхах погон не меньше стало,
Но расчищалось место для других.

Пришла пора полковников в запасе.
В Иваново – посажен Меня сын.
А вот Москву – Лужкова кепка красит.
Он, как всегда, незаменим один!

Из генералов – только Шпак в Рязани,
другие – при делах по всей стране.
Шаймиев – княжит у себя в Казани,
в Чукотке – Абрамовичи в цене.

Киндер-сюрприз за атом отвечает,
Зурабов – счет «бабулькам» потерял,
а Жириновский в шоу вытворяет
такое, что свет белый не видал.

2 перо (чисто тульское):

Избрали в Туле мэра для порядка.
Ему бы заработать в полный мах.
Вдруг, «менеджер», как темная лошадка,
стоит на недоделанных путях.

Что «Сити-менеджер» не русская придумка –
понятно всем, но только не пойму:
зачем руке нужна вторая рюмка,
коль пить придется все же одному?

Когда-то первый секретарь горкома –
делами правил, жизнью управлял,
но «для порядка» шеф горисполкома
как будто бы чего-то там решал.

Мне не понять, кто будет «комиссарить»,
а кто решать хозяйственную часть,
но думаю, что будет кашеварить
тот, кто «баблом» подмажет нашу власть!

А так оно и лучше, может статься,
затем, что двоевластие – беда!
«Противовесом» можно лишь считаться,
а кто бюджет наполнит, господа?

3 перо (забугорное):

Во Франции арабские мальчишки
гордились небом в красных петухах.
Плающих машин и взрывов вспышки
по всей Европе породили страх.

Стреляли палестинцы в иудеев,
те строили берлинскую стену.
«Дорожных карт» увядшую идею
пытаясь вновь внедрить в свою страну.

Там Элтон Джон удачно замуж вышел
(или женился вдруг на мужике).
Там Тони Блейер (сваха – выше крыши)
держал за них чего-то там в руке.

Вершился суд над стариком Саддамом.
Ну, что такого, если он – Хусейн?
Но надо быть таким, как Буш, упрямым,
чтобы в Ирак ввязаться насовсем.

Друзья из Украины к газокрану
приникли, будто к салу с чесноком.
Того гляди, опять пойдут к майдану!
Вот только шарф оранжевый на ком?

Конечно, это наш посол – Степаныч
повяжет шарф, как в прежние года,
и скажет: «Это лучше делать на ночь,
чтоб не случилось так же, как всегда!

* * *

У петуха осталась перьев – куча!
Я ухватил всего лишь три пера.
Пускай не тех! Пускай совсем не лучших!
Молчу! А то не кончу до утра!

* * *

Год Новый встретив так, а не иначе,
его мы не забудем никогда!
Год наступает – огненно-собачий,
а, значит, не замерзнем, господа!

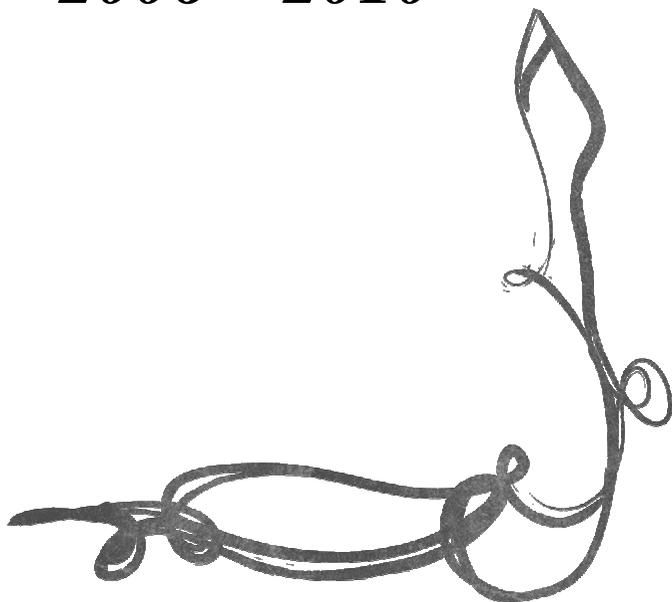
Пусть не пустеют полные кормушки,
в которых хватит многого на всех!
Пусть полнятся зеленым змием кружки!
Пусть не смолкает за столами смех!

Пускай наступит воссоединенье
тех, кто понять друг друга не хотел!
Пусть дружба, понимание, прощенье
помогут единенью душ и тел!

За Новый год! Он вырастает
из прошлых – праведных забот.
Огонь – горит! Собака – лает!
А жизни караван – идет!

XXI век
2006 – 2010

ДИЕТА В ОТЕЛЯХ

Расстилают отели постели,
ублажая заморских гостей,
чтобы те – на постелях потели,
от нагрузки – заметно худели.
Только слышен к исходу недели
круглосуточный лязг челюстей!
Море меры соленой не знает,
солнце жжет раскаленным лучом,
аппетит, как костер, разжигает.
Здравый смысл кое-как возражает,
но в огонь возраженья бросает.
Жар для жора – увы, нипочем!

Многоженство в жаре процветает,
если есть где арабам поесть!
Жир на пузе, как облако, тает,
и потребность в любви возрастает,
но без «жрачки» лишь мозг отдыхает,
если он у кого-нибудь есть!
За неделю не жди исхуданья,
хоть гарем на постель положи!
В дни тотального всепоеданья
и обильного всевыпиванья, –
веса тела идет нарастанье
и отказ покорять рубежи!

ДРУГУ

Не памятником память сохраняем,
а образом – живым и молодым!
И день рожденья вместе отмечаем,
друг к дружке прикипев нутром своим!

Лежат цветы – гвоздики и тюльпаны,
из вазы улыбается герань...
Он – там, мы – здесь! И это очень странно:
зачем он бросил нас в такую рань?

Там, в глубине – спокойно и темно...
Ни подлости, ни хамства, ни заботы...
На Божий свет не создано окно,
не выданы на жизнь иную квоты.

Ростком зеленым в небо глянул клен,
и самогонка плещется в стаканах.
В свой день рожденья улыбнулся он,
увидев всех друзей своих желанных.

Машина в Хомяково понеслась,
мы едем от хреновины налево!
Летит из-под колес густая грязь,
и жизнь, как песня... Только – без припева!

КОРОВЫ НА СНЕГУ

В январе – грязный снег на обочине,
до Москвы остается чуть- чуть.
Парики на деревьях всклокочены,
в бесконечье колёсится путь.

Вдруг машинная прыть поубавилась:
нет движенья почти целый час.
Может, просто ГАИ позабавилась,
иль дорога забыла про нас.

Как в военной былой кинохронике –
снежный хруст и мороз – будь здоров!
В мерзлом снеге, ну, чисто покойники,
неподвижные туши коров.

Кто рассыпал несчастных на трассе,
жизнь заставив струей вытекать,
снег – пурпурно-коричневым красить
и недвижно в крови замерзать?

Их на бойню везли, на заклание
для копченых московских колбас.
Но в животных жило понимание,
что последний приблизился час.

Сговорившись над кучей навоза,
взмахом туш и работой копыт
ограждающий борт скотовоза
ими был на свободу пробит!

Но свобода не всех принимает
и встречает в объятых своих!
К сожалению, стадо не знает
этих истин, как чисел простых!

Их встречает свобода – бетонкой.
Выбор сделан свободно и в миг!
Но надежда соломинкой тонкой
их дразнила в дразнилках своих.

О бетонку разбились желанья!
Только три разъяренных бычка
избежали судьбы наказания
и махнули в чащобу леска.

В них стреляли гаишники «метко»,
догоняли на лыжах и без...
Веер пуль срикошетила ветка
и сомкнулся таинственный лес.

Так и бродят, как дикие туры,
три бычка, озверевших за миг!
В память их вырезают скульптуры,
пишут сотни пугающих книг.

Значит, можно – на бойне, на шконке
быть свободным, как в лунке г...но!
Только тем, кто погиб на бетонке,
это, люди, теперь все равно!

НАВЕЯЛО

Когда погаснет вдохновенье –
наступит горечь темных дней!
Тогда и тем, и слов значенье
упрячут облака теней...
Иссохнет яблочная мякоть,
уйдя в морщины кожуры...
И не придется больше плакать,
купаясь в блесках мишуры.
Утихнет гимн любовной жажды,
иссякнет рифм журчащий ток,
пока на склоне лет однажды
не вспыхнет юности росток!
Зазеленится нежным светом,
желая всем назло цвести,
а это значит, что поэтам –
придется в вечность прорасти:
под бугорком, в уединенье,
там, где живые не живут,
не помышляя о прощенье
за недосказанность минут...
Реальных дней былые краски
уста сомненьем возбудят...
И нет конца у этой сказки,
и в юность – нет пути назад!
Об этом Ясная Поляна
листвой осенней прошуршит,
плеснув дождем на дно стакана,
пока зима не запуржит...

ОПЯТЬ ВОСЬМОЕ!

Непредсказуема погода,
как женщина, капризам верная!
И даже в день восьмого марта –
в мороз укутаны дома.
На подиум выходит мода
на хладнокровие, наверное!
Но будет стужи бита карта,
и, все-таки, пройдет зима!
Мимозы желтые горошины
растопят снежное владычество!
Ручьями зажурчат безбрежными
ласкающие слух слова!
Стремленьем ко всему хорошему
полна Она! Ее Величество!
Касаясь нас руками нежными –
тем самым женщина – права!
Ее права – не равноправие,
чтоб с мужиками силой меряться!
Она права заботой женскою,
своим умением любить!
Восьмого марта пьем за здравие,
за то, что можется и верится –
делиться радостью вселенскою
и дамам рыцарски служить!

ОСЕННЕЕ ПРОЩАНИЕ

Не поможет осень, не поможет
стать хотя бы чуточку моложе.
Потому что холод мелкой дрожью
остужает и морщинит кожу,
и ничто согреть ее не может...

Только в зиму осень не пускает –
то жалеет, то всю ласкает,
бабьелетним жаром угрожает,
тут же стылым ветром овекает,
снег – приляжет и тотчас растает...

«Осень! Не спеши в зиму вливаться!
Не пристало холоду сдаваться!
Просто – надо солнцу улыбаться,
чистоте небесной – удивляться,
а весной – по-новой возрождаться!

Улыбнись мне, осень, на прощанье!
Знаю, будет новое свиданье!
Мы с тобой осуществим желанье
и дадим друг другу обещанье!
Слышишь, осень?» Но в ответ – молчанье...

РОВЕСНИКАМ ВЕКА

Пускай никто из нас не «суперстар» –
всё хорошо в нескучном нашем мире!
Никто из нас до сотни лет – не стар!
Но сквозь очки – мы видим много шире!
Видней, кто враг, кто друг, а кто – никак!
Слышней весенних нот чарующие звуки!
Понятней, почему вокруг царит бардак!
И почему в беде – не опускаем руки!
Нас не страшит досужая молва!
Не трогает в делах отсутствие участия
со стороны всех тех, кому важнее слова,
а не реальность истинного счастья!
Вступая в дни, где каждый год за пять
взметнули стрелки жизненных приборов, –
теперь не стоит широко шагать!
«Науку побеждать!» – не зря писал Суворов!
«Штык – молодец», затем, что «пуля – дура»!
Мы побеждали только в штыковой,
где пешек – нет! Где каждая фигура
за каждый бой ответственна собой!
За каждый год мы отвечаем тоже!
Не скорость и не ширина шагов
в преддверии ста лет – нам не поможет!
Реальность – только в искренности слов!
В спокойном ожидании удачи,
которая когда-нибудь придёт!
В делах детей и внуков! Это, значит,
что нам бесценен каждый новый год!

Г.Ш.

Где Снежедь обегает Бежин луг,
водой холодной омывая берег,
там совпадает наш житейский круг
с понятием: люблю, надеюсь, верю!
Там ничего не значат «шестьдесят»,
и – семьдесят, и – сто, и – даже боле,
пока глаза на этот мир глядят
и не дрожит стакан в хмельном застолье!

Наукой – очень трудно управлять,
когда она действительно – наука!
Ученым надо просто не мешать,
а поддержать – еще полезней штука!
Бюджетных слез не хватит ни на что!
От жажды засыхает стебель знаний.
И даже, если выпьем мы по сто,
не видеть нам финансовых вливаний!

Но юбилей – на то и юбилей,
чтоб сбросить дел несделанных вериги
и стать для всех важнее и нужней,
чем суть любой, пусть сверхнаучной книги!
В заздравных тостах кроется тепло,
курится фимиам чуть скрытой лести...
Так хочется, чтоб всем нам повезло
в большом пути, где бега нет на месте!

Пусть пенсия карманы тяжелит!
Пусть будет, кроме пенсии, – работа!
Пусть никогда нигде не заболит!
Пусть с каждым мигом хочется чего-то!
Ведь впереди – еще не мало дел!
Их и на сотни лет, конечно, хватит!
Кто хочет – сможет! Тот, кто захотел,
Своей судьбе лет сто еще накатит!

ТУРНИР ПАМЯТИ ФРИЗЕНА

Застыл над сеткой волейбольный мяч
в тоске по необъятно мощной силе...
Один удар – и будет сделан матч!
Но вдруг в прыжке – движения застыли.

Как будто там, еще в немом кино
остановились кадры бело-черные.
И досмотреть его – нам не дано,
какие бы мы не были ученые!

Идет турнир, мячи ладони жгут,
ударные меня направления.
Ревут трибуны, но кого-то ждут
болельщики-фанаты тем не менее!

Эх, Эдуардыч! Если бы на час
ты смог вернуться к волейболу жизни!
Увидеть всех: родных своих и нас...
А мы за час – неплохо встречу сбрызнем!

Застыл над сеткой жизненных забот
гигант в душе, в работе, в мощном теле!
Твоим друзьям – тебя не достает!
Не верится, что ты в земной постели!

Листая напечатанный буклет,
нельзя представить целостность Фризена!
Он и сейчас живет с течением лет
и в памяти и в сердце – несомненно!

ХАНУКА*

Эпоха Антиоха Епифана
была волной восстанья сметена.
И в этой смуте, по природе странной,
всем виделись иные времена.
В них старый Матитьягу был не лишним,
возвысив древний род Хашмонаим,
с Иегудой Маккаби и Всевышним
вошли евреи в Иерусалим.
От грязи и от скверны Храм очищен
и освящен влияньем высших сил!
Хоть храмовый светильник был начищен,
но от Меноры свет не исходил.
И, вдруг, кувшинчик маленький с елеем!
Печать первосвященника на нем...
Народ, Всевышней жалостью жалеем,
смог осветиться вечности огнем!
Ниспосланного масла – не хватало,
рассчитан лишь на сутки был елей!
А, чтобы масло ритуальным стало,
необходимо целых восемь дней!
Огонь пылал все восемь дней! Казалось,
хватило б масла и на целый год!
Так чудо – Ханукой тогда назвалось
и праздник получил святой народ!
Мезуза – свиток, два фрагмента Торы,
два первые абзаца Шма. Иврит.
У двери дома справа, за которой
путь внутрь дома, где покой царит.
А свечи Хануки пылают слева,
дверь освещая с внешней стороны.

* Ханука (иврит. "обновление", "освящение") – в иудаизме праздник.

Непосвященность – песня без припева
в огромном мире, где дела равны!
Мезузы мицва не всегда блюдетя.
Зато блюдетя мицва Хануки!
Все в праздники евреям удается
субботному безделью вопреки!
Найди, еврей, кувшинчик с маслом чистым!
Воспламени огонь своей души!
На Хануку в сиянии лучистом
и нам полюбоваться разреши!

ЧТО ЖЕЛАЮТ ЖЕНЩИНЕ?

Что обычно женщине желают?
Счастья женского! А что это такое?
Может быть – размеренность покоя?
Или – состояние крутое?
Или – понимание простое?
Женщины – желанья скрывают,
и в подушку по ночам рыдают,
потому что часто ощущают
муки одиночества – до воя!

Пусть не будет женщин – одиноких!
Пусть глаза их радость излучают!
Руки – нежной теплотой ласкают!
Теплоту ответную встречают!
Губы – в губы влагу получают!
Пусть живут без мелочей жестоких!
Пусть светлеют в помыслах высоких!
Не мельчают в истинах глубоких,
а мужчин – надежных выбирают!

МОСКВИЧАМ

Г. Абрамову и Ляле

Как у вас в московской суматохе?
Так же грязь развозится колесами?
Так же на «крутых» ишачат лохи?
Так же озадачены вопросами?
Или переполнены ответами
лабиринты мозговой премудрости?
Или просто дружите с запретами?
Или сонно нежитесь по утрости?
Ну, а, может, в скуке закидаете?
Дайте знать, исправим ход сознания!
Я летал в Махачкалу, вы знаете,
чтобы не сорвалось заседание!
Передал привет гористой местности,
чьей то колыбели приснопамятной!
Хоть была погода – в неизвестности
и назад летел не в полной памяти...
Не болейте! Годы наши множатся,
но здоровья рост не наблюдается!
Друг о друге – лишь друзья тревожатся,
как в старинных песнях отмечается.
Быть добру, любви и нежной чуткости!
Встречам – быть, пока надежда теплится!
Не страшны нам сказочные жуткости,
потому что в счастье очень верится!

РОМКЕ

И великаны усыхают
от многолетней жизни бремени:
теряют волосы, седеют,
слабеют мышцы, голос рушится.
Лишь только дети вспоминают
былую мощность их во времени,
где старцы – просто молодеют,
и вновь живет им, и служится.

Пусть детям не приметно явное:
что сами стали великанами,
что их заботы приумножились
в самодостаточности сил.
В них – память есть! И это главное –
взывает полными стаканами,
чтобы слова не уничтожились,
а дух любви – в потомках жил!

Дочь, а тем более племянника –
не удержать над чернской бездной!
Скорей они сумеют бережно
меня за лысину держать,
уставшего, седого странника
по жизни странной и безбрежной,
но я готов, как раньше нежно,
и все, что нужно, подсказать.

Быть дядей Сашей – выше святостей
макушкой храма свет ломающих!
Знать, что не зря годами долгими
светило светит в темноту.
Пусть будет неизбывность радостей,
в глазах детей – добром сияющих!
Нам не смутить словами колкими
души святую простоту!

«СТИХОВОЙ»

Спит профессор, устав от науки,
позабыв про родной «фазатон»...
Затихают вечерние звуки,
снится чем-то загадочный сон...
Будто деньги вложили в науку
те, кто должен ее содержать...
Будто эту дающую руку
удается ему придержать...

Институт открывает всемирный
выше калифорнийских долин...
Кластер жизни и мощный, и жирный –
в компартимент собирает один...
Академия – крышей надежной
всех прикроет, кретинам назло...
Если крышу снесет (что возможно!) –
все равно кой-кому повезло!

Сын «сгоревший» – «железо» таскает
там, где фитнес (почти что Лох-Несс),
в магазинах жена пропадает –
ищет женский «крутой» интерес ...
Снится Тула, Самара и Яшин,
и Хадарцев – подагры собрат
(тот, кто мясо жует вместо каши
и «Боржоми» ни капли не рад!)

Превращая загадку в страшилку,
просыпается доктор наук,
потому что не любит бутылку
опрокинуть под бульканья звук!
То «фазически» пива пригубит,
то «тонически» выпьет нарзан...
Если трезвость теорию губит,
значит, практики лопнул стакан!

Жизни маятник должен качаться
бесконечно – туда и сюда!
Протрезветь! И опять накачаться!
А иначе – конец, господа!
Но профессор повторно проснулся.
Этот сон был, конечно, во сне!
Я к теории то же вернулся,
стиховоем взывая к Луне!

С НОВЫМ ГОДОМ!

Год огненной собаки отбрехался!
Декабрьский дождь скрыл Питер под водой.
Две тысячи шестой навек остался
с полониевой мерзкой ерундой.

Израиль с Палестиной, как когда-то,
сцепились в клинче в самый полный рост.
В Ираке – взрывы! В Думе – вновь дебаты.
Рождественский – не соблюдаем пост.

Декабрь – к концу, но почки набухали,
зеленотравьем крылся зимний лес...
Друзья от безысходности бухали,
уже не веря в таинства чудес.

Приходит с хрюком год свинячерылый.
Кабаний запах. Грюфели и грязь.
Охотники про снеготроп забыли,
площадно на погоду матерясь.

Но все слышней предновогодья звуки!
И я, как доктор всяческих наук,
навстречу вам протягиваю руки
под братских тостов неизбывный хрюк!

ВРЕМЯ ХАОСА

Кораблик мой – стеклянный парусник –
летит по жизни виртуальной!

Маяк надежд мерцает в старости
нам объективностью реальной!

Мигают в хаосе аттракторы,
почти всегда до боли – странные!
Но внешне-внутренние факторы
меняют русла нежеланные!

Жаль, неизбежно все – кончается!
Диссипативность – в тело ломится.
Негэнтропия – начинается!
Быть может, что-нибудь обломится!?

ВЕСНА ПРОШЛА

Курительной трубки табачный нагар...
Душистый табак капитанский...
Цейлонского чая горчайший отвар...
Романс под гитару цыганский...

От женского шарфика нежно струит
душистый поток феромонов...
Настольная лампа стыдливо горит,
наслышавшись охов и стонов.

Разбросаны вещи, маркируя путь
от двери до старой кушетки...
Пытаясь в квартирную суть заглянуть
в окошко царапают ветки...

Два тела уставших застыли внахлест,
отбросив пожар одеяла...
Сегодня они перекинули мост
от будущей скуки – в начало.

В весеннюю свежесть наивных забот,
где солнце чуть-чуть припекает,
где лед отношений и мелких невзгод,
как сахар рассыпчатый тает.

Связующей нитью обыденный день
их мыслей скрепил разночтенье...
Ритмичной капли призывная звень
разрушила крепость сомненья.

Табак ароматный, как символ, лежит...
Валяется трубка без толку...
От чая остывшего голос дрожит,
сливаясь на улицу в шелку...

ГОД КРЫСЫ

Кабаний год сдает свои права!
Крысиный год все ближе подступает!
От выборов кружится голова,
которой стать холодной подобает...

Но сердцу быть придется горячей,
чтобы согреть озябшие нейроны
от холода предвыборных речей
и цен, растущих под старушек стоны.

«Стабилизец» остался лишь мечтой!
Инфляция – подарок новогодний!
Грядет дефолт рассчитано-крутой,
с судов заморских сбрасывая сходни.

Мы, как всегда, надеждою сильны!
«Крысятничать» по жизни – не пристало!
Сейчас в нас Путин смотрит со стены,
как Ленин от Финляндского вокзала!

Нам, как всегда, предписано «пахать»
во имя снов грядущих поколений!
И не дано, по сути, выбирать,
кто зла пророк, а кто всемирный гений!

Пуškai «крысиным» называют год!
С зубами! Значит, сможет прокормиться!
Январь-бездельник нас под елкой ждет,
чтобы не дать наутро протрезвиться!

Скрипит от мандаринов кожура.
Петард не слышно. Вроде – запретили!
Галдит, забот не зная, детвора...
Попса – на шоу, чтобы не забыли!

На Новый год «Ирония судьбы»,
как прежде, поздравляет «с легким паром!»...
С экрана смотрят старые грибы,
пропитанные крепким «Солнцедаром»...

Набат курантов, грусти вопреки,
шампанит жизнь, весну предвосхищая!
Поднимем выше стопки, мужики,
за наших женщин тост провозглашая!

По сути, мы все те же пацаны,
и те же быстроногие девчонки!
На оптимизм российский – нет цены,
поэтому бокалы наши звонки!

ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЕ

Женщина, свободная в полете!
Вам не снится бытовая жуть!
Просто вы возвышенно живете
и не тщитесь прошлое вернуть!

Женщина, цветущая в пустыне
жизни, чувств, вниманья, наконец, –
в ветродуе холода – не стынет,
чуя жаркость дружеских сердец!

Крепко сжав до побеленья губы,
женщина струится сквозь дела,
распахнув в движенье полы шубы,
жесткая, прямая, как стрела!

Только жаль, не достает уюта,
сонного домашнего тепла,
ночью слезы льются почему-то,
да не те сидят вокруг стола...

Женщине, удачливой в деяньях,
на морозе жизни – горячо!
Суждено ей в долгих ожиданиях
верное, надежное плечо!

ДРУЖЕСКАЯ УХА

Мы чувствуем ершистость бирючка,
душистый смысл укропа и лаврушки,
с горчинкой злую перцовость стручка
и сверхбездонность нашей братской кружки.

Бродяга-омуль пересек Байкал,
напором баргузина устремленный!
Он кстати на пирушку к нам попал –
пусть не с душком, а с привкусом соленым!

Чеканил дождь по крышам свой узор,
потом в прорехах туч светило тлело.
Всегдашних тостов дружеский повтор
звучал, назло погоде, то и дело.

Давайте вздрогнем! Пусть в июльский день
Святой Георгий нам крылом помашет!
Да будет солнце! И да будет тень –
двойная суть обычной жизни нашей!

Судьбы загадки принимаем влет!
Поймите правильно, такие мы ребята!
Пусть только время-супер к нам придёт,
виляя нежно попой, как когда-то!

ЖЕНЩИНЕ СЕМЕЙНОЙ

Женщине – семейные заботы
суждено нести, как тяжкий груз.
Правит в воскресенья и субботы –
дама трэф, а не вальяжный туз!
Я ее по-доброму жалею!
Ей бы в ванну с лепестками роз!
Но стальным штыком пронзая шею –
атакует остеохондроз!
А потомство – обиходить надо,
научить уму, одеть, обуть!
Пусть родные люди где-то рядом,
женский «дао» – уникальный путь!
От ремонта внуковых сандалий
до покупки галстуков мужских –
все на ней! Глаза ее устали
от мельканья улиц городских.
Ей, конечно, хочется признанья,
восхищенных «охов» от подруг,
и мужчин безмерного вниманья –
каждый день, а не внезапно вдруг!
Пусть проблемы биотуалетов
не волнуют женское быттьё!
Пусть зарплаты хватит ей на это,
чтобы погрузиться в забытьё!
Пусть на кухне все само свершится,
без усилий, «Ферри», и жары!
Надо только отдохнуть решиться
и дожидаться сказочной поры:
сказки, где сбываются желанья,
где любовью полон каждый вдох!
Там введен запрет на расставанья
в сложном перекрестии дорог.
Женщина, способная светиться,
вдруг уснула, голову склонив...
Пусть ей спится, верится и снится
разноцветной нежности мотив!

ПЕРВАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ МОЛИТВА

Прими, Всевышний, нашу веру
такой, какой она сейчас
находит путь сквозь атмосферу
и отражает грешных нас!

Прими все наши достижения,
как жертву малую тебе!
Прости грехи! Прости сомненья!
Прости беспомощность в борьбе!

Войди, Всевышний, в наши жизни
с доступной помощью в делах,
чтобы служению Отчизне
не наступил вселенский крах!

Большому Богу все подвластно!
Ты даришь нам свиданий миг
и помогаешь ежечасно,
как детям, в действиях своих!

Прими, Всевышний, наше братство
и за столом, и в дни беды!
Пусть дружба – главное богатство –
оставит на Земле следы!

Избави нас от унижений!
От глаз завистливых и злых!
От ожиданья поражений!
И от предательства своих!

Пока кинжал хранится в ножнах,
уйми врагов пустую спесь!
Чтобы с кавказских гор тревожных
к нам не пришла дурная весть!

Хвала тебе, наш вседержитель!
Храни все наши очаги!
Пока придем к тебе в обитель,
прожить достойно помоги!

ВТОРАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ МОЛИТВА

Поднимая звонкие бокалы
за побед грядущих рубежи,
помните о том, что указал нам
путь надежный – сам Уастырджи*!

Не пугает путников дорога,
вектором, направленным в века,
потому что нужно им немного:
мясо, зелень, сыр и арака!

Нужен повод, место приземленья,
крепкий «фынг», или обычный стол,
и своих друзей расположенье,
и неповторимый женский пол!

Посмотри на нас, святой Георгий!
Пьем за руку верную твою!
Мы от нашей жизни не в восторге,
и с врагов снимаем чешую!

Пусть змеится существо дракона,
покачать сумеешь ты его!
Образ твой – волшебная икона!
А твое крыло – важней всего!

* Уастырджи – святой Георгий (осет.)

Путникам дорогу освящая,
умножая доблести мужчин,
мчишься ты, доспехами сверкая,
в белизну слепящую вершин!

Солнце – красит горные картины,
за столом Уастырджи сидит!
В честь него пируют осетины,
но для всех народов стол накрыт!

ПУТЬ ПУТНИКА И ГРИФА

Парящим грифом в воздухопотоке
планируют два женские крыла
к огнебагряной рыжести пространства,
где вяжется метаморфозы новь.

Там лист березы в сушь упрятал соки –
с одним крылом судьба его свела...
Бумаги лист, как поле буквостранствий,
крыла второго оросила кровь.

Скрипичный гриф изогнуто-печальный
обнял усталый путник ненароком...
Струна всплакнула под смычком и сникла...

Как будто в бесконечности астральной
душа раскрыла таинства пророкам,
всё знающим еще в начале цикла...

А, значит, вспыхнет зеленью весна!
Окрасит солнце первоцвет рожденья!
И воцарит Поэзия! Она,
как гриф и путник, в странности движенья...

И СНОВА ЖЕНЩИНАМ

Пьянит весны свободный воздух,
началом марта светел день,
пушок мимоз желтеет в гроздьях,
прохладой угрожает тень...
То снег, то дождь, то солнца яркость!
Каприз погоды – женщин суть:
еще вчера – объятий жаркость,
сегодня – слов обидных жуть!
Но наступает женский праздник:
цветы, подарки, лесть мужчин...
Тут и Амур, – любви проказник,
случайных встреч внебрачный сын...
Любовь у женщины – с оглядкой,
и в этом есть мужчин вина!
Они в застолье для порядка
хмельное зелье пьют до дна,
поручик Ржевский им приятен,
близка обломовская лень,
бесчисленных греховных пятен –
не смыть в весенний женский день!
Но осознание вины –
уже почти что искупленье!
Пусть в праздник женского цветенья
цветные дамам снятся сны!
В них – настоящие мужчины
нездешним рыцарством полны!
Там серенадный звон струны,
семейной радости картины!
Пускай, проснувшись на заре,
увидят женщины воочью,
все то, что им приснилось ночью
и в январе и в сентябре!
Пусть каждый день и каждый час
здоровье их не оставляет!
Пусть их мужчины понимают,
а внешность будет – высший класс!

СВОИ И ЧУЖИЕ

Для тебя «мои» – всегда чужие!
Так уж, видно, в жизни повелось.
Нами правят разные стихии,
навевая мысли вкривь и вкось!

«Чтоб ты сдох!» – заветное желанье
сквозь десятилетия суеты.
Близко исполненье предсказания...
Но за что, про что – не знаешь ты!

Видимо за годы (не из хилых!),
за потомков, за терпенья груз,
за доходы (больше был не в силах!),
и за не расторгнутый союз...

«Ты «своих» упорно защищаешь,
даже грязь с соседней колеи!»
Что сказала ты – сама не знаешь!
Я то думал: все они – твои!

А «свои» с «твоими» – это «наши»!
Их никто не сможет разделить!
Хлеб – так с солью, щи, конечно, с кашей!
По-другому и не может быть!

Не гневи своим желаньем Бога!
Нет на свете рыбки золотой!
А корыт разбитых – очень много,
только их не нужно нам с тобой!

ТОСТ СЛЕДУЮЩИЙ

Кавказ укрылся пеной облаков –
ему прохладно в общем потепленье,
когда в ущелья рушатся каменя
еще не овеществленных слов.
Но близится эпоха созидания
кирпичесловьем – будущего здания!

Родится тост, с которым стоит жить:
ЗДОРОВЬЕ – долголетия основа!
УДАЧА – к предсказаниям готова!
ЛЮБОВЬ – как их связующая нить!
Но в чем таится их взаимосвязь?
Куда приводит буквенная вязь?

Не может без любви удача быть!
А без здоровья – что с любовью станет?
Удача – без здоровья вмиг завянет!
А без удачи – есть ли смысл любить?
Вопросами ответив на вопрос,
совать не буду в глубь понятий нос!

Кавказских братьев близок мне удел,
здесь, на российском поле единения,
нам подарившем знак благословения!
Дай, Бог, друзьям – реальность добрых дел!
За сущность наших праведных идей!
За общий стол! За братство всех людей!

ТОСТ ГОСТЮ

Мы знаем – Гость подобен Богу!
Его достоинства мы чтим
и пьем за дальнюю дорогу,
что обошлась по-братски с ним!

Что он к нам вовремя добрался,
крылом Уастырджи* храним!
Что с девками не задержался,
хоть инструмент надежный с ним!

Мы пьем за то, что не однажды
он за борт отправлял княжен,
и утолял засушье жажды,
поскольку дружбе – верен он!

Не Вечный Жид в заморье странствий
теперь болтается один!
На околземном пространстве
сейчас колдует осетин!

Здоровье страждущим приносит
от тундры до кавказских гор!
Наш стол его подняться просит
под тостов громогласных хор!

* Уастырджи – святой Георгий (осет.)

УШЕДШЕЙ

В ином миру она теперь спокойна:
там нет забот, нет мужа, нет детей.
Там нет болезней, не грохочут войны,
нет горьких слез, улыбок и страстей!

Ее душа рассеяна в пространстве,
но в ней остался след земных обид,
который по пути вселенских странствий –
нет, нет, да и с Землей заговорит!

То каплями дождя прольются слезы,
то солнца свет – улыбку отразит!
Упреками души грохочут грозы,
стреляет град падением навзрыд!

Ушедшая, она осталась с вами!
Что было, есть, что будет – все одно!
Пускай нельзя обнять ее руками,
но есть во сне свидания окно!

Она теперь нигде, а, значит, рядом!
То мужа ненароком пожурит,
то сына озарит влюбленным взглядом,
то дочь за все, что случилось, укорит!

Она теперь – вибрация эфира!
Ну, а для вас, угасшая звезда!
Небесный рай – теперь ее квартира!
Земная память – пусть живет всегда!

СОРОКОВИНЫ

Отшелестело сорок дней,
как будто сорок лет...
Там – нет разборок, кто главней?
И дней рождений нет!
Там – он предстанет в этот час
пред вечным судьей.
Быть может, вспомнит он про нас,
не принятых землей!
Дубки над ним в строю стоят –
почетный караул!
Их листья золотом горят,
далек метелей гул...
Тропу кабанью занесет
в холодном декабре...
Мы ждем! А, может, он придет
на утренней заре?
Но нет его! Ружье лежит,
патронов не вкусив...
Спокойно в чашу зверь бежит,
довольный тем, что жив...
Глядят родные и друзья
сквозь слезную капель.
С печалью справиться нельзя
и не поможет хмель!
Он за столом в последний раз:
тарелка и прибор!
Знать, выстрелил рубежный час,
внезапно и в упор!
Отшелестело сорок дней,
как будто сорок лет...
И оказалось, что нужней
его на свете нет!

ХУЛИГАНКИ

Звонкий хохот «хулиганок» Гуль и Оли
развевает грусть во Внуковском порту.
То ли им уже лететь в Хургаду, то ли
хохотать, чтоб слышно было за версту?

Мне, как деду, ближе к дому с Домодедова!
Только внукам можно с Внукова летать!
Я давно места родные не проводывал,
но не буду бранным телом рисковать!

Два часа задержки – в годы переплавятся
в самолетном духе спирто-спиртовом!
Только «хулиганкам» это нравится.
Хорошо им, «хохотующим» вдвоем!

Потрясет нутро на кочках турбулентности,
общепитовской промазавшись едой!
Но не хватит кислородной двухвалентности,
чтоб окислить впечатлений кислых рой!

Непонятны хохотушкам эти странности!
Настроение – их антиоксидант!
Потому и процветает в многогранности
их взаимно-человеческий талант!

Не страшны соседи им свинячерылые,
матерщину изрыгающие в свет,
потому что херувимы светлокрылые
охраняют хохотушек много лет!

Херувимы – это мы с Еськовым грешные:
их лелеем, удивляем, бережем!
Чтобы не усугубить дела «сердешные» –
пьем за них! Ну и, конечно, не «Боржом»!

Мы взаимно – очень странные аттракторы,
привлекающие близких и друзей!
Нерасчетно хаотические факторы
многофазово-пространственных идей!

ЛЕЗГИНКА

Если услышишь ты меня,
если увидишь ты меня,
значит, случайно вошла в мой сон,
где только ты и Иристон!
Значит, исчезнет в горах туман,
Значит, от ветра я буду пьян,
снежных вершин обниму покой,
горным потоком сольюсь с тобой!

Если не слышишь ты меня,
если не видишь ты меня,
значит, в спокойствии будешь жить!
Только такого не может быть!
Просто угас под лавиной звук,
просто в тумане не видно рук...
Но в резонансе стучат сердца,
Танцам Осетии нет конца!

НА СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ

Хорошие люди
уходят от нас безвозвратно!
А мы – остаемся
в неясности тяжких потерь!
На солнце – от горя
чернеют кровавые пятна.
В земные чертоги
внезапно захлопнулась дверь...

Он больше не будет
с друзьями смеяться по-детски!
Улыбка на фото,
быть может, мелькнет, будто след
поступков его
и не сверстанных дел молодецких,
и мыслей его,
у которых названия нет!

Сжимались пружиной
судьбой отведенные годы,
как будто готовили
этот уход в беспредел!
Для нефти и газа
прокладывал трубопроводы,
но жизнепровод для себя –
проложить не сумел!

Застыла прощально
судьба грандиозных проектов,
притих озадаченно
кладезь науки – ТулГУ*,

* ТулГУ – Тульский государственный университет

построились ели
 вокруг буньревских проспектов,
и ветер всплакнул
 на вашанском крутом берегу...

Ему салютует
 охотничье дикое братство,
жужжанием пчелы
 прощаются с прахом его...
Супруга и дети –
 семьи основное богатство –
скорбя по утрате,
 не видят вокруг ничего...

Немеют друзья,
 понимать эту смерть не желая.
Прости их за то,
 что тебя не смогли уберечь!
Прости и прощай!
 Знать, Всевышнего воля такая!
Пусть память хранит
 теплоту наших дружеских встреч!

ВСЕВЫШНЕМУ

Всевышний снова разрешил нам встречу!
В нас сомневаться – не было причин!
Мы все тесней свои смыкаем плечи
в единстве ново-тульских осетин!

Прости нам не желанные проступки!
Непониманье истин! Гнев пустой!
Своим друзьям – неделанье уступки!
Своим врагам – в отмщении застой!

Спаси нас от неведенья сомнений!
От будущих ошибок сохрани!
Избави от принятья чуждых мнений!
За многословье наше извини!

Дай нам, Всевышний, доброты и силы,
чтобы всегда найти дорогу в храм!
И, где бы нас по жизни не носило,
вернуться дай к родимым очагам!

Большому Богу и хвала и слава!
Он вездесущ и знает все про нас!
Он дал нам всеобъемлющее право
с собой общаться в этот день и час!

БОЧАРОВ РУЧЕЙ

Берег не очень ухожен,
будто он нынче ничей.
Выглядит стильно, похоже,
только Бочаров ручей.

Там, вроде галька помельче,
да и народ посвежей.
Солнце не давит на плечи.
Больше – одних сторожей.

Там и дороги ровнее,
там не царит «Общепит»,
там не найти, кто главнее
тех, кто на пляже лежит.

Только по-честному скажем:
«Что нам на них уповать?»
Можно ведь даже на пляже
что-то самим порешать!

Правда, вселенских масштабов
вряд ли коснешься в песке...
Чем-то похожи на крабов –
пятыся мысли в виске.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Иду подвысь «Березовым прешпектом» –
туда, где нет кола и нет двора.
Где вдоль аллеи жимолостным спектром
расцвечена толстовская игра.

Толстой продул свой отчий дом в картишки.
Но это – не упрек, а просто – факт.
Где молодость – азарта есть излишки,
и есть понятье чести! Только так!

Светило солнце, воздух прогревая,
пахнуло сеном прошлогодних дней.
Навозным духом ноздри обдувая,
дул ветерок от пасшихся коней.

Но у могилы на краю оврага,
там, где «зеленой палочки» мотив,
где землю напитала жизни влага,
вдруг дождик хлынул, небо затемнив.

Как будто слезы вылились на пашни,
которые писатель воспевал...
День завтрашний струился в день вчерашний
и плакал, и томился, и страдал.

Как указатель места заземленья,
где льет толстовский негасимый свет,
как знак его идеи всепрощенья,
не понятой людьми сквозь толщу лет.

В зените солнце снова полыхнуло
на землю ободряющим теплом,
«Березовым прешпектом» подмигнуло
и высветило виртуальный дом.

Стирает время города и страны,
сдавая их, как карты на столе...
Но память сохраняет, как ни странно,
реальность их на праведной земле.

* * *

Волн искрящихся волнение
то наступит, то замрет.
Вдалеке, как наваждение,
белой чайкой – теплоход.

Он до трюмов полон судьбами
незнакомых мне людей
с их судами-пересудами
над планетой нашей всей.

Мчится курсом в неизвестное,
горизонт перечеркнув,
как знаменье наше крестное
три перста в один сомкнув.

ВОСЬМОЕ МАРТА И НЕМНОГО КРИТИКИ

Восьмое марта – просто день весны!
Но вот мужчинам хочется чего-то:
быть может, чтоб другие снились сны,
а, может, женщин критикнуть охота?!

Не бойтесь, наши женщины, мышей!
Коты для вас – опасней всех созданий!
Но их никак нельзя прогнать взащей –
коты нужны для мартовских свиданий!

Своих мужчин найдете без проблем
и тут же создадите им проблемы!
В тенетах хитроумных женских схем
запутать можно ясность главной темы!

Мужская, даже кровная, вражда
приятней самой нежной женской дружбы!
Счет не ведите прожитым годам –
«подруги» подсчитают время службы!

Не становитесь мумиями вмиг,
чтоб выяснить, кто лучше сохранился!
Для вас любовь мужчин и легкий стих,
в удачу, несомненно, воплотился!

Хвалить не надо женщину за ум!
Ведь у нее достоинств есть – громада!
Пусть пухнет голова мужчин от дум,
а женщинам быть рядом с ними надо!

Попав в объятия женщины хоть раз –
мы у нее в руках уже навечно!
Так пусть настанет долгожданный час,
и наша общность будет безупречна!

Всегда прощают женщины мужчин,
и ни о чем, увы, не забывают!
Но веских для обиды нет причин,
а недомолвки пусть в ручьяхрастают!

Мужчины пусть пеняют на себя,
а женщин воспевают и лелеют!
Прощая им, ревнуя и любя,
пока плоды любви на солнце зреют!

ХОРОШИЙ ОТДЫХ

Хорошо отдыхать – хорошо!
Только мне это трудно понять!
День пришел, пролетел и – ушел,
и не стоит о нем вспоминать?

Ты не сделал, что мог бы свершить!
Не увидел, что можно узреть!
Не сложил, то, что можно сложить!
Не успел, там, где надо успеть!

Этот отдых – болезни сродни
стойким вирусом в клетки проник.
Мысли вслух – остаются одни,
иссякает здоровья родник.

Отдыхать хорошо меж друзей,
где работа сигналил маяк,
где не хочется лечь в мавзолей,
даже, если он вечности знак!

Хорошо из седла на скаку
вылетать, чтоб прижаться к земле!
Хорошо дописать бы строку,
и увидеть стакан на столе!

Хорошо побеждать бы врагов
на житейских дуэлях без пуль.
Хорошо – научить дураков
понимать, где десятка, где нуль.

Хорошо – не мешать никому
сделать собственной в жизни задел.
И не быть никогда одному!
Не сидеть, прохлаждаясь, без дел!

Но неделя, другая – нужны,
чтобы все это вместе понять!
Лени вирусы нам не страшны,
научиться бы, как отдыхать!

ДОЖДЬ В СОЧИ

Над пляжем сочинским водой сочились тучи,
шуршали волны галькой о песок...
Струй дождевых шумел поток кипучий,
смывая в море берега кусок...
Из глубины морской взбурлило, что ли,
сливаясь в Сочи с самого утра?
Сырели мысли и ржавела воля...
Но это было только лишь вчера!
А нынче – солнце жарит беспощадно!
Да так, что кожа от воды шипит.
Волненье моря – есть! Ну да и ладно!
Зато растет на отдых аппетит!

НА ДАЧЕ БЕРИИ

Здесь вечером сидел Лаврентий Палыч
за чаем в чесучовом пиджаке,
вдыхая аромат магнолий на ночь,
с блестящим подстаканником в руке.

Открытая веранда продувалась
от моря налетевшим ветерком,
у входа тихо пальма колыхалась
вращенная несбывшимся вождем.

В розетке – мед варенья из кизила,
там – щипчики, там – сахар кусковой.
Как будто время на бегу застыло
и наступил безоблачный покой.

В пенсне сверкали отблески заката,
в пучину канул красный солнца диск,
бродили по периметру солдаты,
надежно исключая всякий риск.

Взглянул туда, где дача сына Сталина
(за ним тогда был нужен глаз да глаз!)
И, хоть охрана по кустам расставлена,
а вдруг контроль исчезнет хоть на час?

Ему тогда не думалось, возможно,
об атомных проектах, лагерях...
Своим чутьем болезненно-тревожным
он ощущал неотвратимый крах.

Но море оведало и шуршало
накатывая волны на песок...
И не хотел он жизнь начать сначала.
И был до отвращения одинок.

ШТОРМИТ

От солнца яркой инфракрасности,
как будто в гриле, – кожу жжет...
И с ощущением опасности
морских сюрпризов сердце ждет.

Качнулось блюдце моря Черного –
вот тут и начало плескаться!
Как будто воду кто вычерпывал,
что облака прополоскать.

Штормует море бесшабашное!
Ему погода – не указ!
Теперь не белыми барашками
природа удивляет нас...

Валов зеленых мощь закручивать
шалюному морю не впервой!
Не надо рукавов засучивать,
взбивая штормовой прибой.

Вскипает пеной бело-бешеной
вдоль всей прибрежной полосы...
С шипеньем пузырей замешаны
морские пенные усы.

По ним босые дети топчутся,
а, значит, прекратит штормить!
Сюрпризы неизбежно кончатся –
ведь надо чаек покормить...

Природой-мамой соблюдается
режим чередованья бед.
А неожиданность включается
в обычный ритмов винегрет.

ЖЕНЩИНЕ

Женщина, свободная в полете!
Вам не снится бытовая жуть!
Просто вы возвышенно живете
и не тщитесь прошлое вернуть!

Женщина, цветущая в пустыне
жизни, чувств, вниманья, наконец –
в ветродуе холода – не стынет,
чуя жаркость дружеских сердец!

Крепко сжав до побеленья губы,
женщина струится сквозь дела,
распахнув в движенье полы шубы,
жесткая, прямая, как стрела!

Только жаль, не достает уюта,
сонного домашнего тепла,
ночью слезы льются почему-то,
да не те сидят вокруг стола...

Женщине, удачливой в деяньях,
на морозе жизни – горячо!
Суждено ей в долгих ожиданиях
верное, надежное плечо!

КОРЫТА́

По дороге в горы
остановка есть.
(На крутых просторах –
их не перечесть!)
Горно-ресторанный
уголок-мечта
с удареньем странным,
старым: «Корыта́».
В скальности гранита
струями воды
желобов пробиты
стройные ряды.
Там вода – хрустальна,
от деревьев – тень.
Солнце лишь местами
осветляет день.
Ледяным потоком
речка камни мнет,
у реки под боком
ест и пьет народ.
Вдоль корыт природных
там, на крутизне,
отдых – всепогодный,
будто бы во сне.
Прямо над ущельем
мощные столы,
меж деревьев в щелях –
горные орлы.
Да и мы – орлами
ощущаем мир:
в горы и с друзьями!
Это счастья пир!

Но дороги дальше
вьется серпантин.
Нет в природе фальши!
Только свет картин.
До Солох-аула,
где Шахе-река,
как змея скользнула
раз – и на века!
Там уже природа
взята за бока
и для «слуг народа»
будет жизнь легка!
Там – коттеджи, бани,
корты и бассейн,
не считают «мани»
и не пьют портвейн...
Но и мы не хилы,
не дрожит рука,
пьем вино в полсилы
с горкой шашлыка.
В ворохе событий
дни – не все просты!
Это дни открытий
новой красоты!

МАЛЬЧИК И ПРЕЗИДЕНТ

Народ привык глядеть в телеэкраны,
где ужас, секс и гибель каждый час...
Но почему же вдруг кровавой раной
всех поразил экранный красный глаз?

Их показали рядом, как нарочно.
Грузинский президент. И наш Пацан!
Один из них – болезненно порочный.
Другой – страдает от душевных ран.

Вот «демократ» фашистского засола,
взращенный дядей Сэмом «за бугром».
Там дом его, родня, семья и школа.
Ему плевать, что будет здесь потом!

В его портрете – суть наследства грубого.
Что есть – то есть! Нет челки и усов.
Есть психика Адольфа Шикльгрубера
и та же лживость не грузинских слов!

С улыбочкой и вскинутой ручонкой
над Грузией возвысился царек,
за океан смотрящий восхищенно.
Не фюрер он, а жалкий фюрерок!

Трусливостью рожденное нахальство
со страхом неизбежной кары ждет!
Но доллары подбросило начальство –
и он в клочки свою рубаху рвет.

Обман и геноцид – его деянья!
Проклятье на обманутый народ,
который он вовлек без покаянья
в кровавость дней, в войны водоворот.

А вот – Пацан в кепчоночке измятой
прикрыл рукой шепнувший что-то рот.
Ему что президенты, что солдаты...
Он объяснений и решений ждет!

В глазенках осетинского мальчишки,
как в зеркале, разрушенный Цхинвал,
ракетных взрывов огненные вспышки
и гаубично-танковый оскал.

В его глазах – две тысячи убитых
надежд, желаний, радостей, родных...
Две тыщи жизней, разом не дожитых...
И сотни детских люлек. Но – пустых....

В его глазах вопрос и ожиданье.
Кто виноват? И где найти ответ?
В них есть прощенье, боль и пониманье...
И только страха в этом взгляде – нет!

У предков страх не закрепился в генах!
Святой Георгий мальчика хранит!
Порок наказан будет – несомненно!
Но он не будет мальчиком забыт!

ДЕНЬ В ЦХИНВАЛЕ

Кто видел взгляд того, другого света
с зияющей бездонностью – в упор?
Пустые окна университета
в расстрелянном Цхинвале, как укор...

Всем, кто не видел варварской разрухи,
пусть не приснится этот страшный взгляд,
с которым дети, старики, старухи –
на наше безучастие глядят!

Они молчат! Лишь ветер завывает
меж обгоревшей стойкости руин...
Но этот взгляд нисколько не прощает
тех, кто войной пошел на осетин!

Кто выкормил бездарных троглодитов,
которым, правда, дали по зубам,
вояк трусливых, Богом позабытых!
Не знать покоя им ни здесь, ни там!

Был день, как день, по августовски жаркий.
После бомбежек отдыхал Цхинвал.
Осколками – иссеченные парки
усыпаны, как будто щебнем скал.

Сгоревших танков черные скелеты
на перекрестьях улиц городских –
свидетельство сражений, но при этом –
жизнь продолжалась в чайнях людских!

В воротах дома, около машины,
случайно уцелевшей от стрельбы,
увидели дородного мужчину,
сгребавшего последствия пальбы.

«Пухаев Лев!» – представился достойно.
«Прошу друзей зайти в мой бывший дом!»
Он был спокоен. «Что нам смерть и войны?»
Вот только слезы сдерживал с трудом...

«Прошу к столу!» – «Какой тут стол, дружище?
Ведь дома – нет, развалины одни!»
«Есть стол и потолок, немного пищи,
горит очаг – немало в наши дни!

А, значит, хлебом, солью – дом встречает
всех тех, кто к нам приехал в трудный час!
Всевышний и святой Георгий знают –
друг к другу, грешных, направляя нас!

Есть рог, вино, есть сыр и помидоры!
Все на столе. А то уж ждать невмочь!
Давайте вспомним тех людей, которых
мы потеряли в варварскую ночь!

Прошу простить, что мяса нету в доме!
Такое в этой жизни – первый раз!»
Мы слышали немало тостов, кроме
вот этих слов, так поразивших нас!

Был также тост, невысказанный, казалось
в разгромленных кварталах осетин:
«За память детства, что в сердцах осталась!
Давайте выпьем за друзей – грузин!

За тех, кто земляков предать не может,
Какой бы он не получил приказ!
Пусть им Всевышний в скорбный час поможет,
и пусть хранит от злодеяний нас!»

Неписанный закон гостеприимства
был Льву важней, чем танковый разбой!
Бомбить такой народ – пустое свинство!
Он выдержит любой смертельный бой!

Цхинвал живет, пока живут мужчины,
которым слово дружбы, как закон!
Пока согласие есть в стране единой
с названьем вековечным – Иристон!

КОНЦЕРТ ГЕРГИЕВА В ЦХИНВАЛЕ

С экрана горько плачет осетинка,
не пряча вмиг полученных седин.
В Цхинвале выступает Мариинка,
а, значит, – завтра есть у осетин!

Убитые из-под земли восстали
мерцанием оплавленных свечей.
На площади в растерзанном Цхинвале
звучит бессмертной музыки ручей.

Она была понятной, откровенной –
для всех, кто слышать это чудо мог!
Им думалось о самом сокровенном!
С небес сошел непобедимый Бог!

Там Гергиев в величии печали
руками – звуки в гимны собирал.
Хребты домов, руины школ – молчали...
Был город, как один концертный зал!

Пока в сердцах есть ноты сострадания,
вольнлюбивый не сломить народ!
Цхинвал, как город, стерт до основанья!
Цхинвал людей – по прежнему живет!

СААКАШВИЛИ

Трусливый президент смешон и жалок:
лохматый – внешне, скомканный – везде!
Мы памперсы пошлем тебе в подарок,
чтобы сидел прилично на суде!

Ты социально болен, невменяем,
к самоубийству склонный психопат!
Из-за «бугра» деньгами управляем,
и финиш твой – бездонный серный ад!

Нам памятни законы кровной мести
за оскорбленье родовых святынь –
отступникам без совести и чести,
способным на Освенцим и Хатынь!

Калоевых в Осетии немало,
готовых дать кинжальный свой ответ
на подлость, что покой людей сломала,
на ДНК оставив генный след!

От памяти людской нельзя укрыться!
Тебе грехи покоя не дадут!
И, если суд земной не совершится,
тебя найдет небесный высший суд!

Не избежать всевышней жесткой кары
за гибель многих тысяч осетин!
В глазах твоих не взрывы, не пожары,
а страх за месть рассерженных мужчин!

Кто кладбища с лицом земли равняет –
того проклятье наших предков ждет!
Кто святость древних храмов разрушает,
того Всевышний под землей найдет!

Святой Георгий Грузию покинул!
Пока ты там – его не возвратить!
Кто меч на свой народ из ножен вынул,
тому нельзя на этом свете жить!

НА ГИМН США

*«Смотри, видишь ль ты в солнца первых лучах,
С чем в заката часы мы простились глазами?
О, скажи, он ведь жив, полосатый наш флаг,
Цвета неба и солнца наше звездное знамя?
И летали ракеты, и снаряды взрывались,
Подтверждая: форт наш ночью не сдался.
Ответь: это правда, флаг еще реет
Над землю свободных, родиной смелых?»*

*Вдали, там, где берег еле виден в тумане,
Где надменный наш враг от атак отдыхает
Что там утренний бриз в вышине развеивает,
То скрывая от глаз, то вновь открывая?
Вот он снова сверкнул, туч завесу прорвал,
В полной славе своей гордо миру предстал.
Это звездный наш флаг! О, пусть же он реет
Над землю свободных, родиной смелых.*

*А иначе никак и не может и быть
Там, где выбор пойдет вновь о деле свободы.
И пока будем жить, будем благодарить
Силу, что сотворила нас единым народом.
Этот выбор — священен, выиграть должны мы.
Наш девиз неизменен: «Лишь Богом мы живы».
И победный наш флаг будет также все реять
Над землю свободных, родиной смелых».*

Гимн США

Поэтический перевод Игорь В. Косич, 2000

Ты смотри, не смотри, только в солнечных ярких лучах,
и в закатной поре, и в ночной непроглядности века –
также плещется штатовский звёздно-полосчатый флаг!
Значит, жив он пока! Будто символ для сверхчеловека.
Он – источник беды из ракет, и снарядов, и мин!
Все привыкли, что в мире подлунном он правит один!
Но ответить придется за гибель людей и народностей целых
в бывших землях свободных, на родине смелых!

Там, от Штатов вдали, в югославских, иракских краях,
смерть витала, витать, и могла бы витать постоянно!
Но в Сухуме, Цхинвале – свободный взвивается стяг,
значит, можно и нужно с диктатом заканчивать странным!
Полосатого флага над миром – скукожилась тень!
За свою независимость людям сражаться не лень!
Пусть победные флаги, затмив перекрестья прицелов,
реют в странах свободных, на родине смелых!

Только так! По иному не будет на нашей Земле!
Многополюсный мир гарантирует истинность в спорах!
Всем народам Всевышним – даровано греться в тепле,
здороветь и счастливеть на равнодоступных просторах!
Пусть любовь с уважением и радостью будут всегда!
Пусть улыбок детей не коснутся лихие года!
Реять флагам удачи! И в руках им держаться умелых
над землей, где Свобода и родина смелых!

ФОРМУЛА УСПЕХА

Не предавай друзей!
 Не рой другому яму!
Завидовать – не смей!
 Терпению – научись!
Любить людей умей,
 как дети любят маму!
Наметив в жизни цель – учиться не ленись!

Надежды – не теряй!
 Чти честь свою безмерно!
За трусость – отвечай!
 Прощай невольный грех!
Пей – меньше! Не играй!
 И вот тогда, наверно,
во всех углах Земли найдет тебя успех!

ОДОЕВСКОЕ

Мы не совсем, друзья, заиндевели
в одоевской воздушности, в глуши!
В лесах судьбы ничуть не постарели!
О нас на стенах, лодырь, не пиши!
Три буквы, три загадочных светила
на стенке, где про маму – ни гу-гу!
Нам память неизбежная открыла
тропинку на истоптанном снегу...
Как говорится, нас зазря пугают,
что память сбои иногда дает!
Лишь потому нам жены доверяют,
что Он сейчас воочию встает!

Встает наш друг, наш общий друг-товарищ,
тостует, говорит «Давай, попьем!
И ничего, что с кем-то шей не сварить,
и ничего, что кто-то за рулем!
В кругу друзей, повязанных судьбою,
от лишних слов избавиться хочу!
Пусть труба зовет сегодня к бою!
Я вместо тоста лучше помолчу!»
И выпил он, презрев болезни страхи,
как в молодости! Значит, все – до дна!
Не рвал он на груди своей рубахи,
был дружбой пьян, а не глотком вина!

Вот так и мы – от возраста пьянеем,
включая память прошлых, добрых лет!
Огнем воспоминаний души греем
и тем, что оставляет в жизни след...

ГДЕ ОТВЕТ НА ВОПРОС?

Винокуров БээЛ
раза в три похудел!
Говорит, что магнитное чудо.
Может, просто дозрел?
Или выбрал удел
худобу получить ниоткуда?
Дай, дружище совет!
Или это – секрет?
Как мне сбросить кило хоть пятнадцать?
Но в ответ слышу: «Нет!
Без меня это бред!
Не могу в тайне века признаться!»

Ну, конечно, мой друг!
Не откроешься вдруг!
Нас спецслужбы не этому учат!
Тесен дружеский круг.
Дарит ухо нам слух,
только враг может слышать покруче!

Ну, а я тут причем?
Мне и враг нипочем,
если я похудею за лето!
Кто мне станет врачом?
Как узнать что почем?
Есть вопросы, но нету ответа!

ДЕНЬ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Когда от детской боли
рыдает чья-то мать,
и кажется здоровье невозможным,
то врач с железной волей,
уменьем сострадать, –
становится спасением надежным.

Коль вестник тьмы дозреет
и сядет на кровать,
крылами навевая неизбежность,
то медсестра сумеет
прийти, понять, обнять,
больному подарив любовь и нежность.

Да здравствует наука
прощать и понимать,
и сострадать непознанным недугам!
Ведь жизнь – чудная штука,
где медицина – мать
и недругам, и братьям, и подругам.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В ДОРОГЕ

Никто не любит дни рожденья
за вектор направленья их
в грядущих дней столпотворенье
из фейерверков и шутих.

Но дни рождения в дороге
встречать понятней и ясней,
когда проводят нас пороги
в недолгий путь на пару дней.

Никто тебя не поздравляет,
нет лицемерия тостов,
вой самолета заглушает
придуманность слащавых слов.

А впереди иные дали,
других забот обвальный груз,
остались за бортом печали,
и всякий минус – это плюс!

Вчера – жара, сегодня – холод,
походный – выгоден расклад!
Любой из нас в дороге – молод,
и встречным дням безумно рад.

И встречным людям рады тоже –
любых кровей, любых годов.
Пусть тот, кто наверху, поможет
найти нам всем – достойный кров!

Пусть небо будет прочной крышей,
а Солнце – вечным очагом!
Чтобы хотелось дальше, выше,
и быть во всем, всегда – причем!

Нам крайних хат не стоит строить
ни в сорок пять, ни в двести пять!
А вот в бокал придется «нолить»,
Ну, а потом его – поднять!

НА СМЕРТЬ ЛАШНЕВА С.Т.

Он ушел туда, где поспокойней,
но покоя в жизни – не искал!
В пятьдесят – он выглядел достойней,
чем седобородый аксакал!

Накануне дождь хлестнул по крышам,
воскресенье вербное умыв.
Может, кто рыданья в нем услышал,
может, просто, траурный мотив?

В небесах эфир молчаньем дышит,
нет бумаг, приказов и звонков...
Там никто «служебные» не пишет,
разбираться в письмах не готов...

За очками глаз никто не прячет!
Нет вопросов! Ни к чему ответ!
Нет проблем семейных! Нет удачи!
Да и жизни, в общем, тоже – нет!

Он сроднился с нашим факультетом!
Как ребенка пестовал его!
Сутками работал и при этом
не просил у неба ничего!

Как мечтал он с нами научиться
уравнений каверзность решать,
чтобы долголетия добиться!
Даже научиться воскрешать!

Тщетно все! Свихнулась асимптота!
Хаосом фракталются года!
Он ушел. Захлопнулись ворота.
Мы осиротели навсегда!

ДАМСКИЙ КОЗЫРНОЙ ПРАЗДНИК

Длиннеют дни и коротеют ночи,
весна стремится в хлюпающий март...
коты перед сраженьем когти точат,
весенним нюхом чувствуя азарт.

Не знаю, что хотела Клара Цеткин,
о чем мечтала Роза Люксембург,
восьмого марта выпустив из клетки
международность пламенных подруг?!

Быть может, меж собой свои проблемы
им было невозможно разрешить,
и захотелось безысходность темы
на плечи женщин мира возложить?

Случайных нет последствий сотворенья!
И даже политический проект –
вдруг сам собой меняет назначенье,
рождая неожиданный аспект!

Так и случилось с днем восьмого марта,
поскольку должен был случиться день,
в котором Дама – козырная карта!
Да и Король – не просто дребедень!

Ведь женщина всегда сильна мужчиной,
который рядом в снах и наяву!
С ним – кризисы не могут стать причиной,
чтобы не удержаться наплаву!

И Женский день – всегда Мужской немножко!
Инь-Янского единства результат!
Кот мартовский и мартовская кошка –
всегда в друзьях, как много лет назад!

Но верховодит, явно, праздник – женский,
весна в нем гулеванит и бурлит.
Цветочный дух гламурно-деревенский –
мимозовость на улицах желтит...

Толпятся за подарками мужчины,
пытаясь чем-то женщин удивить!
Но точно знают: нет такой вершины,
которой можно даме угодить!

Поэтому дарю я им подснежники,
как знаки возрождения весны,
слова простые и упруго-нежные,
а ночью – эротические сны!

Дарю своих друзей воспоминанья!
Здоровья всеобъемлющий флакон!
Желая им всеобщего признанья
и красоты со всех своих сторон!

КАРМАДОН

Там, где ледник-убийца Колка
ущелье проутюжил вмиг,
беды и горя сделав столько,
что не вместить их в рамки книг,
«Газель» летела до Гизели,
гонимая давлением зла...
А сзади с хрустом мялись ели
и корни их река несла.

Волна ударная крушила
основы скал, стирая в пыль...
Природа, видимо, решила
сметаморфозить сказку в быль!
Никто не верил в катаклизмы,
в новейших днях Армагеддон,
что не найдется механизмов
предупредить вселенский стон!

Киновмешательство Бодрова
в спокойный ритм великих гор?
А может чье-то злое слово?
Кто виноват? Напрасен спор!
Людской беспечности мотивы,
неуважение к святым, –
грехи обыденностью живы,
терпимо отношенья к ним!

Но наказание – сурово
за столь привычный беспредел!
И Кармадон напомнил снова
про брэнность человеческих тел!
«Газель» домчалась до Гизели,
умчалась прочь от ледника,
в ней все, по счастью, уцелели!
И в том Всевышнего рука!

Утюг-ледник остановился,
там, где святого места знак!
Печальный опыт завершился!
Не наступил вселенский мрак!
«Святой Георгий! Покровитель
людей застигнутых в пути,
Кавказу верный небожитель,
нам помоги себя спасти!»

КАРНАВАЛ В БРАЗИЛИИ

Кризиса непонимание
над Бразилией царит!
Карнавала ожидание
навевает аппетит!

Шоколадных поп дрожание,
барабанный звонкий бой,
фейерверкное мерцание
и верченье головой.

Евродолларами сеяно
поле странное чудес,
знойных женщин там немерено –
и в купальниках и без...

Будет карнавал в Бразилии
нефтеценам вопреки!
Будут ждать Алис, Базилио,
Буратинодураки!

Ритмов воздухотрясение!
Оперенные тела!
Кризис – дикое растение,
биссектриса без угла!

КЕНТАВР-СТРЕЛЕЦ

Кентавр я! Коне-человек,
с душой, пропитанной любовью!
Храню твой сон почти что век,
склонившись гривой к изголовью.

По гороскопу я – стрелец!
На тетиве – стрела удачи.
Она настигнет, наконец,
источник бед, причину плача!

Пусть кризис снегом запуржит,
декабрьским холодом повеет,
но факел жизни – не дрожит,
а жаром солнца душу греет!

Кентавр, стрелец, и просто – я
всегда с тобой неподалеку:
журчаньем вешнего ручья,
хоть мой язык – орлиный клёкот.

Мы из природы, и в нее
уйдем, когда махнет Всевышний...
Как прогоревшее жнивье,
как жар в печи, как третий лишний...

Но с полыханием огня –
стрелец по знаку зодиака,
упругой тетивой звеня,
восстанет Фениксом из мрака!

ИСКУССТВО ИЗ МУСОРА

Когда душа дрожит в экстазе,
рождая вспыхнувшие чувства,
тогда из мусора и грязи
большое лепится искусство!

Не важно, из чего ваяется,
когда, и – так, или иначе...
А важно то, что получается
в процессе чувство-передачи!

Из-под волшебных пальцев дамы
рождаются без всякой схемы:
из злых завидок – эпитафий,
из слез горячности – поэмы.

Вот также из сумбура женского
любовь рождается и крепится!
Лишь так из хаоса вселенского
гармония природы лепится!

ЛЕГЕНДА О ХЕТАГЕ

Когда звучит погони скачка
(храп конский, перестук копыт),
сраженья близится горячка,
в которой сгинуть предстоит, –
вдруг раздается Голос свыше:
«Скорее в лес, не жить тебе!
Спасенье в милостивой крыше,
дающей шанс твоей судьбе!»

Был Хетаг бегом обессилен,
но смог взмолиться: «Боже мой!
Святой Георгий, ты – всесилен!
Меня от недругов укрой!
Я не успею в лес спасенья –
уставший конь не доведет!
Сдаюсь на милость Провиденья,
пускай оно меня спасет!»

И роща вокруг него сомкнулась,
остановив погони раж!
В корнях – атака захлебнулась...
Возникший лес был как мираж!
Дубов и грабов вечных кроны
сплелись в невиданный шатер!
Там не слышны кинжалов звоны,
там мудрым мыслям дан простор!

Пусть тайна рощи неизвестна
(*Уастырджи** – хранит ее) –
в ней надо быть предельно честным,
чтобы не кануть в забвенье!
И посейчас нельзя отсюда
листки и ветки выносить!
Грозит душевная простуда
здоровья за грехи лишить!

В день Хетага Святой Георгий
дарует *фарн*** от всех святых!
И от чудес его в восторге
бывает тот, кто верит в них!
В преданьях – истина простая,
в ней честь и справедливость – суть!
Историю в уме листая,
определяем в завтра путь!

* *Уастырджи* – св. Георгий (осет.)

** *фарн* – счастье (осет.)

НЕ ТО!

Я многого не досказал
о том, что невзначай увидел.
Не с тем дружил. Не то искал.
Не так шутил. Не тех обидел.

И сам я, вроде бы не тот,
каким меня узреть хотели.
Блуждал в предчувствии высот,
но не достиг неясной цели.

Притягивала цель-магнит,
но тут – случайность, там – случайность...
Дорога-вектор вкривь пылит,
и, вместо цели, обычайность...

Все, как всегда! Ну, не совсем,
а где-то в новом измеренье,
в котором стало ясно всем,
что это – просто отраженье.

Как будто в зеркале кривом
искажена структура цели!
Я, как система, не при чем!
Но будущее – на прицеле!

НЕУЧ

Я себя ученым не считаю!
Даже проникая в суть вещей –
спотыкаюсь, мучаюсь, страдаю,
и «тащусь» от щавелевых шей!
А решать: «Науки. Не науки...»
оставляю тем, кто в них погряз!
Авторучки, автоматоруки –
пусть напишут правильно про нас!
Что, мол, были! Значит, ели, пили:
воду, водку, соки, кислый квас.
Хвастались, прощали и любили,
не сгибаясь в самый трудный час!
Многое чего мы написали,
мир фрактальный думая понять!
Правда, ненадежные скрижали
память нам сумела завещать!
Но и все же – жили вдохновенно:
ошибаясь, веря и трудясь!
Вытащив из хаоса мгновенья –
Чистоту не втапывали в грязь!
А само понятие – ученость –
есть ученье сути бытия.
Познавая жизненнокрученность,
неучем считаю я себя!

ОБЛАКО НА ВЕРШИНЕ

Нахлобучив белую папаху,
в вате облаков скрывая суть,
из альпийской зелени рубаху
черный кряж стремится распахнуть!

Древних башен каменные стражи
охраняют вековой покой,
не нужны им шоу-эпатажи,
и не страшен ураганов вой!

Память гор – неведомые тайны
в глубине пещер своих хранит!
Встречи с ними – редкостно-случайны,
вечен лишь гранитный монолит!

Постоянство древнего Кавказа
нарушает грохот горных рек,
водных капель серебрятся стразы,
и – здоровьем дышит человек!

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

Дай краба, мареман!
Сожми покрепче руку,
держашую штурвал
немало бурных лет!
Морской соленый волк
давно постиг науку,
как проложить свой курс
в пучинах «да» и «нет»!

Но ты не торопись
посудину поставить
в невыносимый док
на вечности прикол!
Готовым надо быть
от прошлого отчалить,
чтоб парусник надежд
в грядущий рейс ушел!

Фарватеры любви
известны не по картам!
Извилины судьбы –
не шахматный цейтнот!
По жизни каждый миг –
пусть обернется фартом,
а славы пьедестал –
всегда тебя найдет!

Пусть плавает г...вно
по штилевым широтам!
А мы пойдем другим,
неведомым путем,
где ураганов вой
играет марш на шкотах,
где скрипы крепких мачт
и рукоплещет гром!

Пусть на бортах шуршат
 десятков лет ракушки!
Они не тормознут
 многоузловый ход!
Не расплескать бы суть
 из полной братской кружки,
куда яванский ром
 другой пират нальет!

Причалы для судов –
 не вечные стоянки!
Здесь кнехты от концов
 наброшенных – блестят!
Здесь пенсионный час
 не пробивают склянки!
Семь футов под килем!
 И пусть года летят!

Быть старым кораблям –
 не в гаванях застойных!
Не нужен им причал,
 где ржавых снастей стон!
На рейде место им –
 среди друзей достойных!
Там буйные ветра
 не навевают сон!

Пусть в юбилейный час
 залп бортовых орудий
напомнит хоть на миг
 охоты страстный зов,
который даже лед
 событий не остудит!
Морской охотник –
 след повсюду взять готов!

Дай краба, мареман!
Здоровья и удачи!
На мостике своем –
всегда смотри вперед!
Твои права на жизнь –
без права передачи!
А на табло судьбы –
пусть будет «Полный ход!»

СКУРЯЧЕННОСТЬ

«Скурячилось небо над нами!»,
когда-то сказал юный друг...
И черными в ночь облаками
закрылось пространство вокруг.

«Скуряченность» неба – реальна,
как молнии яркий зигзаг,
пронзивший живое – фатально...
Но белый – не выброшен флаг!

Пусть тысячность вольт пробивает
сквозь сердца кровавый комок!
Небесный разряд продлевает
по жизни просроченный срок!

«Курячиться» нам не пристало!
Корячиться – тоже невмочь!
Но вряд ли, света в полнакала,
удастся друг другу помочь!

ПУРИМ

Еврейский Пúрим красит март,
пить разрешив вино!
Всеобщему веселью старт
дается заодно!

Благословенный Мордехай
и проклятый Аман!
Не различают их пускай
все те, кто в Пúрим пьян!

Житье в России – Пуришпиль,
публичный карнавал,
где каждый ряженный свой стиль
в российский герб вписал!

Приедет завтра Президент
и даже Берл Лазар!
Но в этот праздничный момент
всем вспомнится *адар*¹!

В печенье с маком – три угла,
повидло, сладкий сон...
Всем *гоменташ*² принесла
весна, открыв сезон!

Стирает время имена
под свист и топот ног!
Но Пúрим празднует страна
без кризисных тревог!

¹ *Адар* – название 12-го месяца по еврейскому календарю (длится с 20 февраля по 24 марта)

² *Гоменташи* или *умэнташин* – уши Амана (*идиш*), на *иврите* – *озней Хаман* (треугольное печенье с джемом и маком)

СОН

В небе, луной закопченном,
звездный колышется рой...
Строгая женщина в черном
ночью приходит за мной.

Двери она открывает
в сон, не придуманный мой...
С плеч покрывало срывает,
в темень уйдя с головой...

Каркнула где-то ворона...
Филин, рыдая, вздохнул...
Струны надежды затронул
города дальнего гул...

В пламени свеч закипела
времени злая струя...
Вот уже – женщина в белом,
словно удача моя!

Ветер взвевает прохладу,
солнечный лечит ожог...
Милая! Что тебе надо
в этом пространстве тревог?

Мысли – то в черном, то в белом,
то – наяву, то – во сне...
Мысли – не словом, а делом –
ночью приходят ко мне...

Овеществляя былое,
завтрашний строю рассвет!
В том, что не будет покоя,
даже сомнения – нет!

В небе, луной закопченном,
дрогнула звездность струны.
Женщина в белом... и черном –
символ грядущей весны!

ТАЙНА ОКАМЕНЕЛОЙ РАКОВИНЫ

Морское дно вдруг вспучилось вулканом,
вода вскипела, паром изойдя,
змеистость гор восстала великаном
в потоках грязи, камня и дождя...

Возник хребет – от моря и до моря,
упрятав в лаву, как эксперимент,
все то живое, что не знало горя
в глубинах вод, исчезнувших в момент!

Два миллиона лет! А, может, боле,
прошло с тех пор на шарике земном...
С горами рядом распростерлось поле –
на месте, что когда-то было дном...

Окаменелой раковины спину
нашел мой друг в гранитных валунах
и подарил другому осетину
на память о Кавказе и горах.

А, значит, вечность – сложное понятие!
Где было море – властвует Кавказ.
Быть может, это древнее заветье
о будущем предупреждает нас?!

Пусть наша суть не скрыта перламутром!
Пусть не дойдет к потомкам камень тел!
Давайте просыпаться рано утром,
чтобы успеть нырнуть в пучину дел!

И, если полюса начнут меняться,
потомкам пусть достанется Земля,
где можно будет солнцу улыбаться,
где будут реки, горы и поля!

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ...

Чтобы не было! Чтобы не было –
обжигающих слез твоих!
Чтобы ты за околицу бегала:
и встречая, и веруя в миг!

И не то, чтобы неповторимая,
но – единственная навек!
Ты, как чудо, судьбой даримое
заставляешь умолкнуть навет!

Чтобы вновь клевета безрассудная
не вила паутину в снах!
Ты берешься за самое трудное:
освящаешь и совесть и страх!

Чтобы не было! Чтобы не было
никого ни за что упрекнуть!
Улетаешь в священное небово!
Я туда же держу свой путь!

НАКАНУНЕ

Крадется год тигрово-полосатый,
прищурился глаз билайновски-кошачий...
Мы ждем тебя, две тысячи десятый,
с надеждой на всеилие удачи!

Год – знаковый по многим компонентам!
Но в чередке других – обычный все же!
В нем место есть цветам и комплиментам,
и поздравленьям юбилейным тоже!

НА КОНФЕРЕНЦИИ

Непсихотически психических расстройств
у туляков имеется безмерно!
Есть также множество других известных свойств,
статистика которых – достоверна!

По умственной отсталости не зря
подмечен факт расчетливо и тонко!
Есть в Туле мощных три богатыря:
есть пряник, самовар и оборонка!

Вот в этом мы, действительно, сильны!
А, значит, тоже – впереди планеты!
Психические нормы – не нужны
для тех, кто конструирует ракеты!

Стандарт национальный – соблюдем:
без водки – ни на шаг, ни на полшага!
Вот только – без закуски часто пьем!
Но есть рукав! Изнюхан он, бедняга!

Что Ясная Поляна! Лев Толстой!
Тургеневские виды на природу!
Коль в Грумантах осели на постой
те, кто в науке делают погоду!

ПО КРУГУ

Сквозь частокол мелькнувших лет
нам видится звезда рожденья.
А впереди – неясный свет
и непонятные виденья.

Жизнь – скоростной кабриолет –
без тормозов несется в вечность,
патрон последний в пистолет – вложив,
и празднуя беспечность!

Ветра судьбы свистят в ушах:
презрев заупокой мелодий,
оставив позади свой страх, –
звучат цыганщиной рапсодий!

Сквозь непрозрачность ясных нот,
где и диезы и бемоли, –
бурлит друзей круговорот!
И только память – на приколе!

Как звенья якорной цепи
мы сцеплены с тобой навеки!
Ты поутру спокойно спи,
усталые смыкая веки!

И, что бы не случилось, где,
в каком краю, в какое время, –
спокойна будь всегда, везде,
от жизни ожидая премий!

И не в хрустах бумажных суть,
а в отношении друг к другу!
Прости! Все мелкое забудь!
И запускай года по кругу!

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ВИТИ?

Гуляют души неприкаянно
в пучинах «разноизмерения»...
Сейчас живет там Витя Каинов!
Он видит нас сквозь тлен сомнения!

Быть может, там – другие таинства!
Другие реки и дороги!
Других людей другие «каинства»!
Другие мысли и тревоги!

Он, как и здесь, суперкритичностью
не всем в миру ином удобен!
Но он в него явился личностью,
фрактально сам себе подобен!

Он не искал дороги ровные,
в ущельях на плоту сплавляясь!
Он был мечтой – татуированный!
Жил, будто в завтра воплощаясь!

Предвидел многое неясное,
чему сейчас мы все – свидетели!
В покое – чувствовал опасное,
не доверяя «благодетелям»!

Пусть он сейчас представлен кварками,
или иными субчастицами!
Зазря во мгле вороны каркают
над дружбой вспыхнувшими лицами!

Соединяя хаос прошлого
с безмолвным хаосом грядущего,
он создает все то хорошее,
чем славно время вездесущее!

Гуляют души неприкаянно
в пучинах «разноизмерения»...
Сейчас живёт там Витя Каинов!
Он видит нас сквозь тлен сомнения!

БОСХ

Оплавленность свеченья воска...
Геенны огненной чернильность...
Распад Иеронима Босха...
Чертей застывшая мобильность...

Все смешано, разрыхлено и сковано...
Раздроблено, размазано и слеплено...
Несбыточность мечтаний – уготована...
За крюк тоски движенье тел зацеплено...

Из тьмы веков услышав возглас:
«Ты сам – больней, чем взрыв аорты!»
Увидишь в красно-черном Босхе
инфаркт надежды распростертой.

Но все плохое скорчится и смоеся!
Контрасты станут нежно-васильковыми.
А, значит, будущность по-доброму устроится,
стуча в пути счастливыми подковами!

НА СМЕРТЬ В.П. ГРЯЗЕВА

Он не дождался первоснежия,
ушел в начале октября
от жизни, что его не нежила,
но пройдена была не зря!

Как Архимед чертил он веточкой
на буныревском берегу
бесценные эскизы вечности
сквозь слабость, боль и «не могу!»

Прощай, Пушкарь ее Величества –
прекрасной Родины своей,
внедривший в качество – количество
мелькнувших в голове идей!

Непревзойденность в скорострельности
у пушек Грязевских, как стих!
Мощь с красотой – не по отдельности,
а в гармоничной связи их!

Его всемирное признание –
неоспоримо никогда!
Ведь ордена, медали, звания –
итог бессонного труда!

Скорбим по виртуозу кульмана,
по Гению пушкарских дел
с душой не проданной, не купленной,
и не нырнувшей в беспредел!

Друзья, родные! Плачьте искренне!
Ушел великий Бомбардир –
во тьме сияющими искрами
означивший Войну и Мир!

Покинул вас любимый папа,
любимый дед, любимый друг,
хранивший тихо, без нахрапа,
семейного покоя круг!

Пусть только память будет вечной
о красоте его души!
Он жив! Он с вами! И, конечно,
союз сердец – несокрушим!

НА СМЕРТЬ КАЦАНОВА С.

Он ушел от нестерпимой муки
в долгожданный вечности покой...
Так хотел вгрызаться в суть науки,
а сражался лишь с самим собой...

Плачут Света, Нина и Татьяна,
в скорби и родные, и друзья...
Все-таки ушел он слишком рано...
Так случилось. Только так – нельзя!

В трауре Дигорское ущелье,
Тула, подмосковные поля...
Ты скажи, Всевышний, неужели
для него не создана Земля?

Или для таких, как он, не время?
Или чем тебе не угодил?
Он готов был вставить ногу в стремя
и работать из последних сил!

Упокой его святую душу!
Настрадался. Надо отдохнуть.
Мы его покоя не нарушим,
проводя в самый дальний путь...

Л.К.

Его звонок прямой и честный
дурные мысли гонит прочь!
Звучит в ушах, как глас небесный:
«День добрый! Чем могу помочь?»

Весьма не прост. Спина не гнётся.
В сужденьях – прям. Другьям – открыт.
Все, что задумал – удастся!
Он книгочей и эрудит.

И всемогущ необычайно!
Рулит движением светил.
Еврейский Песах не случайно
он с днем рожденья совместил!

Боксерский навык не утерян.
Сдержав удар – дает ответ!
Сегодня всяк из нас уверен,
что проживет он двести лет!

Ну, пусть не двести, а сто сорок
он будет к жизни привыкать!
Пуускай не отсыреет порох
от жарких тостов! Так держать!

«ТРУБА ЗОВЁТ!»

Нет ни капельки сомнения,
что его «труба зовет»
в юбилейный день рождения
сделать нужный шаг вперед!

Наступает время выбора:
за распутием – три пути.
Но по жизни – надо выиграть!
Значит, верный путь найти.

Кто прошел войной крещение –
тот в сражениях иных
знает силу притяжения
сотоварищей своих!

Пусть чиновничье обличие
будет в жизни, как этап!
Креативность – есть в наличии!
Есть друзей надежных штаб!

Путь в науку – продолжается!
Обучение врачей –
новым смыслом наполняется
с воплощением идей.

Ведь теория и практика –
единением крепки,
как стратегия и тактика –
общей цели две руки!

С военной хитростью он дружен!
За ним в работе – не успеть!
Его девиз вполне заслужен:
руководить и честь иметь!

В КОМНАТЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Половицы деревянные, скобленные,
коврик домотканый у кровати,
две гантельки, весом оскорбленные,
да толстовка, да простое платье.

Где же ты, «матерый человечисе»?
Где же «глыба» с имиджем мессии?
Как увидеть в Маковецким леченном
символ духа здравия России?

Вновь лежат Каренины на рельсах...
Не придет к Катюше воскресение...
Как всегда сменяет пасха – песах...
Пленники кавказские – в забвении...

Вновь война и мир взаимоскручены,
а в оврагах ищут тонны «зелени»,
рукава Николенек засучены,
только вот они – без роду-племени!

Вместо дома предков – игромания.
Связи близкородственные – прерваны.
Реже – встречи, чаще – расставания.
Русь играет вздыбленными нервами!

Половицы – прошлого глашатаи –
чуть скрипят в углах по-стариковски...
Речь ведут экскурсоводы штатные,
жизнь Толстого режут на полоски...

Черная полоска, или белая?
Все равно столетиям грядущим!
Из деталей вылеплено целое,
и оно для нас, как хлеб насущный!

От дивана кожаного в вечность
улетела оболочка брэнная...
Он – не глыба, не скалы беспечность.
Он – и Тула, и сама Вселенная!

АРОМАТ МЯТЫ

Жерновами дел пустых в прах измятый,
начинаешь уважать постулаты!
Только все вокруг, увы, переменно!
А стабильность – эпизод сокровенный!

Выплывают из глубин наши даты –
словно крытые пушком листья мяты.
Рассыпая фейерверк искор звездных,
небо что-то от меня прячет в соснах,
чьи стволы чернее слов, кверху рвутся,
только корни – на земле остаются.
Растворяются в ночи криков звуки,
навевая горький сон вечной скуки!

Пусть страницы бытия нами смяты,
в них – впечатан аромат свежей мяты.
Что-то делаю не так! Что? Не знаю...
Только прошлое свое – не теряю.

Беспокойная душа. Леность тела.
Упорядоченный смысл беспредела.
Постоянные в стране перемены,
и актеры – на краю главной сцены...

КАФЕ «АКАДЕМИЯ»

Кафе «Академия». Сочи.
Закатная тишь и покой.
Не слышишь, как море грохочет,
не чувствуешь жарящий зной...

Чай жгуче-жасминно-горячий,
и лед – охлаждающе-злой!
Контрасты – согласие прячут
от зависти жадно-людской.

Пусть детских ожогов наследье –
исчезнет, как сказочный сон!
Настало иное столетье –
с научной закваской времен!

Надежды маяк – не потухнет!
Кафе «Академия» – быть!
Печально прошлое – рухнет!
Вот только не надо спешить!

НЕ ПРОМЕНЯЮ

Не променяю никогда
кипенье дружбы в миг застолья,
бурление тостов с хлебом солью,
желанность поутру рассоля,
загоризонтное раздолье –
не променяю никогда!

Не променяю никогда
друзей воистину – сужденья,
которым чужды чьи-то мненья,
в их мыслях – мира сотворены,
и в правоте своей сомненье –
не променяю ни когда!

Не променяю никогда
любви щемящее желанье;
горчинку злую расставанья,
приятность встреч, беды стенанье
и даже мрачность отпеванья –
не променяю никогда!

Не променяю никогда
все это на золотые горы,
на мерзкой власти коридоры,
на вечной жизни мухоморы,
на свежемислия заторы –
не променяю никогда!

Не променяю никогда
свой путь, кремнистый, но прицельный,
на достижение главной цели,
в науке и искусстве цельной,
недостижимой, беспредельной –
не променяю никогда!

Не променяю никогда
реки ревущей камнедробье
на тихих плесов бесподобье,
а перевалов сложнотропье
на гладь бетона плоскостопья –
не променяю никогда!

Не променяю никогда
Тургенева и Льва Толстого
на тех, кто исковеркал Слово!
А правду, хоть она – сурова,
на лесть, что подличать готова –
не променяю никогда!

ВЕСНА

Ласкает солнцем майский день,
неся душе покой...
От зелени деревьев тень
лежит на нас с тобой...

Выводит нежно саксофон
мелодий тихий стон...
Плывет по Туле вальс-бостон
в наивности времен...

Фонтан прохладой брызжет ввысь
под хохот пацанов...
Нырнуть в простую эту жизнь
любой из нас готов...

Салатом маечки светя,
бежит навстречу внук!
И это светлое дитя –
важнее всех наук!

НАШИМ ЖЕНЩИНАМ

Женщины – арбитры поневоле
в той игре, где жизнь на интерес!
Где играют на футбольном поле
матч хитросплетения чудес.

Зябкий март – достойная награда
для команд Мальвин и Буратин.
В судьбах их – живет Олимпиада
жаркой схваткой женщин и мужчин.

Вынув желтой карточки горчичник –
цвета распустившихся мимоз,
женщинам пригрезится девичник,
да ночами зябкость тайных слез.

Результат ванкуверски-печальный
праздник нам не сможет омрачить!
Потому что знаем изначально,
что без пониманья – не прожить!

Потому, что «инь» нельзя без «яна»!
Их единство – вечности залог!
Не бывает чувства без изьяна!
Не бывает счастья без тревог!

И не будет с поля удаленья!
Будут поздравленья и цветы!
С праздником весеннего цветенья!
С пожеланьем яркой красоты!

Чтобы вам не ощутить разлуки!
Чтобы в жизни просто – повезло!
Пусть переплетутся наши руки!
Пусть весна приносит вам тепло!

ФЕВРАЛЬ

Пришел февраль. Зима сдала
свои права на холод лютой.
В предвосхищении тепла
считаем дни, часы, минуты.

Пока весна еще в пути,
в ледышках – слезные капли...
И надо в темпе путь пройти,
чтобы года не индевели.

Есть день в начале февраля,
который зиму закрывает –
не в зоне евро, а рубля,
где поздравления не тают.

Тепло – струится не спеша
по жилкам каждого цветочка.
И вот – оттаяла душа,
и расцвела надежды почка.

Грядет, как вечность, вешний свет.
Приходит верное решенье.
И, пусть для нас пощады – нет,
есть пониманье и прощенье!

СОЧИ 2010

Прибой – то сплевывает пену
на пляж из гальки и песка...
То разбивается о стену
в бетонной мощности броска...

Его удары терпят молы,
шуршащей гальки слышен зов...
Вода – чернее пепси-колы
в шипящей пенности усов...

Сквозь облака – солнцепаренье,
от душной влаги льется пот...
Температуры несваренье –
микстур лечебных льдистость ждет.

Зеленая жасминность чая
язык до пищевода жжет...
Остаток мыслей, закипая,
в тенистость мудрости зовет...

Но дождь внезапно, будто градом,
по крышам, тентам и плечам –
вдруг разразился частопадом,
ожившим сердцем застучал...

Морской прибой убавил спеси,
увидев опустевший пляж,
густую темноту навесил,
ночной набросив камуфляж...

СЕМЬДЕСЯТ + ПЯТЬ

С небес подарок – семьдесят плюс пять!
Все также жизнь своим теченьем нежит.
Еще скрипит от наших тел кровать,
но чуть потише, и чуть-чуть пореже!

Родных теряем, близких и друзей...
Но кое-что в пути – приобретаем.
И пусть не много пьется в юбилей,
но тостовать в застолье – приглашаем!

Те, кто глазел когда-то нам вослед,
состарились, и не на нас глазают!
Все потому, что прыти бывшей нет,
остывший чай – воспоминанья греют!

И, вдруг, приходит семьдесят плюс пять!
Вновь угли разгораются в камине,
опять скрипит не хилая кровать,
и мыслей пенсионных нет в помине!

Как будто время повернуло вспять!
И снова можно водочкой согреться!
И хочется за женщиной бежать!
И можется в березку упереться!

Пусть будет дважды семьдесят плюс пять!
Но вкус у жизни – будет настоящий!
Пускай скрипит по-прежнему кровать,
но чуть погромче, и чуть-чуть почаще!

ДАГЕСТАН

Где горы переходят в море,
где люди крепче, чем скала,
орлом парящим на просторе
раскинулась Махачкала!

Гостеприимством привечая
друзей из разнодальных стран,
всегда находит рюмку чая
благословенный Дагестан!

Здесь никого не удавалось
многоязычьем удивить.
Людские судьбы завязала
в единый узел жизни нить!

Кумыки, лакцы и аварцы,
азербайджанцы и рутульцы,
даргинцы и табасаранцы,
лезгины, таты и цахурцы.

Здесь беспокойный Минкаилов –
мой старый друг и старший брат,
пульмонологии светило –
всегда гостям заезжим рад.

Здесь Чамсутдинов сед и строен
предложит вкусный калмык-чай,
своей фамилии достоин –
проректорствует Кубатай.

Между предгорьями и взморьем
стирает грани Дагестан!
Здесь на вопрос в извечном споре –
ответ неповторимый дан!

Кто виноват, и что нам делать?
Не стоит спорить горячо!
Нет меж людьми водораздела!
Есть – дружбы крепкое плечо!

БОГОЯВЛЕНИЕ

Не Он крестил! Его крестили!
И этим славен Иордан!
С небес слова – навек застыли.
Крестил – Предтеча Иоанн.
Богоявление случилось:
Отец и Сын, и Дух Святой!
Все это в праздник воплотилось,
целебной вспыснутый водой.
Пускай крещенские морозы
дадут здоровье грешным нам!
За счастье жить сквозь смех и слезы
сегодня выпьем по сто грамм!

МИНКАИЛОВУ

*Нет! Каспий обмельчать не может,
могучим Тереком полнясь!
Страна не измельчает тоже,
пока крепка народов связь!*

А раньше по-другому снег скрипел!
Была иною доброта людская.
Не напоказ среди насущных дел,
а сущностью душа была такая!

Снег падал тихо, и мороз крепчал,
но ветра жгучесть нас – не обжигала!
Никто в истошной злобе не кричал,
кривя эфир в лучах телеканала!

Свежо и звонко тикали сердца.
Глаза открыто в день другой глядели.
Не думалось о близости конца
в чреде забот о достиженье цели.

Была надежда в помыслах чиста.
И государство тоже все же было.
Пускай идея не была проста,
но будущность людей объединила!

Когда страны разрушился каркас,
мы помним точно, сути лишь не знаем:
за что Россия разделила нас
на всех простых, и тех, кто невменяем!

На силы свыше стали уповать –
молясь, крестясь, иль делая намазы,
чтобы самих себя не потерять,
бездумно претворяя в жизнь указы!

А кто-то сеет розни семена!
А кто-то от нее – навар имеет!
Растет непонимания стена,
и ропот недовольства бурно зреет.

Что раньше по-другому снег скрипел –
определяет внутреннее ухо!
Но не такой уж скорбный наш удел,
поскольку в мыслях не царит разруха!

Сравнив неповторимость прошлых лет
с пороками теперешнего быта,
мы в дне грядущем ищем правды свет,
покуда чаша жизни не испита!

Мы сами виноваты в том, что есть!
И нужно детям – солнца дать лучистость!
Тогда нам будет и хвала, и честь.
Снег обретет пушистость, белизну, чистоту!

Для внуков будет также снег скрипеть,
как и для нас сегодня, по-другому!
Им звонче суждено и чище петь,
храня пути к родительскому дому!

Да! Раньше по-другому снег скрипел...
И мы тогда другими тоже были...
Коль завтра прекратится беспредел,
то правнукам – о нас расскажут были!

Такие, Минкайлов, времена!
С тобой их понимаем, словно братья...
Кавказ – многоязыкая страна –
нас заключил в кремнистые объятья!

СОДЕРЖАНИЕ

Шестидесятые, семидесятые годы XX века

Вышний Волочек	4
Русь осенняя	5
Сны другие	6
Цыганки на пляже	7
Дожди в Новом Афоне	8
Дорога с Рицы	8
«Душевное» интервью	9
Полюбить или побить?	10
К проблеме воспитания	11
Вдалеке	12
«Друзья приходят, как за ночью день»	12
Г. и Ю.	13
Блокада	14
А! Абхазия!	14
Музы	15
Золото	16

Восьмидесятые годы XX века

Игра	18
После бани	19
Пыль старая, пыль новая... ..	20
Читая Марка Аврелия	21
Окопным поручикам прошлого	22
Мой выстрел!	23
Поезд надежды	24
Мираж	25
Печальное доверие	26
Полетела девушка	27
Автопортреты Пикассо	28
Странствующие гимнасты	29
«Витражи акварельными пятнами...»	29
Сауна	30
Шторм	31
Венок осенних не сонетов	32
Встречный	34
Гроза	35
«...Кончен бал, погасли свечи...»	36
Крик	37
«Меня ударили под дых, или под вздох...»	37
Из прошлого	38

Лазерное излучение жизни	39
Не до... ..	40
Осень	41
Рубайи	42
Весна	43
Сыны уезжают	43
Да или нет?	44
Осень	45
Пора? Пора!	46
Летняя лихорадка	47
Пионы осенью	48
Коррида	49
Русские в Мадриде	50
Обнаженная Маха	51
«Назло врачебным предсказаниям...»	52
Карлики в музее	53
Свеча стояла... ..	55
Не сложилось... ..	56
Лиловый период	56
«Как будто буром зуб больной задела остро...»	57
Блок	57
Автородео	58
Один вдох	59
А друзья все уходят	60
Порнуха	61
Московские полковники	62
Что-то в мире не по правилам	63
Ошибка	64
Думы девочки	64
На гибель «Нахимова»	65
«Сегодня утро сонное слезится в пол-росы ...»	65
Посвящение	66
Бердянский вальс	67
Начало конца	68
Старые вокзалы	68
Рождение чудовищ	69
О гитаре Шаляпина, подаренной им моему деду	70
А. Баяновой	72
Что это?	74
Девяностые годы XX века	
«Арбузом пахла осень ранняя...»	76
«Дымятся листья на огородах...»	77

Коктейль событий	77
Женский романс	78
Миражи	79
Казачье	80
«Тот самый...»	81
«Наш паровоз, вперед лети...»	82
Молитва	83
Ночной аэропорт	85
Почти по Лао-Цзы	86
Слеза одинокой женщины	87
Утонувший корабль	88
И.К.С.	89
Время	89
Не пиши	90
Беспредел стихии страшен	91
Застойный пруд	92
Как пишутся строки	93
Картина на вокзале в Сочи	94
Пожалей	95
Ноябрь	96
Праздник	97
Приглашение	98
После бури	99
Не смей!	100
Сочи – Владикавказ	101
«Две звезды: побольше и поменьше...»	102
Стрельцу – женщине	103
Решето жизни	104
«Трамвай – пятерочка...»	105
Что нарисую я на полотне?	106
И.Г.Г.	107
Плач Виктора по украденному компьютеру	108
Ты и я	109
Август	110
Джиоконды	111
Ожидание женщины	112
Вот так!	112
Может быть	113
Не забудь	114
Октябрьская нота	115
«Никогда...»	116
Такова жизнь...	117

Три дня без хлеба	118
Хмельнуло дымом	119
Чудо	120
Текущее время	121
Марток	122
Мой оригинал	122
Это ты	123
Женщинам-поэтам (конечно – шутка...)	125
Ожидание благодати	125
Песнь моего друга	126
8 марта	127
Куликово поле	128
Опять весна	129
Купейное-шутейное	130
Здоровски... ..	131
«Мы не станем подводить итоги...»	131
Москва – Тула – Ливермор	132
Эльхотовские ворота	133
«Значит, вот так получается...»	134
Непризнанные регалии	134
Давай, Володя	135
Борцовский ковер	136
Перевал	137
Деревья и люди	138
Тельняшка	139
В зоне «Красных фонарей»	140
Осень противоречий	141
Гроза другая	142
Дорога	143
Женщина раскованная – дело рискованное	144
Всем... Всем... Всем... ..	145
Борьба продолжается	147
Донкихотство	148
Чернский военком	149
Заутреннее	150
Часы	151
Сердцеброжение	152
Памятник	153
Прощай, Окуджава	155
Женщинам средних лет	156
Октябрьская хлопкость	157
Похолодало	158

Лесному королю	159
Мужчинам средних лет	160
Спасибо за урок	161
Женщины	162
Монпарнас	164
Юбилейная погода	165
Зима в ход	166
Дальняя дорога	167
«Все равно: что разлука, что ссора...»	168
Новый год	169
Пасха	170
Огород	171
Телепередача	172
Друзьям, которых в этот день увидеть не придется... ..	173
Хороший день	174
Три раунда	175
Слово «дом» мужского рода?	176
10 лет горечи	177
Брудершафт	178
«Художник наших тайных грез...»	178
Год быка	179
Звени, звонок	181
Под шорох листьев	182
Нет вопросов?	183
«С шуршанием березовых волос...»	183
На смерть Бродского	184
Фламенко	185
Серьга любви	186
«Двадцать пять июлей отстучало...»	187
Тост	188
Искрятся снежинки	189
Зарождение весны	190
Тула – Москва – Стамбул	191
9 мая	193
Отвальная	194
Болотников переулоч	196
В лифте	197
В кафе	197
После выборов	198
Азбука боли	199
Годы, чувства, песни	201
Дед	202

Июль	203
Выводы	204
Поплачем!	205
Под березою, под осиною	206
Седина и бес	207
Случайные стихи	208
Береза и куст	209
Ранняя осень	210
Я просить прощения не стану!	211
Танго	212
Ветра свист	213
Что станет?	214
Новогоднее	215
«Везувий снова погружен в покой...»	216
Везувий	217
Жить не спеши!	218
Авария чувств	219
Наследие	221
Весна	222
Или – или...	223
Озарение слов	224
Гадание	224
Городской романс	226
Абрек	227
Горит сушняк	227
Исторические яйца	228
КРУ	229
Стон любви	230
Шар в лузу	231
Морское...	232
Снег на крещение	233
Медведь и лиса (басня)	234
Недостаточность любви	235
О ком пишу?	236
Плеть полусонетов	237
Не верьте!	240
Полоса	241
Южная жара	242
Трамвайное	243
Больной сон	244
Радикулит	245
Район рая	246

Год будущий	247
Ранняя осень	248
Виртуальное виденье	249
Уходи	250
Дожди	251
По-прежнему, по-пустому...	252
Григорию Е.	253
Букет из венка	254
Илюхину П.И.	255
Кролико-год по какому-то календарю	256
Август в подмосковье	257
Факел очищенья	258
Врагам	259
В день Николы-угодника	260
Услышав песню Пугачевой	261
Женщинам Пушкина	262
В ожидании зимы	263
Женщины и время	264
Мороз крепчает	265
И снова март	266
Майский снег	267
Маме	268
Уход мусульманки	269
Мужик за годами не тянется	270
Движение вверх	271
Пир во время чумы?	272
Путь в XXI век. 2000 – 2005 гг.	
Валентинов день	274
Дамский день	275
Догонялки	276
Сорокоуст	277
Женам друзей	278
Армянский фокус	279
Ты и море	280
На смерть друга	281
Омар Хайям и музы	282
Он!	284
По поводу, а, может, без него...	285
Джихад	286
Роль личности	287
Футбольный мяч	288
Ты улыбнись...	289

Охотнику	290
Талая вода	291
Шестьдесят плюс пять	292
Жизнь	293
Памяти Виктора Каинова	294
«Клубится фимиам заздравный...»	295
Да здравствуют женщины!	296
Как будто жив... ..	297
Женщинам – ментам	298
Шляпка	299
Жара в стране	299
Ну и пусть... ..	302
Венеция	303
Ты	304
Сказка	305
Прощайте, скалистые горы	306
Не подставляй корму!	307
Левый поворот	308
Трое и собака	309
В новом веке	310
За женщин пьем!	311
В Пришне	312
Ночная картинка	313
На папертях дорог	314
Мы не будем гонимы	315
Январский тост	316
И-цзин, «книга перемен»	317
В канун рождества	318
Капоты	321
Старый новый год	322
Иной день	323
Благняк	324
Шарм–Эль–Шейхские заметки	325
Отдых на Оке	333
Поток	334
Беда в Осетии	335
Профиль Ахматовой	337
Цыган	338
Врачи	339
Макро- и микро	340
Отдых в Сочи	340
Сестре	341

Вновь нестерпимая жара...	343
В Берлине	344
Два перстня	345
Домик в деревне	346
Инкассаторам	347
Заметки в сочельник...	348
Ну и пусть	349
М.З. Шуфутинскому	350
Матвейчу	351
Обоюдоданность	352
Норд-Ост	353
Параллели	354
Пленэр	355
Про «ещё» и «уже»	356
Воздушные замки	357
Сурдокамера	359
Чайник	360
Тенденция парадоксальных эмоций	361
Что-ты? Что-ты? Что-ты?	362
Председателю Тульского отделения Союза писателей России	363
Междисциплинарный экзамен	364
2003 год	365
Блуждания любви	366
Ищите женщину	367
Ты такая...	368
Золотой мираж	369
Сестричка	370
Постоянство	371
Рождество	372
На Дерибасовской хорошая погода...	373
Раньше и теперь	374
Три девицы...	375
Гуманитарная катастрофа	377
Все ли?	378
Год очищения	379
В женский праздник	380
Гордость Тулы	381
Мой вой	382
Пьяный тапер	383
Хороший возраст	384
День физкультурника	385
Деревня	386

«Дрожащим от холода маем...»	386
Не плачь!	387
Герою России	388
Девчонки	389
Дяде Саше	390
Боковое зрение	391
Марсианская история	392
Стихосложение	393
Мартовская встреча	394
Пусть остается все	395
Прощание с Сургутом	396
Сэр губернатор	397
Перспектива	398
Осеннее	399
Левая правота	400
Борисоглебская девчонка	401
Упрек любви	402
Пенсионный возраст	403
Вызванные потенциалы	404
Путь туда	406
«Веки прикрыли остывшую суетность взора...»	406
Цунами	407
Гимн Тульского Государственного Университета	409
Ю.Б.	410
Предсердная миксома	411
Спасибо женщине	412
Я не пишу тебе	413
К Дагестану	414
В Тарханах	414
Старческое ворчание	415
9 мая	416
Двухпартийная система	417
Зарисовка на Валааме	419
В рейсе на о. Валаам	420
о. Валаам	421
Странноприимный дом	422
Габбро–диабаз	423
На Ладого	424
«Феня по понятиям»	425
Тост	426
Тульский Робертино	427
День защитника	429

Страница бытия	430
Провожая год синего петуха, встречаем год огненной собаки!	431

XXI век. 2006 – 2010 гг.

Диета в отелях	436
Другу	437
Коровы на снегу	438
Навеяло	440
Опять восьмое!	441
Осеннее прощанье	442
Ровесникам века	443
Г.Ш.	444
Турнир памяти Фризена	445
Ханука	446
Что желают женщине?	447
Москвичам	448
Ромке	449
«Стиховой»	450
С новым годом!	451
Время хаоса	452
Весна прошла	452
Год крысы	453
Деловой женщине	455
Дружеская уха	456
Женщине семейной	457
Первая застольная молитва	458
Вторая застольная молитва	459
Путь путника и грифа	460
И снова женщинам	461
Свои и чужие	462
Тост следующий	463
Тост гостю	464
Ушедшей	465
Сороковины	466
Хулиганки	467
Лезгинка	468
На смерть Василия	469
Всевышнему	471
Бочаров ручей	472
В Ясной поляне	473
«Волн искрящихся волнение...»	474
Восьмое марта и немного критики	475
Хороший отдых	476

Дождь в Сочи	477
На даче Берии	478
Штурмит	479
Женщине	480
Корьтá	481
Мальчик и президент	483
День в Цхинвале	485
Концерт Гергиева в Цхинвале	487
Саакашвили	488
На гимн США	489
Формула успеха	490
Одоевское	491
Где ответ на вопрос?	492
День медицинского работника	493
День рождения в дороге	494
На смерть Лашнева С.Т.	495
Дамский козырной праздник	496
Кармадон	497
Карнавал в Бразилии	499
Кентавр-стрелец	500
Искусство из мусора	501
Легенда о Хетаге	501
Не то!	503
Неуч	504
Облако на вершине	505
Полный вперед!	506
Скуряченность	508
Пу́рим	509
Сон	510
Тайна окаменелой раковины	511
Чтобы не было... ..	512
Накануне	512
Багильник	513
На конференции	514
По кругу	515
Десять лет без Вити?	516
Босх	517
На смерть В.П. Грязева	518
На смерть Кацанова С.	519
Л.К.	520
«Труба зовёт!»	521
В комнате Л.Н. Толстого	522

Аромат мяты	523
Кафе «Академия»	524
Не променяю	525
Весна	526
Нашим женщинам	527
Февраль	528
Сочи 2010	529
Семьдесят + пять	530
Дагестан	531
Богоявление	532
Минкаилову	533